

Андрей Фёдоров

Школа

18+

Андрей Владимирович Фёдоров

Школа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70245697

SelfPub; 2024

Аннотация

В сборнике рассказов поднимаются проблемы взросления, самореализации, выбора будущей профессии, а также многие изъяны современной системы образования. Весёлые и грустные истории, выходки и баловство, школьная травля и другие подростковые проблемы, а также их преодоление – вот, что ждёт вас на странице этой книги простым и понятным каждому языком.

Андрей Фёдоров

Школа

Уроки русского

Иногда порою удивляешься, как меняется со временем твоё отношение к некоторым учителям. Тем, кого ты считал в своё время хорошими, сейчас ни за что бы не отдал на обучение своих детей. А к тем, кого считал отвратительными и ужасными, кого боялся и презирал, перед кем трясся и чуть ли не выслуживался, лишь бы угодить и не получить двойку, начинаешь относиться с должным уважением, признавая, что именно с этим учителем ты добился в учёбе наилучших результатов, что именно этот учитель predetermined твоё будущее на всю оставшуюся жизнь, каким бы мрачным и безурожайным оно бы ни оказались в итоге. Такой учитель в школьные годы имелся, наверно, у всех. Был и у меня.

Её звали Лилия Александровна Поскупова – простой учитель русского языка и литературы из простой средней школы под номером десять, стоявшей в нашем небезызвестном захолустье за полярным кругом. Казалось бы, чего в ней особенного? Обычная училка из обычной средней школы, перебиравшая страницы книг путём облизывания пальцев, обладавшая неприятным, писклявым голосом, увядающая на

глазах, наносившая мерзопакостный макияж, скверно одевшаяся, а также не забывавшая перед каждым уроком зачесать образовавшуюся с возрастом залысину. Таких по всей стране завались, было бы о чём писать! Неужели стоит уделять внимание подобной посредственности, обыкновенной для каждого села?

Но нет! Училка эта не была обыкновенной, не была посредственной. Наоборот, обладала удивительным свойством заставлять своих учеников добиваться наилучших результатов и делала это куда эффективнее, нежели другие учителя, в результате чего ребята сдавали экзамены по русскому языку лучше, нежели по выбранным ими для поступления профильным предметам. И я вам это докажу на примере собственном, на примере моих одноклассников и на примере тех, кто никогда у неё не учился. Уверяю, что результаты будут поразительны!

***

Впервые нам довелось познакомиться с Лилией Александровной ещё в далёком мае 2005 года, когда над беззаботными временами старого-доброго советского образования по билетам начали сгущаться тучи в виде ЕГЭ – тогда ещё чего-то экспериментального, чего-то далёкого, чего-то невысказанного, того, что отменят через пару лет из-за провала эксперимента. Ну а правда, что может быть лучше всем при-

вычного классического советского экзамена по билетам? Подробностей первого урока с ней я не помню, но о чём точно не забыл, было то, что занятие оказалось своего рода открытым уроком, на котором присутствовали то ли наши родители, то ли другие учителя, а также что решали мы задания из материалов ЕГЭ 2005 года. Чтобы вы понимали, единый госэкзамен тогда действительно наделал шуму в педагогической среде, изрядно всех взволновав. Кто-то говорил, что он сложный, другие утверждали, что он сделает детей тупыми. Тот урок, видимо, был призван доказать, что всё это неправда, и эксперимент, очевидно, удался: мы, ученики четвёртого класса сумели довольно успешно решить все представленные нам задания и не оступили. С другой стороны бояться ЕГЭ учителя так и не перестали. В том числе и сама Лилия Александровна. Просто им было легче по билетам, а тестовой системы они не понимали и не воспринимали всерьёз. Привыкли ведь к старой системе, из зоны комфорта выбираться не хотели, ибо сами сдавали в своё время экзамены по билетам тем учителям и преподавателям, кто в допотопные времена тоже сдавал экзамены по тем же самым билетам. Они, будто экипаж «Летучего голландца» из фильма «Пираты Карибского моря», буквально срослись с кораблём и уже не могли его покинуть, продав свою душу морскому дьяволу Дэйви Джонсу. И ладно бы, чёрт со всем этим, но страх перед ЕГЭ от учителей передавался ученикам. Так мы начали бояться экзаменов уже в то время, когда ужасаться

им было ещё рано.

Лилия Александровна же аки сержант Хартманн из фильма Стэнли Кубрика «Цельнометаллическая оболочка» или любой другой суровый офицер из армейской учебки, видимо, решила, что в словах Суворова о том, что тяжело в учении – легко в бою, есть соль. Вот и начался у нас с ней весьма тяжёлый процесс обучения.

Первые уроки она нас щадила, понемногу подготавливая к своему скверному и суровому характеру, терпимо относилась к нашим выходкам и нарушениям дисциплины. Но в один прекрасный момент Лилия Александровна не выдержала и решила нас проучить. И поверьте: кто через это унижение проходил, никогда его не забудет.

Были у нас в классе два закадычных друга Ярик и Саша. Они всегда любили на уроках нарушить дисциплину, дай только повод. Другие учителя или сквозь пальцы смотрели на такое, стараясь лишь контролировать, чтобы те балагурили как можно реже и тише, или вообще старались не обращать на это внимания. Те, кому их предмет был нужен в дальнейшем, сами будут слушать то, что говорит учитель. Кому не надо по их мнению знать, например, историю, к своим тридцати годам будут охотно верить в то, что пирамиды построили инопланетяне, а учителя и учебники всё вралли, но он сразу чувствовал фальшь, потому и не слушал ничего на уроках – всё равно на них ни слова правды не сказали. Лилия Александровна же к своему предмету относилась ку-

да серьёзнее. Будь ты хоть слесарем, хоть профессором математики, хоть даже бомжом по профессии, но в России русский язык знать был обязан.

Так во время очередного со стороны Саши и Ярика нарушения дисциплины, она вдруг резко прекратила урок, встала около стола и начала с нескрываемым раздражением пристально вглядываться в наши детские, наивные лица, мечтавшие не о постижениях новых знаний по русскому языку, а прохождения всяких разных стрелялок на компьютере. Смотрела она на нас долго, лицо её краснело, а мы всё ещё глупо хихикали, не понимая, чего она хочет этим добиться. Стоит глупенькая, молчит, пока мы сидим тут и ржём над ней как лошади. Даже сказать ничего не может, не ругается! И что дальше то?

Но потом чудесным образом все начали успокаиваться. Хихиканий и разговоров становилось всё меньше, но больше витало в воздухе некое напряжение от неловкости: мы вдруг почувствовали, что нам всем понемногу становилось стыдно. Всё-таки взрослый, уже пожилой человек тут стоял перед целым классом остолопов, неспособных заткнуться, когда их просят. Казалось, ещё чуть-чуть и пойдёт к директору на весь класс жаловаться, ну или доведём Лилию Александровну до сердечного приступа, ведь лицо её всё более краснело, а мышцы на нём выглядели перенапряжёнными.

И прямо в тот самый момент, когда весь класс быстро стих и наступила гробовая тишина, а мы смущённо уткнулись в

парты, не желая сталкиваться с учительницей взглядами, Лилия Александровна пошла в наступление, окончательно расставив все точки над і. Но нет, она не истязала нас розгами, как было принято в далёкие времена. Наоборот, лупила глаголом. И голос её писклявый (представьте сейчас «политолога» Екатерину Шульман, и поймёте, о чём я), старческий и трясущийся казался циркулярной пилой, режущей живую плоть.

– Наговорились? Теперь я могу говорить? – спрашивает Лилия Александровна, окидывая нас презрительным взглядом, – или мне вам не мешать?! Так вы скажите, я уйду. Раз вы тут самые умные, чего мне у вас уроки вести? Будете сами ЕГЭ сдавать, а потом в результате никуда не поступите. И все пойдёте поголовно дворниками работать. Или всё-таки, может быть, позвольте мне вести урок дальше? Я вас перекриковать тут не собираюсь. Не усвоите материал, будете потом позориться в университетах, неспособные два слова друг с другом связать. А потом на работе... Да с вами связываться никто не станет, так как друг с другом два слова связать не сможете! Кому вы нужны будете? Во взрослой жизни требуется дисциплина, а вы и этого не можете сделать. Ну если вам так нравится, то без проблем. Вы вообще можете написать на меня коллективную жалобу и отказаться, мол, вам не нравится, как я вас учу. Никаких трудностей нет, было бы желание. А дальше, что и как у вас будет, это уже не моё дело! Не хотите учить русский язык – не надо! Вас никто не застав-

ляет! Можете вообще на уроки не ходить. Зачем, если вы и так всё знаете, раз меня слушать не хотите? Только вот если я вызову сейчас к доске любого из вас, задам пару сложных вопросов, которые опускают на уроках другие учителя русского языка, так как у них времени вам разжёвывать материал нет, вы ответить не сможете. А это важно, это спрашивают на экзаменах, я знаю. И сейчас, распинаясь тут перед вами, даю вам знания, которых другие не дадут, разжёвываю и помогаю проглатывать – вам только переварить осталось! И вам по хорошему надо бы слушать, вникать, впитывать как губкам, чтобы потом после школы было хоть куда-нибудь и хоть с чем-то за спиной прийти. Но я сейчас вижу, что вы не хотите. А если сейчас ошибаюсь, то вам нужно на моих уроках молчать и слушать. Это мои требования. Ещё раз повторю, если вам они не нравятся, лучше от меня отказаться. В ином случае мне на моих уроках нужна дисциплина. И я прошу вас мои требования неукоснительно исполнять. Так у вас будет то, чего не дадут вам другие.

Внезапно прозвенел звонок. Лилия Александровна продолжала:

– В итоге что у нас? Половину урока пропустили только потому, что вы не можете нормально сидеть и слушать. Когда этот материал наворачстаем, не знаю. Будем стараться. Если вы, конечно, хотите. Я вас не уговариваю. А так идите сейчас на перемену и задумайтесь над моими словами. Все свободны.

Она потом ещё не раз повторяла такие методики давления на нас во имя поддержания дисциплины. Но с каждым разом мы вели себя всё смиреннее, дисциплина становилась твёрже. И, несмотря на то, что нам это не нравилось, но учились у Лилии Александровны скрипя зубами, думая, что она несправедливо строга, и в то же самое время будучи уверенными, что её слова про углублённые знания, не даваемые другими учителями, правдивы. Тогда, конечно, сравнить было не с кем и не с чем, но уже в десятом классе, когда ряды нашей старой гвардии пополнились новенькими, именно мы у неё, считай, ветераны, были самыми успевающими и дисциплинированными, что её очень радовало.

Но тогда уходили на перемену мы выжатыми до последней капли. Никто даже слова сказать не мог. Все только убедились в одном: на уроках Лилии Александровны дисциплину лучше не нарушать – себе дороже. Впрочем, как оказалось потом, это были не единственные её требования. Дальше только хуже...

Бывали моменты, когда, зная, что первым уроком у меня будет русский язык, я просто не хотел появляться в школе. Почему? Да потому что знал, что каждое утро у нас с Лилией Александровной будет разбор полётов по поводу домашних заданий. И не дай Бог, оно окажется написанным неаккуратным почерком, не по правилам ею установленным! Если что-то сделал не так – вешайся!

Когда шли что-то решать у доски, то молились всем бо-

гам всех религий, чтобы Лилия Александровна не вызвала именно нас. Почему? Да потому что в случае ошибки отчитает по полной, да ещё и взглядом окинет таким гневным и презрительным, будто в голове у неё маячила единственная мысль: лучше бы ты, сволочь, не родился на свет Божий. Конечно, это заставляло работать над собой, но самооценку понижало серьёзно. Впрочем, и это была не самая жесть. Но до неё родимой мы ещё доберёмся.

В то же самое время и сказать, что Лилия Александровна была прямо тираном, нельзя. Ведь к тем, кто учился хорошо, русский язык постигал без проблем, правила и требования её соблюдал, уроки учил, домашние задания делал всегда и вовремя, она относилась чуть ли не с материнской любовью, отдавая в дар тёплую улыбку, милость и даже некоторые послабления в дисциплине. Всего у нас в классе было сначала две, а потом после перевода из других школ и четыре отличницы, которых она чуть ли на руках не носила за безупречное знание русского языка. Притом это самое «на руках носила» иногда смотрелось так, будто она их ещё и облизывала, чтобы блестили. Будто считала своей прелестью, каким для Голлума во «Властелине колец» Толкина было кольцо всевластья. Надо ли говорить о том, что именно по этой причине мы, остальной класс, отличников просто ненавидели, считая подлизами, заслуживающими похвалы от Лилии Александровны только за то, что те просто соблюдали правила и никак её методике обучения не противились? Да, именно

поэтому и ненавидели...

***

А пока мы страдали, изнывая на уроках, наши родители, разумеется, о творившейся «жести» были прекрасно осведомлены, потому что не жаловаться мы, изнемогавшие от её суровых и строгих требований, не могли. Суровая дисциплина означала единственное: мы тратили на домашние задания по русскому больше всего времени в ущерб другим предметам. Притом проводили время за уроками порою до глубокой ночи, лишь бы успеть до завтра. А ведь у нас ещё история, английский, физика, математика и т. д., которыми мы жертвовали, лишь бы успеть сделать русский. Разумеется, многим родителям из-за этого казалось, что Лилия Александровна требует от нас сверх меры, будто думает, якобы других предметов в мире просто не существует. Если бы они ещё узнали, о том, что у нас было пять уроков русского в неделю и всего две или три математики, то окончательно бы убедились в том, что учитель явно перегибает палку со своими требованиями. Особенно это было актуально, если родители хотели, чтобы их дети стали программистами, инженерами или физиками-ядерщиками. Впрочем, и помимо этого к Лилии Александровне претензий хватало по поводу домашних заданий, сочинений и т. д. По этой причине наши папы и мамы, недовольные методикой учителя, приходили

с ней разговаривать по этому поводу и высказывать своё однозначное возмущение.

И если вы думаете, что хоть один из этих серьёзных разговоров с ней у наших родителей увенчался успехом, то нет. На любой аргумент весом с молоток находился ответ Лилии Александровны с кувалду. По крайней мере моих точно она смогла убедить, что это не от меня требует невозможного, а, наоборот, я ни черта ни на что неспособен. Мои восприняли это как призыв к действию и заставили терпеть. Другие же родители хоть и приняли её аргументы к сведению, но сделали это скрипя зубами, потому что проблема по сути не решалась. Мы продолжали тратить на русский язык непропорционально много времени в сравнении с другими предметами.

Но в один момент терпению группы некоторых родителей на собрании пришёл конец. Обговорив всё с чадами, они поставили вопрос о том, что от Лилии Александровны пора отказываться. Классный руководитель с их доводами согласился и предложил проголосовать на следующем собрании, быть ли ей нашим учителем русского или нет? Как только об этом сообщили классу, радостные крики на весь кабинет были, в том числе и с моей стороны. Но больше всех были рады трое учеников: два мальчика и одна девочка. Один из пацанов Дима был моим лучшим другом, другой оказался как раз Ярик, а с той девчонкой Лерой мы очень тесно общались. Против же были отличницы, совершенно не радовавшиеся тому, что уровень их знаний с более слабым учителем

упадёт, а Лилия Александровна объективно была лучшей во всей школе.

Родители отличников тоже, разумеется, были против того, чтобы знания их детей падали качеством только потому, что кто-то не успевает за остальными или кому-то учитель не нравится по личным причинам. Уж каким образом они в итоге сумели убедить остальных, что Лилию Александровну нужно оставить, я не знаю. Но факт остаётся фактом.

После того, как на следующем родительском собрании учителю вынесли вотум доверия, а предки доложили о результатах чадам, мне от Димы прилетело знатно, мол, я предатель, потому что мои родители проголосовали против замены учителя. Спорить с ним не стал. Предатель? Ну ладно, хорошо! Просто всё дело было в том, что Лилию Александровну я тоже тогда не любил, как и остальное большинство класса, но особо не жаловался родителям про её методы обучения, как и остальное большинство тоже не ябедничало, хоть на уроках и скрипело зубами. Более того меня отец бы наверняка одарил подзатыльником, начни я ему рассказывать, как плохо и тяжело с ней учиться. Наоборот, заставит в три раза усерднее сесть за учебники и получить в следующий раз четыре, а не три, нежели поведётся на моё нытьё о плохом учителе. Но что Диме и другим «оппозиционерам» рассказывать теперь, чего оправдываться, если теперь у тех, кому учительница не нравится, два выхода: или оставаться, терпеть, или уходить в другой класс, в другую школу?

Поезд всё равно ушёл, и Лилии Александровне нужно было сделать нечто экстраординарно омерзительное, чтобы против неё выступили с новой силой даже те, кто решил высказать нейтралитет или молчаливое согласие. А она при всей строгости в целом учительской этики никогда не нарушала.

И да, это не опечатка. Я действительно написал «в целом». Почему? Потому что были свои нюансы. И понимаю, конечно, что вы уже сгораєте от любопытства узнать, где она творила в отношении учеников реальную жесть, но попрошу ещё чуть-чуть подождать, чтобы дать вам цельную картину происходивших тогда событий.

***

С одной стороны ладно русский язык! Лично я стерпеть её требования по этому предмету был готов. Но вот ещё одна проблема заключалась в том, что она также являлась и учителем литературы. А с этим у меня тогда были большие неприятности...

Это сейчас я с удовольствием могу прочитать Булгакова, Толстого и Достоевского, но тогда в школьные годы меня более всего увлекали три вещи, во имя которых я был готов открыть книгу: фантастика и фэнтези, а также энциклопедии по военной истории и оружию. На моих книжных полках непременно стояли Жюль Верн и Джон Толкин, а также энциклопедии про танки, битвы и про великих полководцев.

Я взахлёб прочитал «Айвенго» Вальтера Скотта и «Спартак» Рафаэлло Джовальони, был в восторге от «Тараса Бульбы» и третьего тома «Войны и мира» (а точнее от описания Бородинской, Аустерлицкой и Шенграбенской битв), но меня тошнило с «Дубровского», меня раздражали «Мёртвые души», я плевался с «Детства», «Отрочества» и «Юности», искренне ненавидел «Муму», «Отцов и детей». Такие у меня были вкусы. Я мечтал археологом и военным историком стать, а душевные терзания героинь книг Толстого меня совсем не интересовали. Как правильно мы подметили позже с двоюродной сестрой, она в «Войне и мире» молилась, чтобы побыстрее закончилась «война» и начался «мир», а я из всего эпоса Толстого прочитал только «войну» и вообще не притрагивался к «миру», до того он мне был скучен и уныл.

В итоге я находил тысячу причин не читать те же «Мёртвые души», соответственно и получал двойки. И тут я особенно выделяю это произведение, потому как именно оно, по всей видимости, было у Лилии Александровны любимым (Гоголя она просила «любить и жаловать»), посему и потребовала всем его прочитать от сих до сих, потому и мучила им нас в течение месяца, а может быть, и двух. Притом снимала ради литературы уроки русского, хотя до этого всегда было наоборот! И раз уж появилась такая возможность, дайте похвастаюсь своим антирекордом: я за этот срок получил по литературе подряд двоек пять или десять. Точно уже не помню. Притом две последних она поставила, не став принимать

на проверку моё конечное сочинение, так как было очевидно, что по произведению, которого не читал, сам я написать ничего бы не смог. В конце четверти еле вышел на тройку, рассказывая стихи Тютчева и Фета наизусть, да найдётся им в раю за простые и запоминающиеся строчки особое место. Но с тех пор, клянусь вам, я Гоголя возненавидел. Не из-за того что он плох, а потому что получить несколько двоек подряд за одну четверть – в этом нет и не может быть никакого удовольствия, но только одно лишь страдание. Только разве что удовлетворение от героического самовыкапывания из могилы, как делала Беатрикс в «Убить Билла», в которую сам попал из-за лени и любви к военной истории.

Ой не возлюбила меня после этого Лилия Александровна. Теперь на каждом уроке литературы, когда начиналась очередная проверочная работа по новому произведению, будь то «Обломов», «Война и мир», либо «Преступление и наказание», спрос с меня был двойной. Тогда же открыл для себя краткие пересказы произведений и аудиокниги – много сил и нервов спасли. И да будет свят тот, кто их придумал.

С другой стороны Лилия Александровна всегда оценивала старание. И в этом она была большим молодцом. Так от большой любви к военной истории и особенно к эпохе Наполеоновских войн, клянусь, я раз пятьсот прочитал стихотворение Лермонтова «Бородино». Будучи уверенным в своих силах и в памяти, я один из всего класса вызвался выучить наизусть этот стих, ибо после пятисотого прочитанного ра-

за строчки про недаром Москву, спалённую пожаром, внутри мозга были уже, считай, в граните выбиты. Но к своему стыду, выйдя к доске, гранит мой раскрошился на мелкие кусочки, словно был он на самом деле всегда мелом, и я половину строк совершенно забыл!

Лилия Александровна должна бы мне тройку поставить, но вместо этого рассмеялась, махнула рукой и поставила в дневнике пятёрку со словами:

– Всё, садись. Вымучил.

– Спасибо! – я абсолютно довольный результатом улыбнулся. Такая её мягкость меня поразила в тот момент, но уже потом чуть всё обдумав и поразмыслив, я убедился, что пускай Лилия Александровна и была невероятно строгой и требовательной, но, повторюсь, она всегда готова хорошо оценить человека, если убеждалась, что тот старался. И это был лучший её профессиональный навык. Правда, пользовалась она им не всегда, в чём вы чуть позже сможете убедиться на примере моего лучшего сочинения, но тем не менее.

***

Но на самом деле детсадовской ерундой были все эти проверочные по литературе и задания у доски, контрольные и стихи наизусть, ведь особо сильно Лилия Александровна любила валить двойками за сочинения! Именно они были предметом наибольшего ужаса у всего класса, именно из-за них у

неё с нашим ученическим коллективом возник самый большой и кровопролитный (если кровью называть высосанные нервы) конфликт.

И всё ничего, и всё терпимо. Не так страшна была её строгость и требовательность, если бы не любовь Лилии Александровны самые нелепые моменты из сочинений зачитывать всему остальному классу, потому что она всегда призывала учиться на чужих ошибках.

Как это выглядело со стороны? А вы представьте, что являетесь уважающим себя кинорежиссёром, не терпящим такого, чтобы кто-то высмеивал вас и ваш труд. И тут появляется BadComedian, поливающий нечистотами сделанный вами кинофильм, на создание которого угробили годы жизни и миллионы долларов, миллиарды нервных клеток, вкладывая в работу всю душу, жертвуя во имя прекрасного самым для вас драгоценным. И это не просто когда вас критикуют за дело, но и едко высмеивают; да так, что вся Россия во весь голос смеётся и над вами, и над вашим трудом. Вот так мы себя и чувствовали в те моменты, когда учительница читала вслух всему остальному классу наши сочинения. Она была Женей Баженовым, а мы внезапно для себя оказались Сариками Андресеянами, Александрями Невскими, Жорами Крыжовниковыми и Максимами Воронковыми. И ладно были бы взрослые, но разум наш совершенно не окреп, а над рассудком преобладали эмоции и переживания.

Самое лучшее, что могло произойти, это если Лилия

Александровна найдёт в сочинении, оценённом ею в целом хорошо, какой-то смешной отрывок и зачитает его. Учтывая, что сочинение вышло хорошим, не так и обидно посмеяться над собой. Так, например, сделав в целом отличную работу по одному из рассказов Джека Лондона, я написал в нём такой отрывок: «главный герой в припадке жажды бросается пить воду из грязной лужи». Смешно? Согласен, я тоже при прочтении посмеялся от души, хотя когда писал дома, даже не помню, почувствовал ли, что строчка выглядит со стороны смешной. А если осознал, но переписывать не захотел, то это просто был глупый и нелепый момент, где посмеялся сам над собой и над своей ленью, что заставила не сочинить что-то более вменяемое, а оставить всё как есть, следуя бессмертному совету Вовки из мультика про его приключения в Тридевятом царстве: «Ладно, и так сойдёт!»

Хуже было, когда учительница высмеивала не просто глупые моменты, а в целом изложенные в сочинениях мысли. Тут весь остальной класс хохотал, а тебе было больно, потому что смеялись над твоей глупостью, над твоим невежеством – а тут, сами понимаете, страдает эго. Больно на душе, когда выглядишь тупым в глазах других. И лучше уж пускай она прочтает всё серьёзно, а потом с возмущением заметит, что мозг у нас совсем не кашеварит, чем сделает то же самое, но перед этим и высмеет каждое написанное нами слово. И уж точно куда лучше получить двойку за списанное, но хорошее сочинение, но не быть высмеянным, чем краснеть

на виду у всего класса, делая вид, что работа не твоя. А чести Лилии Александровны, когда она жёстко высмеивала чьё-либо сочинение, то автора «шедевров» никогда не называла. Но от того менее обидно не становилось.

Хуже было тогда, когда она высмеивала не наши, а мысли наших родителей. Вы же не думали, что они могли бросить своих детей один на один на произвол судьбы, если видят, что их чада приносят из школы очередную двойку за сочинение? Конечно, тут иначе никак – только садиться писать *magnum opus* о том, как провёл лето, вместе с ребёнком. И когда получаешь двойку, да ещё и высмеивают за изложенные там мысли, становится вдвойне обидно, потому что унизили не только тебя, но и твоих родителей. А оскорбление последних для любого уважающего себя человека – это повод кинуть сопернику перчатку и сразу после биться насмерть, нежели терпеть унижения аки самая последняя тряпка.

Так и произошло у Лилии Александровны с моей одноклассницей Лерой Кабановой. Впрочем, раз уж заговорил про них, стоит сразу сказать, что она под началом нашей учительницы русского грызла гранит науки с самого начала. Ей не нужно было привыкать к характеру Лилии Александровны и её методике работы. Лера так же, как и остальные, терпела, мучилась и страдала, потому с одной стороны её неожиданное решение идти на конфликт с учителем выглядело необычным. Но всё сразу встанет на свои места, ес-

ли взглянуть на развивавшуюся тогда ситуацию совершенно под другим углом, а не делая из учительницы, либо из ученицы виноватую.

Ситуация тогда была в принципе накалённая. Именно в этот период наша учительница по русскому своей строгостью и придирчивостью успела надоесть большей части класса. Именно в этот же период так совпало, что Ленка успела поругаться и с одной из любимых учениц Лилии Александровны Юлей Паулаускас (её отец по национальности литовец). Конфликт на самом деле был обыденным и легко решаемым, если бы стороны решили помириться. Но кому это было нужно? Одна что-то обидное ляпнула другой, а та ответила, и пошло-поехало. Были разговоры даже про то, чтобы забить стрелку или устроить тёмную. А ещё у Леры буквально в заднице свербило от одной только мысли о том, чтобы на восьмое марта подарить Юле станок и пену для бритья, так как у той над верхней губой росли заметные усики, бороться с которыми означало только усилить рост волос, сделав пушок, таким образом, намного выразительнее.

А ещё Лера, как ни крути, мнения о себе была невероятно высокого. Уж не знаю, что тут сильнее повлияло – её воспитание, либо рождение под знаком зодиака льва, но она терпеть не могла, когда её высмеивали или выставляли откровенной дурой. Лилия Александровна же, как вы помните, отличалась тем, что легко могла унижить любого ученика, просто прочитав его сочинение вслух остальным. Юля же, как её

любимица, не только была примером для других учеников, как писать работы правильно, но и всегда пользовалась возможностью ещё больше унижить одноклассника, чьё сочинение прочитали, фразами типа: «Что за идиот мог такие глупости накалякать...» – а Лилия Александровна её ещё и хвалила за едкий комментарий. Вот так, поддакивая учительнице и отличаясь крайней степенью надменности (считала, что те, кто не имеет высшего образования, должны быть нищесбродами), Юля в глазах Леры стала объектом наиболее крайнего презрения. Любой комментарий от Паулаускас в свой адрес для неё был унижительным оскорблением, и в своей ненависти к Юле Леру было просто не остановить.

Кульминация всего этого водоворота ненависти в природе наступила, казалось бы, в самый обыденный день проверки сочинений, когда ничто не предвещало беды, ибо все уже знали, что Лилию Александровну, скорее всего, как всегда 60-70% работ не устроят. Так что сенсации или жесточайшего провала в тот день никто не ожидал.

Но именно тогда Лилия Александровна прочитала сочинение Леры, именно в тот момент каждая из вычитанных строчек заставляла класс взрываться от смеха, а Юля Паулаускас, надрываясь от хохота, оглядывалась вокруг и спрашивала:

– Да кто эту чушь написал?

– Вот так, Юль. Сама поражаюсь... – отвечала своей любимице Лилия Александровна.

Это и стало последней каплей. На следующий день в класс ворвалась мама Леры и начала отчитывать учительницу, мол, какого чёрта та поиздевалась над её дочуркой. Лилия Александровна изрядно удивилась самому факту претензий, потому как автора сочинения, разумеется, не называла. В итоге так и разошлись, не выяснив, кто прав, кто виноват. А на следующей неделе на первом же уроке русского учительница сама начала отчитывать уже Леру.

– Скажи пожалуйста, почему ты на меня клеветешь, что якобы я над тобой издевалась?

– Клевету?! – удивилась Лера.

Лица обоих покраснели от ярости. Казалось, ещё чуть-чуть, и от перенапряжения, витавшего в помещении, во все стороны полетят молнии как в боевиках 80-х и убьют каждого из нас, находившихся там в момент спора.

– А что это, как не клевета?!

– Но вы же издевались!

– Как?

– Не так прочитали моё сочинение!

Лилия Александровна обратилась к классу:

– Ребята, я хоть раз, высмеивая чьё-либо сочинение, называла имя автора?

Отличники мигом и чуть ли не хором отвечали:

– Нет!

– А вот Лера Кабанова у нас говорит, что да. Вы представляете? За более чем тридцать лет учительской практики ни

разу не было такого, чтобы меня так нагло клеветали...

– Лилия Александровна, если хотите, я могу уйти...

– Да не нужно мне, чтобы ты уходила! Я хочу, чтобы на меня перестали клеветать, потому что это уже всякие границы переходит!

Сразу после этих слов Лера собрала свои вещи и вышла из класса. Все находились в недоумении и даже не знали, как на это реагировать, ведь с одной стороны Лилия Александровна действительно автора сочинения не назвала. А с другой мы, двоечники и троечники (твёрдых хорошистов у нашей учительницы традиционно не было; если хорошист, то только на грани с троечником) знали, что Лилия Александровна с высмеиваниями перегибала палку. И даже не нужно было слышать своё имя, чтобы почувствовать себя униженным и оскорблённым, настолько остро и едко она проходила по порою по каждой нелепости в наших строчках. И это она делала на весь класс к тому же. По итогам все понимали, что наша учительница оболгана, но открыто поддержать её решались только отличники, ибо ненависть от страха перед ней не имела никаких границ. Тем не менее, открыто против учителя кроме Леры больше никто идти не осмелился.

На следующий же день классный руководитель поставил учеников перед фактом, что Лилия Александровна отказывается от нашего класса, и уроки следующие две недели с ней будут, возможно, последними. Но в этот раз даже интриги не получилось. Инициативная группа мам отличниц пришла к

учительнице русского на поклон и сказала, мол, хотим, чтобы педагогом у наших детей были вы и только вы. Лера же, посоветовавшись с родителями, ввиду бесперспективности борьбы вследствие такого мощного лобби пришла к тяжёлому решению, что ей нужно переходить в другой класс. Вот так всё и закончилось.

И если для Леры всё выглядело легко и просто, то нам, то есть всем остальным ученикам было решительно непонятно, почему она так поступила. Для нас это выглядело не иначе как слабость, потому что не только Лилию Александровну она называла причиной своего перевода, а ещё и Юлю Паулаускас. Лера всегда казалась мне крепким духом человеком, чтобы обращать внимание на четырёхглазую зазнайку не с усиками, а с пропуском в трусики, грозящими вырасти с возрастом в усищи как у Микитко сына Алексева. Но она почему-то её подколол за свой ограниченный интеллект не стерпела. Притом Лера не сказать что и физически слабой была. Могла стрелку забить, могла тёмную сделать – всё как и мечтала. Да что угодно можно было сотворить, чтобы Юлю наказать! Но просто так взять и сдаться... Я был о ней лучшего мнения, несмотря на то, что относился сдержанно и прохладно. Но тем не менее!

Что касается Лилии Александровны, то уйти из-за неё – весомая причина, раз она не покинула нас. Но, хочу заметить, доставалось от неё большей части класса, а не только Лене, и никто не жаловался: все хотели получать знания и

хорошо владеть своим родным русским языком. Неужели это был не повод её стерпеть? Моему школьному другу Димону порою доставалось от Лилии Александровны больше, но он не бежал аки крыса с корабля, притом, что этот самый корабль даже не тонул. Наоборот, к девятому классу он собрался с силами и поднял свой уровень знаний по русскому настолько, что меня обошёл!

В конце концов, я сам в своё время из десятой школы не перешёл в шестую только из-за того, что не хотел менять знакомых и привычных учителей, а также хоть и порядком надоевших, но простых и понятных как три копейки одноклассников. Адаптация к новым – всегда стресс, а за год до экзаменов переходить – вообще мука. Впрочем, это ещё раз подтверждает, что Лера была на грани, поэтому и решилась перевестись. Я был терпеливее и смиреннее, поэтому остался.

***

К слову о профессиональных навыках, о которых я обещал вам рассказать. Однажды мне удалось Лилию Александровну таки интеллектуально и морально одолеть. И не премину возможностью похвастаться своим подвигом!

Однажды мы писали сочинения на специальную тему. Нам нужно было применить в тексте приём перехода от настоящего времени к воспоминаниям, как раз изучаемый нами в ту неделю. Притом, главная сложность состояла в том,

что нужно было опросить родственников и написать реальную историю, дабы исключить возможность списывания.

Задача, скажу вам честно, братцы, оказалась не из лёгких. Мать с отцом ничего интересного придумать не могли, двоюродную сестру свою донимать хотелками Лилии Александровны как-то тоже не хотелось: она и так в тот год училась то ли на третьем, то ли на четвёртом курсе кафедры математической лингвистики в СПбГУ, а ей ещё на сочинение младшего брата отвлекаться?

В итоге плюнул на всё и решил сочинить сам. Придумал историю про дедушку, бравшего Берлин и попавшего в засаду на танке за пару-другую километров до Рейхстага. По сюжету он с экипажем зашёл немцам во фланг, в ходе боя овладел вражеской пушкой, и из неё прямой наводкой вдарил по немецкой засаде, таким образом, решив исход боя в свою пользу. А учитывая, что военную историю я знал в свои пятнадцать лет отменно, то и описание батальных сцен получилось особенно удивительно сочным.

Как оказалось во время проверки, задача оказалась сложной опять же для большинства моих одноклассников. Кто-то так и не понял, о чём вообще нужно было писать, а кому-то приём этот оказался непомерно сложным, нежели их интеллектуальная сила, посему ребята в основном не справились.

Тут Лилия Александровна берёт мою тетрадку. Я сразу понимаю, что, скорее всего, тоже пролечу или потому что история выдумана, или из-за неправильного применения при-

ёма. Короче, ожидал худшего.

Но к моему удивлению она начинает зачитывать отрывок сочинения и неожиданно спрашивает:

– Откуда списал?

Вопрос, признаюсь, поверг меня в шок. Что ответить, не знаю. Точно помню, что весь вечер вчера сам корпел над каждой строчкой, надеясь хотя бы на тройку, в лучшем случае на четыре. Но уверен, что не списывал. Вопрос застал меня врасплох, посемену растерялся.

– Я сам всё сделал...

– Не ври. Я вчера сама взяла калькулятор и посчитала. Твоему дедушке сейчас не может быть девяносто два. Откуда списал?

– Я не списывал!

Лилия Александровна не унималась.

– Слушай, я принципиальная. Специально буду шерстить литературу, искать источник. Не дай Бог найду, завалю в конце года. После этого даже на тройку за год не рассчитывай.

Предложение было таким, от которого отказаться сложно. Почти невозможно, как иногда нельзя сказать «нет» требованиям мафии, если утром просыпаешься в постели и видишь отрубленную голову любимой лошади у своих ног. Можно просто сказать, что откуда-то списал, получить две двойки, переписать потом, и заработать в конце две тройки – хоть отстанет. А так Лилия Александровна при желании и

сову на глобус натянет, дабы доказать, что сочинение списано: уж я то знаю! Будет у какого-нибудь Астафьева (у которого я читал всего один рассказ про Сибирь) хоть мало-мальски отдалённое описание того или иного боя с заходом противнику в тыл или во фланг, как написано в моём сочинении, так прыгать же будет, что нашла оригинальный источник, а я потом уже от звания лжеца и вора не отмажусь. Не может быть такого? Да может. Мало что ли историй таких на войне? Да они тут и там, стандартные для любых конфликтов и сражений! Поэтому и вероятность того, что сходство с каким-либо другим произведением найдётся, оставалась. А потом её переубедить будет сродни попытке доказать европейцу, что радио изобрёл Попов, а не Маркони.

Так что сдать было бы проще. Но вместо этого во мне воспылал праведный гнев. Я ведь не списывал, каждую строчку вымучил! А если плагиат есть, бремя доказывания лежит на Лилии Александровне, коль она это утверждает. А там, если надо, через суд проверим на антиплагиат! Но отнимать у меня созданное своими руками эта тиран в юбке не посмеет! Короче говоря, я решил идти до конца.

– Делайте что хотите, но я не списывал.

– Ещё раз повторяю, я всё посчитала. Этого не может быть, чтобы твой дедушка столько прожил.

– Не знаю, что вы там считали, но сочинение моё! Я его написал! Так что делайте, что хотите... – и развёл руками.

Двойку она мне так и не поставила, так как не нашла «ори-

гинала», ибо он был записан в моей тетради в единственном экземпляре. Но и хорошую оценку тоже ставить не стала. Я вообще ничего за это сочинение не получил, так как продолжал настаивать на своём, а она убеждала себя в том, что строчки были у кого-то сворованы, так как не может патологический троечник так хорошо написать, как якобы не мог и Шолохов «Тихий Дон» написать. Вышло ни нашим, ни вашим. И не сказать, мол, я остался недоволен. Наоборот, хорошо, что не получил сразу две двойки, а ведь вполне мог: со списанными сочинениями Лилия Александровна не церемонилась. Но раз уж так всё обошлось, то и требовать чего-то, доказывать кому-то... Это глупо так корячиться из-за какого-то сочинения. В итоге будем считать, что в этом матче я одержал победу со счётом 3:2. Но, главное, ей не уступил, слабости воли не проявил. В споре с Лилией Александровной нужно всегда было иметь или железные аргументы, или (извиняюсь за вульгарность) железные яйца. Так что я могу собой гордиться.

И это, знаете ли, не пустой звук. Она, например, всегда говорила: «Если решил критиковать за что-то русскую классику, то будь добр предоставить железобетонные аргументы, иначе получишь двойку!» Почему? Русская классика же непрерываема, Пушкин – гений, а ты ученик 9Д класса среднеобразовательной школы номер десять из одного маленького, пусть и небезызвестного захолустья, который к тому же учится еле вытягивая себя аки Мюнхгаузен из болота за ко-

сичку на четыре, и так каждую четверть. У кого авторитет больше? Вот то-то же! Так что если тебе не нравится в русской литературе образ маленького человека типа стационарного зрителя за бесхребетность, ибо лучше застрелить обидчика и отправиться на каторгу, чем терпеть унижения, то будь добр идти к чёрту! И не важно, что, например, того же Пушкина за «Дубровского» критиковали современники и потомки типа Ахматовой (признававшей несомненный поэтический талант Александра Сергеевича) как пример написавшего довольно посредственное бульварное чтиво для широких масс. Ты ж ученик небольшой школы маленького шахтёрского городка на краю света, ни одного сочинения на твёрдую пятёрку не написавший. Какие там мудрые мысли тебе могут прийти, мальчик? Примерно так же рассуждала Лилия Александровна, оценив критический взгляд из сочинения её любимицы Юли Паулаускас всего раз за семь лет, пока мы у неё учились. Вдумайтесь только! Одно сочинение от одного человека за семь лет, с критическими аргументами которой Лилия Александровна согласилась! При всей строгости учительницы Юля действительно заслужила в её глазах звание любимицы. Для нас же она так и осталась подлизой, но тем не менее...

Надеюсь, теперь понимаете, как мне повезло не получить двойку тогда за тот художественный вымысел в сочинении. И к слову именно этот момент в моей жизни, как считаю, дал старт моей литературной карьере, чем я активно занимаюсь

и по сей день. Вдумайтесь только, что столь строгая и требовательная учительница как Лилия Александровна писанину ученика девятого класса приняла за серьёзное, а главное изданное произведение неведомого писателя! Это ли не факт признания литературского таланта уже в возрасте, когда Пушкин написал свой первый стих? И прошу прощения, если слишком сильно себя хвалю. В следующий раз советую читать мои произведения в солнечных очках, чтобы не потерять зрение от моей чарующей ослепительности!

***

Но терпение сквозь оскал ненависти было тогда. Осознание, как мне на самом деле повезло с учителем, пришло только в момент объявления результатов ЕГЭ по русскому языку.

Примечательно было то, что по устоявшейся традиции моими профильными предметами в школе были история и география. Знал я их отменно и всегда получал пятёрки. Нужно назвать дату Трафальгарского сражения? Я тут как тут! Нужно показать на карте, где находится Эверест? Без проблем! По этим предметам я был непревзойдённым, и даже наши четыре отличницы, традиционно имевшие самый высокий уровень знаний, уступали мне по истории и географии главным образом потому, что я эти предметы знал углублённо, а не на уровне школьной программы. Ну и, разумеется, собирался сдавать ЕГЭ по этим предметам, рассчи-

тывая на сто баллов по каждому.

Каково же было моё удивление, когда я получил результаты экзаменов! История – 64 балла, география – 69 баллов, и это притом, что географию я знал хуже истории.

Был ли у меня шок? Да. На фоне результатов по русскому – 73 балла! Я русский язык сдал лучше своего любимого, профильного предмета истории! Как такое возможно? Удачный вариант попался? Сдача по билетам – это тоже лотерея; я в этом убедился, когда сдавал экзамены в девятом классе, но с историей у меня проблем не возникло. Плохая подготовка? Определённые проблемы со свободным эссе на историческую тематику у меня ещё на олимпиадах были, из-за чего на областных всегда пролетал, так что вполне возможно. А вот что до хорошей подготовки по русскому?

Да, чёрт возьми! Да! При всей моей тогдашней неприязни к Лилии Александровне, при всём моём страхе и ужасе перед ней, при всей той строгости, в которой мы закалялись, она дала нам главное – хорошие знания по русскому языку. Не идеальные, не спору, так как я был в знании русского традиционным «хорошистом», но нередко на грани с троечником. Многие к сегодняшнему дню уже источилось, посему больше опираюсь на проверку орфографии и пунктуации в программах для набора текстов типа Word или WPS. Но в тот момент результаты у всего нашего класса были на секундочку одними из лучших в городе, не уступая традиционно лидеру – шестой школе. А лично у меня знания русско-

го были оценены лучше, чем знания любимой истории. Это ли не доказательство того, что Лилия Александровна выполнила свою задачу? Да, она бесспорно это сделала. Вопреки нашей ненависти к ней, нашей неприязни, вопреки нашему страху и презрению к строгости и даже (не побоюсь этого слова) к муштре, она сумела подарить нам знания, которые мы оказались способны применить на практике. Да, своим методом обучения она резала по-живому, и после оставались глубокие, уродливые шрамы, исполосовавшие наши души, но именно они на самом-то деле и были этими самыми знаниями, что помогли в итоге нам сдать экзамен, которым пугали, обещая, мол, не сдадим, мол, испортим себе будущее. В итоге всё получилось наоборот, и то была непосредственная заслуга строгой, но справедливой и знающей своё дело Лилии Александровны.

Волшебным образом все, кто её в школьные годы ненавидел и терпел через силу, потом говорили об учительнице с теплом и уважением. Это и мой одноклассник Толя, у неё круглый троечник, сдавший ЕГЭ на 71 балл, это и мой некогда школьный друг Дима – все мы убедились, что дисциплина в совокупности с хорошей базой поданных знаний были залогом наших хороших результатов.

Кто ж потом Лилию Александровну вспоминал потом с прохладой, так это одна из наших четырёх традиционных отличниц Юля (только не Паулаускас, а Александрова; так-то вообще Юли у нас были три, и все круглые отличницы, что

удивительно и забавно). Она винила учительницу в излишней строгости, в том, что на деле быть её любимицей оказывалось мукой из-за высокой ответственности и требовательности соответственно, нежели привилегией. У Лилии Александровны каждая отличница, например, должна была попробовать свои силы в олимпиаде по русскому, а отказ участвовать был для неё сродни предательству, после которой любимицей она, конечно, оставалась, но уже не настолько. Так что, как видите, любовь Лилии Александровны к своим ученикам тоже имела свои нюансы.

Я же притом, что со временем, начал уважать и ценить её намного сильнее, потому как результаты экзаменов не оставляют иного выбора, кроме как признать Лилию Александровну действительно самым способным из всех моих школьных педагогов, не могу не отметить и минусов, упомянутых в ходе повествования. Она действительно довольно жёстко высмеивала плохие сочинения. Был бы я педагогом, то на её месте просто ставил бы учеников перед фактом, что у них такая-то и такая-то оценки, а если они с чем-то не согласны или хотят узнать причину двойки, то пусть подходят, спрашивают и узнают. Высмеивание же на весь класс, хоть Лилия Александровна к её чести и не называла авторов сочинений, на мой взгляд было одной из немногих действительно негативных черт в её педагогической практике. Но с другой стороны в определённой степени закалило меня при критической оценке моих литературных трудов. Так что и

тут не могу сказать, что лично сам остался недоволен.

Во всём остальном же она была вне конкуренции, о чём ярче всего кричали результаты наших экзаменов. Так что долгих ей лет жизни и хороших учеников, а каждому оболтусу строгой дисциплины для качественного улучшения результатов обучения, но без жесты с высмеиваниями сочинений на весь класс, что выводило из себя. Вот так ваши результаты действительно будут хорошими.

Уроки Истории

Как так вышло, что я полюбил историю? В принципе было ожидаемо, учитывая, что меня окружало в раннем детстве. Началось это ещё до школы, когда мне было всего четыре годика. В первую очередь на меня повлияло наличие в библиотеке родителей советской книжки «Про войны», где я любил рассматривать рисунки древних мечей и прочих вооружений, а также фильмы типа «300 Спартанцев» и «Даков» из ушедшей, но некогда великой эпохи старых, классических пеплумов, которые любили тогда показывать по телевизору. А ещё я просто обожал ставить сценки в личном театре одного актёра, где искал среди одежды и барахла одеяние, похожее на снаряжение гоплита, либо римского legionera, наряжался в него и отбивал атаки воображаемых варваров на Элладу.

Позже мне невероятно повезло в том, что у двоюродной сестры в библиотеке была в наличии книжка по истории из

легендарной серии «Я познаю мир». Мне тогда её подруги пытались всучить ещё и писанину про зверей из того же цикла, но она мне – шестилетнему мальчику показалась скучной и занудной: ведь там не было битв. Посему мой выбор был однозначен и очевиден, и брал я ту книжку по истории у сестры ещё не единожды. Как раз из неё я впервые и узнал, что, например, Сталин был плохим, или что спартанцы сбрасывали младенцев в пропасть, если те выглядели слабыми.

Какие из двух предыдущих утверждений правдивы или лживы с точки зрения современной исторической науки, пускай решает каждый сам для себя. Но суть от этого не меняется: уже к пятому классу средней школы, поглощая новые исторические фильмы с очередными энциклопедиями, я вышел на недостижимый для моих одноклассников уровень знаний по истории. Примерно в то же время посмотрел серию фильмов про Индиану Джонса и беззаветно влюбился в эту научную дисциплину, желая в глубине души таких же приключений, как у Инди, а также новых, сенсационных исторических открытий вроде обнаружения Ковчега Завета или Святого Грааля.

Помню, как радовался выданному первого сентября учебнику за пятый класс с изображением на обложке уничтоженной в 2015 году человека и богопротивными мусульманскими террористами древнеримской арки эпохи Семптия Севера в Пальмире. Клянусь вам, что прочитал его от сих до сих за один вечер, попутно наслаждаясь картами и картинками,

после чего уснул прямо с ним в руках, с нетерпением ожидая начала первых уроков по истории и мечтая, дабы их было как можно больше!

Уже на первом занятии блистал знаниями так, будто в меня вселился сам маэстро Понасенков, настолько я выглядел ослепительным в глазах остальных. С тех самых пор, когда класс спрашивали, кто лучше всего знает историю, пальцы моих одноклассников показывали в ответ только на меня. Жаль, что в такие моменты я не носил триумфальных головных венков римских императоров! Мне было бы к лицу...

Учителем моим оказался вполне себе способный педагог Соколов Никита Константинович – человек очень сложной судьбы. Именно он в 1987 году стал первым директором нашей школы, но уже через три года лишился своего поста, так как попал в аварию, и перешёл в разряд простых учителей. Учитывая, кем работал, да ещё так и остался хромым после той автокатастрофы, он с большим трудом пережил девяностые, отчего не только возненавидел Ельцина и всех наших либеральных младореформаторов, но и стал ещё более упрямым, идейным коммунистом, чем был раньше.

Никита Константинович с самого начала оценил мой уровень знаний по достоинству, как и моё рвение как можно быстрее постигать материал. Я же, клянусь, был готов за год освоить всю школьную программу на шесть лет вперёд, настолько поверхностной и примитивной она была. Для меня история античности за пятый класс оказалась только од-

ной серией одного сезона сериала, и мне уже невтерпёж было узнать, что будет в следующей. На деле же мировая история сложнее и многограннее той, которую нам преподают в школе. Вот двадцать шесть лет блеска Франции, заразившей мир сначала болезнью либеральных свобод, а потом имперских завоеваний Наполеона – вот это действительно интересно и сложно, ведь нужно запомнить целую гору событий, битв и сражений, начиная от Бастилии и Вальми и заканчивая Ватерлоо, что действительно не так уж и просто. А тест за пятый класс на знание развития цивилизации Древнего Египта – шик, тем более, что история греко-персидских войн и завоеваний Александра Македонского, а также Рима эпохи Гая Мария и Цезаря куда интереснее, чем причины возвышения Египетского царства на берегах Нила. В их истории великих битв было разительно меньше, нежели в историческом пути таких легенд древнего мира, как Ганнибал или Флавий Аэций.

***

И да, к сожалению для одних или к счастью для других мой школьный учитель был коммунистом красноконсерваторского толка. Что страшного могло произойти? Всего-то лишь преподавал классу историю на основе идеологии марксизма-ленинизма. В пятом классе ещё обтекаемо и робко, но уже начиная с шестого каждый из нас знал, что Маркс, Эн-

гельс и Ленин высказали по тому или иному поводу.

Кто-то мне пособолезнует, кто-то Никитой Константиновичем восхитится, но сути от этого не поменяется: это не могло не повлиять в то время на мои взгляды и отношение к жизни, тем более моими друзьями и по совместительству одноклассниками были шахтёрские и кухаркины дети. Конечно, среди нашего класса имелись не только пролетарские «нищоброды», но и те, кого с уверенностью можно было отнести к среднему классу. Правда, по сути мы в большинстве своём являлись детьми пролетариев и легко, даже бесспорно во многом соглашались с аргументами Никиты Константиновича, а посему лично я долгое время называл себя коммунистом. С другой стороны интернационалистом я никогда не был, часто конфликтовал с армянами и азербайджанцами, обжившимися в нашем небезызвестном захолустье после Карабахской войны, поэтому последовательным леваком так и не стал. А знай тогда о лимоновцах, наверняка стал бы нацболом.

Впрочем, Никита Константинович человеком глупым, оттого что коммунист, тоже не был. Он прекрасно понимал, в чём заключались проблемы социалистического строя. Однажды, например, обрушился с резкой критикой на детей советских чиновников, имевших возможность не служить в армии по своему положению, притом, что сам два года отслужил от звонка до звонка. А однажды, обсуждая уже в девятом классе первые выборы в СССР, спросил нас:

– Как думаете, честно ли ВКП(б) заслужила победы на первых выборах в Верховный Совет в 1937 году?

В основном класс промолчал. Редкие голоса ответили:

– Нет!

– А почему? – прищурился Никита Константинович и хитро ухмыльнулся.

– У них не было конкурентов, – отвечали ученики, – поэтому выборы нечестные.

– Как это нечестные? – спрашивает учитель и глупо улыбается, – 98,6% проголосовали за коммунистов. В чём проблема?

В ответ класс рассмеялся, но что ответить, никто ничего не придумал.

Я до сих пор не понимаю, для чего он это сказал. Если действительно хотел убедить нас в честности выборов, то у него явно не вышло. У Никиты Константиновича на лице прямо написано было, что он сам считает те выборы абсурдными. Так что если человек является коммунистом, то это не значит, что он совершенный фанатик или упрямый глупец. Просто для него лучше коммунизм и дефицит, но зато без олигархов, чем свободный рынок, еда на полках и возможность стать кем-то большим, нежели тем, кем являешься. Жаль только, что он нас каждый раз старался убедить в правоте Маркса, Энгельса и Ленина. На мой взгляд учитель должен быть политически нейтрален, но никак не активен, чтобы просить учеников убеждать родителей, мол, на следу-

ющих выборах нужно голосовать за КПРФ. Ученик, когда вырастет, сам потом выберет свой путь, а вдалбливать ему что-то с пелёнок... Это запрещённый приём.

Впрочем, справедливости ради, острых углов Никита Константинович не избегал. Каждый раз, когда я узнавал очередной чудовищный исторический факт преступлений большевиков в России, будь то голод 20-х, 30-х, коллективизация, лагеря системы ГУЛАг или Новочеркасский расстрел, он говорил об этом честно и не стеснялся. В каких-то случаях объяснял всё перегибами, а иногда и соглашался, что то или иное событие было неправильным с точки зрения морали. Особенно мне доставляло удовольствие смотреть, как он рассказывал про расстрел в Новочеркасске. Сами подумайте! Ты то всё это время рассказываешь, что СССР был чуть ли не раем на земле, а теперь приходится думать и подбирать слова, стараясь как можно мягче расписать причины того, почему в государстве рабочих расстреливали рабочих за требование повысить заработную плату и снизить цены на продукты, при этом не обвиняя в целом советскую систему и плановую экономику. С этого момента я взял за привычку проверять каждое слово своего учителя по истории и по чуть-чуть начал разочаровываться в левых идеях. А ещё не забывал Никиту Константиновича подкалывать.

Так один раз он попросил меня сделать доклад об истории современной КПРФ. Я и написал, попутно совершив неожиданное для себя открытие: оказывается, Компартия России

не раз раскалывалась за свою современную историю, что становилось причиной нешуточных скандалов. И пока готовил доклад, задался вопросом: «А позволит ли мне Никита Константинович об этом рассказать?» В результате отрывок с расколами в КПРФ попал в доклад. При прочтении учителю сначала всё очень нравилось, а уже в самом конце я с улыбкой взглянул на него и спросил:

– В целом у меня всё, но есть ещё про расколы в КПРФ...
Зачитать?

Тот в очередной раз глупо улыбнулся:

– Не стоит, и так всё хорошо. Давайте этот момент опустим, чтобы лишнее время не терять, а то урок скоро закончится. Можете садиться. Пять.

Я хоть открыто и не смеялся, но в душе хохотал от души, так и представляя в своей извращённой капиталистическим мышлением фантазии заседание Партбюро, где нужно доложить товарищу Сталину не только про успехи индустриализации, но и про голод в Южной России, на Украине и в Казахстане из-за коллективизации, а тот, глупо улыбнётся, затянет дымок из трубки и своим фирменным грузинским акцентом ответит:

– Нэ стоит, товарищ. Мнэ и так всё нравится. Давайте этот момент опустим, чтобы нэ тэрять врэмя для обсуждения других важных вопросов. Можэтэ садиться!

Выглядело бы уморительно, если б не было в действительности так грустно и омерзительно, учитывая к какой страш-

ной трагедии коллективизация и голод привели...

В остальном Никита Константинович был даже в чём-то смешной. То Чубайса польёт грязью, то Ельцина при детях назовёт буквой «Б»... Прямо так и говорил:

– Ельцин был такой б...

Что самое смешное, учитель нам это сказал, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Он реально пришёл в школу пьяным и в таком состоянии проводил урок. Я в тот день как раз сидел на первой парте, и меня чуть самого не опьянило стойким запахом перегара. А ещё Никита Константинович настоящий везунчик, потому что никто со всей школы из тех трёх классов, с которыми он провёл шесть уроков в тот день, не пожаловался на пьяного учителя директору. Но почему? Наверное, потому что было это всего один раз, человек сорвался, с кем не бывает. Повторялось бы из раза в раз, другое дело. Но тут даже жалко стало, как его жизнь в 90-е потрепала, раз Ельцин для него был «Б», о чём он говорил без стеснения и самоцензуры, хотя прежде до сего момента ничего подобного себе не позволял.

Что послужило причиной такой ненависти к либерализму и демократии у русского человека из глубинки? Это же, может быть, в Москве те годы проходили легко и непринуждённо. Лично мои родители, например, в те годы недоедали, чтобы хватило на детскую смесь для меня, ещё совсем малыша, а родители Димы (моего лучшего школьного друга, напомним) вообще в те годы каждый сентябрь ходили в лес по

грибы, набирали их целую кучу и следующую зиму только ими одними и питались, потому что на прочую еду не было денег. Так что сколько ни клейми коммунистов тем, что они тупые или что марксизм не работает, но тех, кто тащится по Брежневской эпохе, начинаешь понимать после историй из 90-х, сравнивая времена и нравы. Вот почему так называемые «совки» в нашей стране не перевелись, но и наоборот, хотят в ту эпоху вернуться: потому что есть, с чем сравнить, и потому что тогда было на что купить еду, пусть выбора в гастрономе почти и не было. А то, что при Сталине какой-то голод был с репрессиями, то и плевать... Брежневская молодёжь в то время на селе не жила, сравнить ей было не с чем. Потому и капитализм с волчьим оскалом, где они оказались теми самыми Чубайсовскими «не вписавшимися в рынок», им явно не понравился в сравнении с временем, когда в советскую модель они интегрировались более чем. И тут совсем неважно, что Чубайс якобы в действительности о вымирающих тридцати миллионах и не говорил. Народ, не знавший, что такое ваучер, финансовая пирамида, закон спроса и предложения априори не мог вписаться в рынок, потому что не понимал, как он устроен и работает. Посему это говорить Чубайсу было необязательно: они действительно не вписывались, как ни крути. Так что, повторяюсь, я Никиту Константиновича ни за что не виню. Просто говорю, как есть.

В остальном он был учителем по-своему хорошим, а уроки его были порою интересны не меньше, чем университет-

ские лекции. Именно от него я узнал в своё время о том, что китайских чиновников звали мандаринами. Потом с этими знаниями по интеллектуальным играм типа «Что? Где? Когда?» щеголял, выигрывая игру за игрой. И это только единственный пример, насколько сильным педагогом он был.

Но, тем не менее, Никита Константинович так и не стал моим учителем. Мне нужен такой, кто потянет за собой и мотивирует. Он же был уверен, что я и сам хорошо справляюсь, поэтому меня не нужно готовить к олимпиадам, не нужно заниматься со мной факультативно. Это, конечно же, был большой минус, сыгравший со мной определённую злую шутку, так как реальный уровень моих знаний падал год от года из-за видеоигр и неправильных друзей, толкавших меня в омут с алкоголем, наркотиками и дворовыми драками, когда мне на самом деле нужны были библиотеки и грамоты победителя различных конкурсов.

Правда, один раз Никита Константинович таки предложил себя в качестве куратора и руководителя научной работы для конкурса «Шаг в будущее». Но тему он, увы, предложил, мягко говоря, странную: сходства и различия Древней Спарты и Сталинского СССР. Я грезил Второй Мировой, на худой конец Атлантидой, а он мне предлагал делать научную работу по теме, в которой я вообще не понимал, что, как и о чём там можно написать. Ну серьёзно, большие ли сходства были у Спарты и СССР времён Сталина? Если, конечно, колхозников, не имевших паспортов до 1974 года считать

сродни закрепощённым илотам, то только так. В остальном я не скажу, что Спарта с Советским Союзом времён Сталина имела хоть какие-то общие точки соприкосновения, чтобы к такой работе в принципе приступать.

Но худшее, что потом произойдёт, это был его уход на пенсию за год до моего выпуска. Вот это точно меня ужаснуло до глубины души, потому что к новым педагогам привыкать – это танталова мука. Как ни старайся, не привыкнешь, если с людьми по жизни тяжело контактировать. И коли Никита Константинович был по-своему, повторяюсь, хорошим учителем, то та фифа, что появилась после него, вызывала во мне одно только уныние. С ней моей любимой забавой стала привычка подлавливать её на незнании собственного предмета. То у неё французский План XVII перед Первой Мировой станет Планом XVIII, то с датой ошибётся, то определение неточное даст. Намучился я с ней знатно, но и посмеялся над этой глупышкой от души!

А ведь если бы знал, что Никита Константинович уйдёт через год, то сам бы уже давно перешёл из десятой в шестую школу. Там хоть был ориентированный на гуманитарные дисциплины класс, а у нас только физмат и два обычных. И мне ещё хватило ума пойти в физмат, слушать по восемь часов математики и пять физики, когда должно быть восемь русского и пять истории. Вместо этого моего любимого предмета было всего два часа, и с этим я непосредственно связываю падение уровня моих знаний в равной степени с осталь-

ными фактами, мешавшими постигать историю. В физмат же пошёл, ибо там уровень знаний средний якобы даже по гуманитарным предметам был выше, если верить нашей тогдашней учительнице английского. Сейчас понимаю: зря я её послушал. А в то время хотел как лучше. Вот и сидел я в результате на уроках физики, не понимая, чем мне по жизни пригодится знание механики и оптики с акустикой, когда постигать я должен эпоху Великих Географических Открытий. Короче говоря, к ЕГЭ по истории я подходил с весьма плачевной базой, и результат ожидался соответствующий.

***

Ещё одна проблема у меня возникла с олимпиадами. Собственно, здесь и будет заключаться корень всего зла при сдаче ЕГЭ. И если с городским этапом олимпиад у меня никогда не возникало никаких проблем, то на области появилась одна и очень серьёзная. Я вдруг осознал, что знание каких-то фактов, определений и дат не значит ничего, учитывая, что самым сложным, важным и оцениваемым наиболее высоко заданием на олимпиадах были эссе по истории. А их я писать и не умел.

Хотя точнее как сказать не умел? Лично мне всё нравилось. И каждый раз, когда получал за эссе ноль баллов из тридцати или сорока, очень сильно удивлялся, а какого чёрта?! Один раз даже пошёл оспаривать результат на комис-

сию. Тему для эссе дословно уже не помню, но называлась она примерно так: «Почему Гитлеровской Германии не удалось разьединить народы СССР во время войны?» Я и написал, что в национальных соединениях Вермахта и СС служило очень мало солдат в сравнении с Красной армией. Это была связано с тем, что в СССР активно пропагандировался интернационализм и дружба народов, поэтому этносы страны Советов чувствовали себя единой семьёй. Так как в то время я ещё не был антисоветчиком, написать, что кого-то насильно гнали в бой, а совок являлся тюрьмой народов, не мог априори. Вот что в итоге могло пойти не так?

В апелляционной комиссии меня встретил тощий мужчина средних лет с кудрявыми волосами, задрипанным свитером и в очках с широкой линзой. По совместительству был доцентом кафедры истории. На мои претензии по поводу эссе он отвечал:

– Ну вот была на Западной Украине УПА... – мол, что я на это отвечу?

Спрашивать в ответ изумлённое: «И что?!» – не стал, чтобы не выглядеть глупым. Спорить также было бесполезно: кто я такой в сравнении с университетским преподавателем истории? Единственное, что я точно знал, в лучшие годы численность УПА не превышала пары сотен тысяч человек в отличие от шести миллионов украинцев, сражавшихся на стороне РККА за общую для всех народов СССР Родину вполне добровольно. Как по мне, в принципе называть в ка-

честве примера УПА было смешно. Он бы ещё пару тысяч чернокожих в Вермахте, собранных из французских военнопленных, назвал в качестве примера, доказывающего, что в нацистской Германии не было расизма. Для меня в принципе это не выглядит серьёзным аргументом, а факт расизма в Германии является чем-то аксиоматическим, нежели теоретическим. Так было и с единством народов СССР в войну.

В итоге я ушёл ни с чем. О причинах фиаско думаю до сих пор. Может быть, мне не хватило фактической базы? Может быть, оказался недостаточно упорен? Никита Константинович вообще утверждал, что в областном центре наших учеников из моего родного небезызвестного захолустья всегда стабильно заваливают на олимпиадах. Мой куратор и одновременно научный руководитель на олимпиаде вообще сказала, что меня в рассуждениях постоянно несёт не туда, куда надо. Какой ответ был правильным, думайте сами.

Я же к одиннадцатому классу стоял перед нелицеприятным фактом того, что с эссе на исторические темы всегда пролетал, а они в несколько изменённом виде были главными в части С Единого Госэкзамена, и без них сто баллов по истории получить было никак нельзя.

***

Но вы действительно думаете, что это меня волновало? Совсем нет. В самом начале последнего одиннадцатого учеб-

ного года я стал призёром Ломоносовского турнира по истории и получил диплом победителя, что приравнивался к ста баллам ЕГЭ. Вопросы были невероятно сложные, где надо было вспомнить, например, как зовут хотя бы одного из богов майя, расписать, в честь кого получил своё имя папа римский Бенедикт XVI, а также назвать, какой испанский флагман принимал участие в сражении у мыса Трафальгар в 1805 году (Сантиссима-Тринитат, если кому интересно). Разумеется, таких вопросов в ЕГЭ не было, и они требовали углублённого знания истории. Так я и подумал, что если уж на них ответил и получил Ломоносовский диплом призёра, то и экзамены мне будут раз плюнуть. Посему сам не готовился, а только записался на курсы подготовки к ЕГЭ по истории.

Именно там у меня и возникла непосредственная проблема с заданиями части С. За всё время курсов я ни разу не смог выполнить их правильно. Где-то провалился полностью, где-то удавалось всё сделать на четверть, на половину. Но ни разу не смог выполнить ни одного задания целиком. Главная проблема заключалась в том, что часть С практически по аналогии с частью эссе олимпиад требовала написать развёрнутые ответы на тот или иной вопрос, притом, что правильный вариант был только один. Это не так, как в исторических спорах на основе разных данных, исследований можно было иначе взглянуть на то или иное историческое событие и сделать неожиданный вывод в вопросах, где

историческая наука, казалось бы, во всём разобралась. Олег Соколов с Евгением Понасенковым, например, точно бы получили двойку, потому что вариант с негативной ролью императора Александра I в истории Наполеоновских войн точно был бы оценён на ноль баллов при сдаче ЕГЭ. Ноль. В устном экзамене, если приведёшь те или иные аргументы, ещё можно убедить учителя или университетского преподавателя в том, что ты знаешь материал, разбираешься в нём. В ЕГЭ подача апелляции ещё хуже, чем на олимпиаде. Тебя там вообще никто слушать не станет, а ответы на вопросы однозначны и других вариантов иметь не могут.

В итоге я чувствовал, что пролечу. Чувствовал, но делать ничего не стал и не в состоянии был. Меня волновала больше математика, в которой я с трудом выходил на минимальный балл, и все усилия при подготовке бросил на неё и русский язык.

Так в итоге и получилось, что неоднократный победитель городского этапа олимпиад по истории, обладатель диплома Ломоносовского турнира, приравниваемого к ста баллам ЕГЭ, сдал экзамен по истории на жалкие шестьдесят четыре балла! Притом, все эти результаты вышли у меня за тестовую часть, за которую я гипотетически мог получить семьдесят из ста баллов. То есть часть А и В я выполнил на отлично. А вот за С у меня красовался итог в ноль баллов! Круглый и пустой ноль!

Когда открыл сайт с просмотром результатов, то не мог

поверить своим глазам. Нет, это сон, всё не может выйти так жалко и смехотворно. Это явно какая-то ошибка, чья-то шутка, очень плохая и совершенно не смешная. Как я, круглый отличник по своему любимому предмету мог так сесть в лужу? Да даже русский язык, оцениваемый моей учительницей на результат «чуть выше тройки», принёс мне в итоге семьдесят три балла из ста! Это, если вы не заметили, серьёзно выше, чем по истории, что вообще невозможно и невероятно, но это был факт! Все мои знания о битвах и оружии давно ушедших эпох, все точные знания дат и терминов вдруг оказались абсолютно бесполезными и ненужными на практике. А теперь я ещё и оказался у разбитого корыта.

Разбитого в полном смысле этого слова, потому что, даже учитывая наличие у меня диплома Ломоносовского турнира, все смотрели не на него, а на результаты ЕГЭ, не понимая, как я достиг такого разброса в баллах, выполнив экзамен на результат чуть выше среднего при наличии диплома, приравняемого к ста баллам. В итоге все три ВУЗа с историческими факультетами, куда я отправлял документы, отвергли мою кандидатуру студента! В один момент моя мечта стать археологом и копать всякие древности в пустынях Египта аки Индиана Джонс, разрушилась, как каменный образ царя царей Озимандии, подтачиваемый песками времени, коим словно не пристало вокруг развалин медлить в беге дней. Всё, к чему я шёл из года в год, к чему готовился и стремился, о чём мечтал, в одночасье стёрлось в пыль одним

росчерком пера человека, проверяющего мой вариант контрольно-измерительных материалов.

Но он ли виноват в моём провале? Быть может, этот человек – член секты рептилоидных, жидо-масонских последователей, что хотят перекрыть кислород достойным русским людям? Может быть, виновата любовь моего учителя к коммунизму, из-за чего вместо того, чтобы давать нам реальные знания, он надиктовывал на ушки школьникам политизированные тезисы из марксистско-ленинистских книг про смену общественно-экономических формаций, имеющие, мягко говоря, мало общего со всеми достижениями современной и мировой исторической науки? Может быть, это виновата сама система ЕГЭ, лишаящая возможности оспорить чужую и доказать свою точку зрения на устном экзамене, не позволяющая раскрыть истинный углублённый уровень знаний и потенциал выпускников средних школ? Или же виноват я сам, уделявший время и внимание только военной истории, но не желавший знать и постигать общий материал? А может, просто витал в облаках собственных взглядов и представлений об истории, имевших мало общего с реальной наукой?

Дабы мне было не так обидно, я бы пожелал, чтобы причинами моего фиаско оказались сразу все вышеперечисленные факторы. И хоть снять с себя ответственность хочется совсем, и хоть это очень соблазнительно просто взять и умыть руки, но правда заключается в том, что у меня до сих пор

отскакивают от зубов все основные даты и события Великой Отечественной войны, Наполеоновских и Революционных войн, но вот на вопрос о том, когда была принята Табель о рангах Петра I, я сходу, не открывая книг, так легко и непринуждённо уже и не отвечаю. И с большой вероятностью без подглядываний ошибусь. Так что, как ни крути, при всех прочих факторах, интересна мне была всегда в своей основе только военная история, и больше ничего. А с этими знаниями далеко не уедешь, сто баллов на экзамене точно не получишь.

Я же, поступивший в итоге на юриста и поломавший свою жизнь, своё будущее, но до сих пор всё мечтающий о жарких пустынях, в песках которых можно найти античные мечи и доспехи, могу сказать только одно. Вот так и рушатся мечты – одним росчерком шариковой ручки человека, проверяющего твой экзамен.

Уроки Английского

Какой у вас был самый нелюбимый предмет в школе? Быть может, физкультура? Или труды? Математика? Скорее всего... Химия! Да, да! Химия! Какой ещё другой предмет может бесить больше, чем тот, который ты не понимаешь сильнее всего? У многих при виде химических формул глаза на лоб лезут. Но в школе всё это были цветочки. Ягодки – это когда нужно расписать название вещества типа ДДТ Дихлор-

дифенилтрихлорметилметан, например, если языком науки. А свой обывательский такими наименованиями веществ не раз сломать успеешь. А если ещё вспомнить химическую формулу... Крыша поедет!

Но лично у меня сложность самого предмета никогда отворачивания не вызывала. Важно больше, какой учитель читает материал. Если он хороший и отношения с учениками у него нормальные, то даже самый сложный предмет вытянуть на тройку можно без проблем. А вот если контакта нет и химическая связь не складывается, то хоть убейся в попытке постараться, но знаний никаких не получишь. Да и желание, если и было с самого начала, то довольно быстро пропадёт после первых неудач в попытке прогрызть гранит науки.

Так и вышло с моим учителем английского языка Савиной Натальей Ильиничной. Как бы строга ни была, например, Лилия Александровна, какими бы сложными ни казались мне химия или физика, ненавидел я больше всего уроки английского, от которых меня воротило тогда, воротит при воспоминаниях и сейчас. Притом, не сказать, что в отличие от Лилии Александровны она выглядела плохо внешне. Голос – приятное, невысокое и не низкое сопрано, из одежды всегда строгие платья, короткая, но пышная стрижка, а полнота была не такой уж и выразительной, чтобы отвращать. Но за приятной внешностью и прямо таки нежной улыбкой скрывался, лично как по мне, настоящий тиран.

Правда сразу стоит отметить, что в моей нелюбви к ан-

глийскому по большому счёту учитель не особо и виноват. Иностранные языки вообще все в принципе мне давались тяжело, ведь помимо английского, уже будучи студентом, я учил ещё французский и латынь, так что свои способности к полиглотству знаю. Правда, если по-английски пока что ещё помню многие слова и способен перевести на слух простые речевые конструкции, то на занятиях по французскому я вообще в ужасе пребывал, еле усваивая хоть что-то на самом примитивном уровне. После убедился лишь в том, что лучшее время для начала изучения нового языка – второй класс школы, когда нам и начали преподавать уроки английского. А своё убогое знание иностранных языков до сих пор люблю оправдывать тем, что прочитал в одной из книжек: мол, Наполеону Бонапарту при обучении иностранные языки тоже плохо давались, но это не помешало ему всю Европу на колени поставить. А Джон Толкин – признанный профессор лингвистики, вон, эльфийский язык сочинил с нуля, а русский так и не осилил, хоть и пытался. Правда ли про Наполеона или нет, не знаю, но для оправдания эта история, как и факт из жизни Толкина сойдут.

В своё же время, начиная изучать английский уже со второго класса, я вообще не ожидал, что так с ним обожгусь в итоге. В первые годы всё давалось довольно просто, а мы только слова заучивали и учились составлять простые предложения в настоящем времени. Наталья Ильинична каждое утро встречала нас лучезарной улыбкой, всегда в приподня-

том настроении. Всё в целом было неплохо, но для подстраховки мне даже вполне себе хорошего репетитора наняли, посему результаты должны были стать ещё лучше.

Но не станут. С самого начала мне репетитор так и говорила:

– Учи неправильные глаголы. Потом проще будет.

Говорила мне она это ещё до того, как заставили в школе учить этих самых «неправильных пчёл». В тот же вечер я посмотрел на список глаголов и подумал: «Да ну его к чёрту этот английский...» Мысль эта стала пророческой и к шестому классу школы воплотилась в реальность. К тому времени я перестал что-либо понимать, а первые несколько изучаемых нами из шестнадцати времён приводили меня то в ужас, то в бешенство. Ведь вот есть русский язык: у него настоящее, прошлое и будущее время. А в английском их целых шестнадцать! Вот куда им столько? «Они их на зиму засаливают что ли?» – рассуждал я в свои двенадцать лет. И то, что глагол в английском языке с учётом времён куда более информативен, чем в русском языке даже без контекста, я в это даже вникать не хотел. Я русский! Живу в России, покидать Родину никуда не собираюсь, так что на иностранных языках мне шпрехать не к чему!

Ужасаясь тому, что у меня совершенно нет тяги к английскому, и вздыхая от негодования, Наталья Ильинична однажды спросила:

– Почему? Английский язык столько всего открывает! Ез-

ди, куда хочешь, и будь уверен, что кто-то тебя да и поймёт, учишься в самых престижных университетах, работай в самых престижных компаниях. Ну почему ты не хочешь учить язык?!

А я тогда всерьёз увлёкся военным делом и даже хотел стать армейским офицером, потому и отвечал честно:

– Я хочу связать жизнь с армией России и никуда не собираюсь с моей Родины уезжать.

Наталья Ильинична улыбнулась.

– Похвально. А теперь представь ситуацию, что Россия воюет с США, и к вам попал в плен вражеский офицер, у которого нужно узнать разведданные о численности войск противника. Что тогда будешь делать? Ведь без знания английского спросить его не сможешь...

В ответ я пожал плечами и с тех пор даже не задумывался о карьере офицера в российской армии. Любая профессия хороша, где не надо знать английский!

Короче говоря, я окончательно для себя решил уже тогда, что свяжу свою жизнь с Россией и никуда отсюда не уеду, потому что не хочу, потому что НАТО разбомбили Югославию, потому что американцы и европейцы относятся к русским высокомерно и считают нас неотёсанными варварами. В результате у меня было оправдание на каждый день, почему я не должен учить английский. Правда, учителю на эти оправдания плевать, так как есть учебная программа, и её все должны закрыть. В результате для меня выходить на

тройку по английскому каждую четверть было настоящим подвигом. Я заваливал чуть ли не каждый тест на запоминание новых слов, на знание неправильных глаголов. Знаменитый зелёный сборник упражнений Голицынского по грамматике английского после очередной двойки был готов сжечь целым тиражом вместе с автором. Модальные глаголы вообще в отчаяние приводили. Единственное, что позволяло выходить на тройку – это заучивание текстов на английском и чтение с переводом. В остальном я пообещал себе когда-нибудь сделать панковский альбом-протест группе «Ramones» с их альбомом «Rocket to Russia». Свой бы назвал «Ракетой на США» или на Великобританию, где в песнях с восторгом пел бы о том, как сжигаю в ядерном пепле целую страну только за то, что получил очередную двойку по английскому, мол, лучше бы вашего языка вообще никогда не существовало, иначе я бы так не мучился.

Это потом уже после школы, когда пожил в Питере, в Нижнем Новгороде, когда повидал жизнь, когда заразился оппозиционной борьбой и сходил на все антипутинские протесты, организованные Навальным с того момента, как он объявил о желании стать президентом, до его ареста – только тогда вдруг понял, что английский знать не так уж и бесполезно, а иногда даже и жизненно необходимо. А то вдруг придётся драпать из России, если спецслужбы захотят посадить. Но что с возу упало, как говорится, то пропало, да и лень-матушка выучить английский сейчас не позволит. Так

что напоминаю вам: Навальный – бандит, и место ему в тюрьме! А вот Путин, он да... Ого-го! Да ещё какое! И вообще: если не нравится в России – вали в США и там говори на своём этом буржуйском англо-саксонском! Вот так вот! А сажать меня не надо...

Но это всё будет потом. А тогда мои мучения продолжались. Например, в восьмом классе Наталья Ильинична решила как-то дать восемь тестов за один урок. Ну вот решила она так побаловаться, повеселить себя, да нас помучить. Когда все сдали тесты, она перед проверкой с довольной улыбкой спрашивает класс:

– Смотрите, в чём проблема. Тестов восемь, да? Так как они смежные, я могу вам поставить одну оценку за два теста или по одной за каждый. Вам как лучше будет? Выбирайте!

Я тут же кричу:

– Одна за два теста!

Но тут же «отличились» наши отличницы, особенно Паулаускас. Хором начали кричать, мол, подавай им по каждой оценке за каждый тест.

Наталья Ильинична довольная улыбается и кивает.

– Хорошо. Тогда всем ставлю по оценке за каждый тест.

– Ура! – с восторгом кричат отличницы.

«Твою ж мать...» – вырывается у меня из глубины души, но сделать уже ничего было нельзя. Просить учительницу поставить мне только четыре оценки оказалось пустой тратой времени. Слушать ничего не захотела, мол, все в рав-

ных условиях. В итоге в тот день получил восемь двоек за урок... До сих пор помню, как глядел на уже не на приятную некогда, но мерзкую ныне ухмылку Натальи Ильиничны, пока она рисовала мне в журнале оценки. Хотел реветь от ужаса, да и разорвать на куски училку вместе с отличницами, которым, разумеется, восемь пятёрок за день получить было только по кайфу. Не знаю, кому это удавалось до меня или после меня, но в нашем классе за все одиннадцать лет моего рекорда за урок побить никто так и не смог. Восемь, чтоб Наталью Ильиничну и всю эту проклятую Великобританию вместе с её богомерзкой королевой и всеми англичанами, двойки! Как закрывал, не спрашивайте: драли меня, как говорится, и в хвост, и в гриву...

Почему-то именно в восьмом классе таких моментов было наибольшее количество. В итоге в тот год никакой другой предмет не вызывал у меня большей ненависти, чем английский язык. Один раз Наталья Ильинична буквально довела до слёз после очередной порции в три двойки, но очень обидные, потому что мне в итоге в очередной раз предстояло закрывать эти постоянные хвосты по английскому, вылезая из кожи вон каждую четверть. К этому тогда прибавилась и травля со стороны одноклассников. Именно в то время я впервые задумался бросить школу, начитавшись тогда про творческий путь Квентина Тарантино, а те с кем я тогда общался, даже посочувствовать не могли, а только подкалывали. В России ведь бросить школу в пятнадцать лет и стать

живой легендой кино невозможно, а я тут размечтался...

Но самый ужас приключился в третью четверть восьмого класса, когда Наталье Ильиничне вдруг стало не по себе от того, что некоторые ученики не носят сменную обувь, а остальные должны потом из-за них пылью дышать. Сначала каждое утро встречала своих учеников у входа в школу, проверяя у каждого из них наличие сменки в ранце. Но потом то ли посмотрела какой-то фильм о том, почему плохо дышать пылью, то ли западные коллеги (на методики которых она часто опиралась в своей учительской практике) поделились очередным опытом работы с учениками, и совсем поехала крышей.

Так в один день мы как ни в чём не бывало сидели всем классом в кабинете на перемене, ожидая учителя. Наталья Ильинична появилась аккурат перед звонком, и только урок начался, она, не пуская нас в класс, тут же на входе толкнула речь:

– Так, ребята... Говорю не только про вас, но и остальные классы тоже имею ввиду. Честно признаюсь, мне уже надоело со всеми вами воевать по поводу сменки. По-хорошему же просят – меняйте обувь. Вам же самим потом дышать всей этой пылью. Но вот кто-то всё равно с улицы в своих грязных ботинках приходит, а потом весь остальной класс это вдыхает. Специально уборщицу спрашивала: та постоянно жалуется, что тряпки грязные после каждой уборки, а должны быть чистые. Узнав об этом, специально ходила,

предыдущий месяц отлавливала всех, у кого сменки нет. Всё равно лучше не стало. В общем... Мне это надоело. С сегодняшнего дня буду проходить по рядам и заставлять показывать подошву. У кого будет пыль, выбирайте: или снимаете обувь, или просто выходите из класса, потому что я вашей пылью дышать отныне не собираюсь! Всё поняли?!

Закончив, она действительно стала пускать учеников по очереди и у каждого проверять подошвы! В итоге четыре человека, среди которых был и ваш покорный слуга, сидели на том уроке в одних носках. При этом никто не смел возразить. Это же абсурдно заставлять учеников сидеть без обуви и ставить на холодный пол ступни в одних носках! Но все стерпели, потому что с другой стороны Наталья Ильинична была права: пылью дышать никому не хотелось. С другой стороны, несмотря на эту дикость, пропускать уроки тоже было нельзя – потом хрен программу догонишь.

Выводы я сделал, дома помыл подошву сменной обуви. Теперь точно не придерётся! Каково же было моё удивление, когда на следующем уроке английского опять сидел в одних носках. А потом снова. И снова. И опять. И снова. В один момент меня это уже начало бесить, так как подошву мыл уже не раз. А ей всё не нравится! Вот чего училка придирается ко мне?! В итоге даже успел сильно простудиться из-за того, что в носках сидеть на холодном полу не просто было неудобно – ноги буквально мёрзли. Как переболел, вернулся на уроки английского, но и вновь Наталья Ильинична заста-

вила меня снимать обувь.

Что до жалоб родителям, пожаловался я всего однажды, сказав маме, что Наталья Ильинична придирается к подошве моей сменки, мол, я мыл, а ей всё равно не нравится. Дескать, давай помоем вместе, чтобы уже ты была свидетелем. В конце концов, не новую обувь же покупать – бюджет семейный не железный, чтобы удовлетворять прихоти сошедшей с ума училки. Помыли. И снова не устроило. Только в этот момент моя мать уже сама всё поняла.

– Слушай, это поэтому у тебя носки такие грязные? Потому что в классе без обуви сидишь?

– Да...

– Ну я этой Наталье Ильиничне рога все пообрубаю!

И тут вас должен смутить единственный вопрос. Как это я вновь и вновь заходил в класс в грязной подошве, если сам говорил, что всё хорошо помыл? Тут или у неё галлюцинации, или у нас с матерью, потому что после мытья, подошва должна была быть чистой. Запахкать же я её мог только осенью, потому что в январе-феврале (повторюсь, шла третья четверть) в сменных кедах, по факту в летней обуви в тридцатиградусный мороз не походишь, да и в снегу не испачкаешь. А ответ был очень прост.

Кто носил старые и копеечные по стоимости спортивные кеды (точнее сказать, нечто среднее между кедами и кроссовками) бренда «Москва», тот знает, что к ним на подошву довольно легко налипает застревающий внутри песок, кото-

рый потом никаким мытьём уже не счистить. Уж не знаю, из чего она делается точно, но такие у неё свойства. Песок же там появился так. Однажды ещё осенью полгода назад нас заставили выносить из школы старые парты и тащить их к мусоровозу. Делать это надо было срочно, поэтому работали в сменке. Путь наш от запасного выхода до машины пролегал по земляной тропинке, в результате песок и налипал на подошву. Так они стали грязными, и никак их уже было не отмыть. Сколько я ни оттирал тряпкой, остатки песка ею не счистить, а наждачной бумагой портить свои кеды было бы вообще вершиной маразма.

В итоге моя мать сразу пошла жаловаться классному руководителю, а тот в свою очередь, разумеется, пришёл узнать обо всём от учительницы. Казалось бы, сейчас все всё обговорим, уладим конфликт и буду учиться дальше в обуви. Как положено.

Но этого не случилось. Более того следующее занятие по английскому сходу началось с того, что я по требованию Натальи Ильиничны должен был покинуть класс, потому что её «так ещё никто не поливал грязью и не клеветал». А что мы? Что мы... Мы спорить не любим. Собрали вещи, гордо подняли голову вверх и ушли из класса.

– И пока не извинишься, можешь не возвращаться! – проводила меня такими словами учительница.

– Посмотрим... – отвечал я.

– Смотри, смотри. Потом стыдно будет!

Стыдно не стало. Более того так я пропустил шесть уроков английского за три недели! Ужас? Нет же! Вы просто не представляете, как мне было хорошо больше не ходить на эти уроки, не ломать голову над Past and Present Continuous, не проговаривать больше мычащие звуки типа сочетания «th» так, будто я жую гудрон. Три недели настоящего, чёрт возьми, счастья, спокойствия и умиротворения!

Правда, разумеется, вечно так продолжаться не могло. То и дело я постоянно сталкивался с разными учителями, удивлёнными тем, что весь класс сейчас учит, какая кэпитэл оф Грэйт Бритэн, а я в это время шастаюсь по школе без дела и пропускаю программу. Как увидела меня в очередной раз прогуливающим уроки бывший классный руководитель и по совместительству наш учитель математики Тамара Максимовна, то сразу же пожаловалась родителям. Те же были уверены, что конфликт улажен, потому как о новом витке противостояния с Натальей Ильиничной я им просто не сказал. Узнав о ситуации, они взбесились. Но не на меня, а на учительницу. Пришлось им приходиться вместе с классным руководителем и ругаться, мол, почему сына моего на уроки не пускаете.

После очной ставки с родителями у той все её аргументы про нежелание дышать пылью тут же исчезли. Она не спорила, даже признала, что быть может и перегнула палку, но конфликт с обувью действительно не стоил того, чтобы прогонять меня с уроков. Так я вернулся в класс, по классике

закрыв пробелы чтением и переводом. Извиняться за это издевательство с обувью её не заставляли, да она бы и не стала. В итоге между нами до самого одиннадцатого класса установился нейтралитет, где она снисходительно ставила мне очередную тройку за четверть, и я так уходил на очередные каникулы довольный жизнью. В итоге то была единственная жесть, которую Наталья Ильинична сотворила. Учитывая те счастливые три недели без английского, даже обижаться на неё как-то не хочется.

Но была ли она действительно плохой? Нет. Не бывает абсолютно плохих людей. Даже самый последний эгоист кого-то да и любит. А себя, знаете ли, тоже нужно уметь любить. Даже самое последнее чудовище может проявлять добрые чувства хоть к кому-то. Даже Чикатило после очередного изнасилования с убийством приходил домой и обнимал жену с ребёнком, и не думая причинять вред своим близким. Наталья Ильинична тоже монстром в юбке не была.

Однажды в шестом классе она мне даже четыре за четверть поставила. В иной момент у неё, грубо говоря, снега зимой не выпросишь, а тут целая четвёрка за четверть! Произошло это по одной простой причине: Наталья Ильинична всего лишь захотела поставить на школьных подмостках пьесу по мотивам сказки Андерсена «Снежная королева» на английском языке! Её на самом деле с детьми-актёрами и на русском сделать непросто из-за обилия персонажей и больших реплик, а тут ещё и на английском! Учитывая, что у

меня был далеко не самый сильный английский, мне до кучи ещё и досталась одна из самых объёмных ролей некоего канцлера, которого не было в оригинальной сказке. Но тут он есть и по сюжету должен был что-то купить у бабушки Кая и Герды, появляясь ещё раз ближе к концу, так как вроде как на самом деле является одним из слуг Снежной королевы. Реплики мною были выучены хорошо, и я получил четвёрку за четверть просто потому, что Наталья Ильинична посчитала выученную объёмную роль настоящим подвигом для человека, очевидно, плохо владевшего английским.

Что касается постановки и актёрской игры, тут, конечно, дров наломали все: кто плохо сыграл, кто реплику забыл, кто споткнулся о торчавший кусок паркета. Самое обидное было то, что выступали мы перед родителями, и, конечно, было неприятно упасть в грязь лицом перед ними, но мне забыть реплику точно не стало бы чем-то страшным попросту потому, что мой отец (учил немецкий) и мать (учила французский) просто-напросто не знали английского, как и восемьдесят процентов зала. Но, даже с учётом конфузов, все зрители от пьесы были в восторге.

В одиннадцатом же классе, когда настало время показывать презентации и часто заниматься переводами, я был на коне и получал много четвёрок. Правда, все хорошие результаты тут же аннулировались двойками и тройками за аудирование и тесты по модальным глаголам. При этом Наталья Ильинична часто повторяла, мол, это самое аудирование ча-

сто попадаетея в тестах ЕГЭ по английскому, поэтому его важно делать правильно. Разумеется, у меня, сдававшего историю, географию, обществознание и литературу, возникал вопрос, на кой мне это аудирование, если я ЕГЭ по английскому вообще не сдаю. Но кто меня спрашивал?

Один раз сделал крутейшую презентацию на тему семи чудес света. Только вместо чудес архитектуры взял, так скажем, чудесные кинофильмы. В список я включил все самые масштабные и затратные фильмы в истории. В мой список вошли «Бен-Гур» Уильяма Уайлера, «Спартак» Стэнли Кубрика, «Война и Мир» Сергея Бондарчука, «Освобождение» Юрия Озерова, «Властелин колец» Питера Джексона, «Титаник» и «Аватар» Джеймса Кэмерона. Оценивал я фильмы по критериям бюджета, задействованных статистов, спецэффектов и масштабных декораций, где бесспорным лидером оказался. Как ни странно, не Кэмерон, а Сергей Бондарчук, со своим эпиком «Война и Мир» с бюджетом, как поговаривают в семьсот миллионов долларов и пятнадцатую тысячами статистов, которых в кадре нужно заставить правильно идти строем, да чтобы не спотыкались о каждую кочку на пути. Сама же презентация привела моих одноклассников в восторг. После Наталья Ильинична спросила учеников:

– Okay, class. What do you think we'll rate it? Four or five?¹

– Four! Five! Four! Five! – раздались робкие голоса в разных углах класса. Казалось, все были очень испуганы тем, что решать, как оценивать презентацию, нужно было им.

Услышав ответы, Наталья Ильинична задумалась:

– Those who think that you need to put five ... Doesn't it bother you that your colleague has many grammatical errors?²

Класс молчит. Так-то в целом она права. Ошибок у меня масса со всеми этими перфектами, континиусами и модальными глаголами. Но презентация вышла действительно увлекательной!

– Well... Sit down, please. I give you a four.³

Я был доволен. Хотя бы не три и не два, как обычно! Зато мой школьный приятель Санька был крайне недоволен. В личной беседе потом говорил:

– За презентацию нужно было ставить пять!

Но, повторяюсь, для меня оценка в четыре была наивысшей с учётом того, что грамматикой английского я так и не овладел, а неправильные глаголы даже в университетские годы выучить не удосужился. Что уж говорить о школе... Так что было бы из-за чего переживать.

Впрочем Санька вообще часто был в шоке от Натальи Ильиничны, потому что она иногда любила поговорить с нами на различные темы, не связанные с английским. Из таких тем самым безобидным стал алкоголь. Однажды на уроке она на полном серьёзе включила нам лекцию небезызвестного «профессора» Жданова, который известен дичью про международную нарко и алкомафию, в корне неверное устройство человеческого глаза и утверждение о том, что алкоголь в вине и пиве является ничем иным, как продуктами жиз-

недеятельности бактерий, участвующих в процессе брожения. Грубо говоря, бактерии пукают, а мы потом это пьём. И всё это нас заставляли смотреть на полном серьёзе. Странно, что Наталья Ильинична нам не показывала также лекций Трехлебова с Ивашовым для полного бинго. При этом не повезло смотреть Жданова всей остальной школе на внеклассных занятиях. Правда, кроме смеха лекции этого профессора кислых щей больше ничего не вызывали...

Думаете, это была самая жесьть? Нет. Только цветочки.

Самый сок начинался, когда Наталье Ильиничне захочется поговорить на тему расизма и взаимоотношений русских с народами Кавказа. И нет, она не была космополитом, интернационалистом или человеком мира. Наоборот, отличалась довольно радикальными националистическими взглядами, желая, например, сбросить атомную бомбу на кое-какой Северо-Кавказский город...

Этим она в один момент Санька и взбесила, так как тот был по убеждениям анархо-коммунистом и интернационалистом, потому принять её взглядов и агитации попросту не мог.

Дело было уже в мае, мы заканчивали одиннадцатый класс, нам предстоял последний урок английского. И на прощание Наталья Ильинична решила нам дать напутственную речь. Её содержание Саню порядком поразило, ведь помимо пожеланий и поздравлений она решила кое в чём просветить девочек из нашего класса...

– И ещё кое-что... – начала она, – сейчас об этом почти не говорят. Я считаю, что зря, потому что всем вам, особенно девочкам знать это просто необходимо, чтобы вы в дальнейшем не оступались и не жалели о сделанном выборе. Есть одна теория, которую вывели заводчики, занимающиеся лошадьми и собаками, называется телегонией. Известно об этом стало не вчера, а уже давно в принципе, но обращать особое внимание на это начали только недавно. Суть заключается в том, что обычно, чтобы скакун или собака получились хорошими, важно не только их тренировать и дрессировать. Обязательно также следить и за потомством животного. Поэтому для разведения обычно ищут породистых собак или лошадей. Но если такой возможности нет, некоторым приходится скрещивать или разные породы, или здоровых и больных животных. Но это поначалу. Как только деньги на породистых, здоровых кобелей, жеребцов появляются, стараются, конечно, с лучшими скрещивать. И вот заводчики, занимаясь разведением, вдруг заметили, что если сука или кобыла сначала заводила потомство от самцов более дешёвых пород, то, если её потом скрещивать со здоровыми и породистыми самцами, хорошего потомства она дать уже не сумеет.

– Это антинаучная теория! – вдруг восклицает Саня.

– Так, подожди! – останавливает его Наталья Ильинична, – не перебивай меня.

– Да это просто фашизм...

– Дай, пожалуйста мне закончить. Хорошо? – Саня разводит руками и замолкает, Наталья Ильинична продолжает, – поэтому любой селекционер никогда не станет скрещивать своих самок с плохими самцами. Потому что знает, что у неё потом будет испорчено потомство. Поэтому я хочу попросить вас, особенно девочки, только об одном. Даже если очень сильно захочется, ни в коем случае не спите с чужаками. Только свои! – подняла вверх указательный палец и на этом закончила свою речь по поводу телегонии. В конце поздравив нас с окончанием школы и пожелав удачи.

После урока сидим с Саней, а он отойти не может и поражается сказанному учительницей. Может, на свой счёт принял? Сам выглядел не ахти: лицо продолговатое, нос длинный, глаза выпученные и с детства страдает массой хронических болячек типа диабета, аллергии на шоколад. С другой стороны родители у него русские, младшая сестра в отличие от него довольно привлекательная. Не знаю, что на душе у него тогда творилось, но он возмущённо спрашивал меня:

– Да почему Наталья Ильинична такая расистка?

Я только развожу руками:

– Своя правда.

Ну а что мне было ещё ответить? Согласиться? Да очевидно, что любой фашизм и расизм – это зло, а я за всё хорошее и против всего плохого. С другой стороны каждый, кто когда-либо сталкивался в конфликтах и драках с кавказцами теми же, наоборот, будет только за. И не потому что

он такой плохой нацист и шовинист. Буквально два месяца назад до речи учительницы про телегонию азербайджанцы на рынке избивали русского мальчишку одиннадцати лет отроду по беспределу. За него семь или восемь пацанов, кто постарше, пришли заступаться. Как потом описывали происходящее участники драки со стороны русских, всё было хорошо, пока из подвала не выскочили пятнадцать азербайджанцев (цитирую их) «как тараканы» и не начали щемить наших большинством, пока не приехала полиция и не прекратила забой. Только забрала почему-то только русских. И так как мальчишка тот был избит ими по беспределу, а потом ещё азербайджанцы честно разобратся не захотели или, как минимум, признать свою ошибку, мне что-то совсем не хочется кого-то сразу обвинять в фашизме и расизме, если кого-то довели, кого-то замучили. Да, можете сказать, что я предвзятый, потому что сам и с азербайджанцами конфликтовал, и с армянами, которых в нашем небезызвестном захолустье после Карабахской войны было пруд пруди. Так мы и не единым хлебом с вами кормлены! Саня сам признавался, что ему, например, с кавказцами конфликтовать ни разу не довелось. А мы с пацанами во дворе постоянно с кем сцепимся, с кем подерёмся из-за того, что кто-то из нас, и не только русских (мой приятель Дима, часто дравшийся с азербайджанцами был татарин) посмеет как-то не так на гордого горского орла посмотреть.

Что касается Натальи Ильиничны, вот откуда нам знать,

что с ней случилось по жизни? Может, сама неудачно от кавказца залетела, а он убежал, оставив на руках с ребёнком? Может, сын в Чечне погиб? Да всё может быть! И да, если вы возразите, сказав, что так можно и Гитлера оправдать, то будете абсолютно правы. Но часто ли вам доводилось чисто по-человечески понимать своего оппонента, нежели без вопросов посылать к чёрту, потому что он расист, фашист, трансфоб и гомофоб по вашему мнению? Но в отличие от Гитлера их хотя бы оправдать можно, потому что никто из них не устраивал Холокоста, да и не стремился к этому.

А Наталья Ильинична ну смотрит Жданова, ну верит она в свою телегонию. Все её выслушали, никто кроме Сани спорить не стал. Многие на возраст смотрели, почтенно относились. Бывают академики наук, что сначала придерживаются строго научных методов, а к старости начинают верить в то, что пирамиды были построены рептилоидами. Ну дурачок и дурачок, оставь ты его в покое, нежели спорить. Умнее ж будешь, чем с дураком пререкаться. А Наталья Ильинична местные в нашем небезызвестном захолустье митинги в поддержку 31 статьи Конституции посещала. Кто тогда там был главным в этой теме? Правильно, Эдуард Лимонов! Ни один последовательный человек националистических взглядов всерьёз никогда бы в его партию нацболов не вступил после прочтения книги «Это я, Эдичка». Лимонов просто решил всем показать, что такое постмодернистская ирония и просто всю жизнь над всеми подшучивал, да посмеивался,

говоря на интернет-сленге, троллил. А такие люди как Наталья Ильинична его всерьёз воспринимали. И что теперь? Судить их за то, что они глупости, постиронию и троллинг воспринимают всерьёз?

Девчонки, разумеется, были не в восторге от этой её речи, но просто выслушали, позицию приняли к сведению и пошли дальше своей дорогой. Чего так возмущаться Сане было, до сих пор не понимаю...

И если что, я не расист, не шовинист, но из того жизненного опыта, который пришлось пережить мне, я вижу ситуацию так, что на многие вещи нельзя смотреть так, лишь бы удобно было поделить всё на чёрное и белое. Нет, мир серый! Неоднозначного в нашей жизни много, а людей идеально хороших, либо плохих не бывает. Это ж банальная истина, но почему про неё все забывают? И если эту аксиому на вооружение взять, то, например, измена и предательство человека, которого вы любили и которым восторгались, уже не будет смотреться так шокирующе, как казалось прежде, потому что и он не ангелом был. Так что не судите, да не судимы будете...

Почему я её защищаю, хотя защищать и не за что? На самом деле, несмотря на все недостатки мне из её уроков чаще всего запоминались именно такие моменты, когда она могла половину или весь урок с нами говорить на посторонние, житейские и политические темы. Наталья Ильинична и хочет остановиться, чтобы продолжить урок, но в душе у неё

так накипело, что не высказаться не может. Потому продолжает говорить о том, что наболело, а мы, лишь бы не продолжать урок, наоборот, начинаем активно с ней общаться, таким образом продлевая халяву, когда можно не напряжённо пытаться усвоить материал, но просто расслабиться и послушать иногда банальные, иногда популистские, но нередко и довольно интересные вещи.

Один из самых острых разговоров, например, произошёл, когда мой бывший одноклассник Жора решил вдруг сказать, что профессия учителя не престижная. Тут Наталью Ильиничну понесло не на шутку. Она минут тридцать доказывала, что быть учителем вполне себе престижно, так как педагоги воспитывают будущие поколения, делая их образованными. Маленькая зарплата, конечно, тоже плохо, но во имя процветания России, например, Наталья Ильинична готова пожертвовать своим благополучием. Правда, и самоуважением она тоже обладала, посему и объясняла Жоре, почему тот неправ в своих суждениях.

Вспоминая тот её спор, до сих пор поражаюсь я нашим российским педагогам. Золотые же люди! Государство на них плюёт и так, и эдак, в бизнес идти предлагает вместо нормальной зарплаты, а они несчастные за копейки терпят скотское порою отношение к себе со стороны учеников, а порою и их родителей, и это не говоря про откровенное хамство со стороны кое-какого пропагандиста с федерального ТВ. И всё во имя великой цели – благополучия России. Что-

бы крепла наша страна умами, а не превращалась в деревню дураков и антиутопию как в комедии «Идиократия». И ведь ничего не требуют, на акции протеста всероссийские не собираются, когда надо бы! Не факт притом, что их не разгонит росгвардия с полицией, если соберутся. А надо бы! Надо бы выйти и сказать, мол, хватит над нами издеваться! Повысьте зарплаты до среднего уровня, а не эти вот три копейки, и дайте уже, наконец, молодым педагогам квартиры и социальные гарантии!

Но когда им это делать, если наши учителя целиком в работе? На уроках срываешь голос, пытаешься привести в порядок дисциплину, иногда вот выслушиваешь мнения учеников о своей профессии, мол, сейчас в учителя идут только неудачники, да отбросы. После проведённых уроков идёшь в магазин, смотришь на цены, пересчитываешь гроши, оставшиеся в кошельке, так как на оклад в четырнадцать тысяч в месяц на широкую ногу не разгуляешься, потому выбираешь в продуктовом что-нибудь подешевле. Домой возвращаешься, отдыхать некогда: нужно тетрадки проверить, как с этим закончишь, принимаешься уже только за домашние и семейные дела, времени на которые почти не остаётся. Ложишься спать уже как выжатый лимон, осознавая, что завтра всё повторится вновь.

Это, конечно, не в шахтах уголь добывать, но там на пяти-сотом горизонте нет двоечника Вовочки Сидорова, постоянно нарушающего дисциплину, унижающего иногда до слёз,

да так сильно, что врезать порою этому малолетнему террористу мало. Кто не верит, посмотрите в интернете ролики, как ученики порою бьют учителей, угрожают им оружием, издеваются и унижают на уроках. Посему мои слова не пусты и не преувеличены. Там в тёмных и пыльных глубинах штолен нет его родителей из люмпенов, которые сами в школе дегенератами были, так ещё и сыночка такого же вырастили, потому сами скорее заклюют учителя, чем заставят своего ребёнка слушать на уроках то, что говорит педагог. Ведь его уважать должны – он из твоей домашней обезьянки человека делает, который потом тебя в старости кормить будет и не сядет на шею из-за того что его такого тупого никуда на работу не берут. Вместо этого нередко родители на учителя нападают, нежели своего спиногрыза воспитать.

Учитель должен воспитать образованного человека, и он по мере сил и способностей своё обязательство выполняет. Почему по отношению к нему ни у кого обязательств никаких нет? Почему он должен терпеть все эти невзгоды, мол, призвание такое, но не жаловаться и не требовать для себя хоть какого-то улучшения условий труда? Почему он теперь обязан выслушивать подобные издевательские, едкие высказывания, что профессия у него не престижная, когда он такую важную и колоссальную работу выполняет? Почему он в принципе должен выходить на улицы и требовать для себя хоть каких-то улучшений, когда очевидно, что государство и общество сами должны с учителя пылинки сдувать, ибо без

него страна превратится в зоопарк и сумасшедший дом?

Притом, сами учителя, как правило, скромные и застенчивые; так же жёстко как я, никогда не выскажутся, пупов земли из себя не строят, а просто спокойно делают свою работу и звёзд с неба не хватают. Просто тоже хотят жить достойно и не выслушивать слова своих учеников о том, что профессия их не престижна.

Вон взять нашего учителя истории Никиту Константиновича. Он тоже не хочет ходить две недели в одном и том же свитере, тоже не хочет носить самую дешёвую оправу для очков, что была в наличии в Оптике. Он бы с радостью заплатил бы профессиональным хирургам, чтобы избавиться от хромоты, купил бы себе новые джинсы, новые наручные часы, новый смартфон, а не самое дешёвое кнопочное убожество, что было в наличии на складе магазина. Боюсь, что и голову не моет, зубы не чистит, чтобы сэкономить шампунь и зубную пасту, но это уже не точно. В то же самое время он мог бы всё это себе позволить при желании. У него второе образование учителя экономики: если захочет, сможет финансовую пирамиду построить и всех вас на кругленькие суммы обуть, а вы, дурачки, даже не заметите. Но вместо этого он учит ваших детей тому, что такое финансовая пирамида и как на уловку мошенников не попасть. Впрочем, он и весь капитализм в целом считал одной финансовой пирамидой в отличие от якобы справедливого коммунизма, но это уже детали.

А суть одна – учителя тоже заслуживают достойной жизни, потому что выполняют самую важную работу – формирование не просто человека, но законопослушного гражданина, который, применив полученные знания, сможет потом честно заработать, а не заниматься, например, бандитизмом. Именно поэтому государство и общество должны заботиться об учителях, а не плевать на них.

И пускай для меня Наталья Ильинична тысячу раз будет пренеприятнейшей особой, а память о её уроках, о истории с обувью и восьми двойках за урок по-прежнему кажутся сущим кошмаром, но это не значит, что она была плохим педагогом. Вовсе нет. Никто из моих одноклассников в будущем не будет отзываться про неё плохо. Даже Санька, удивлявшийся на уроках её шовинизму, потом скажет, что несмотря на это она дала ему главное – знания. А это самое важное, что должен делать учитель, в отместку за что государство и общество должны о них позаботиться должны образом. И не так важны убеждения учителя, даже если он их транслирует в массы (если конечно, не призывает к чему-то противозаконному). В первую очередь важны знания. Ну и про педагогическую этику тоже нельзя забывать, а то заставлять учеников сидеть в коле без обуви – это дико...

Бунт против классного руководителя

Так уж вышло, что в нашей школе раз в десять лет появля-

лись самые настоящие «золотые классы». Это значит, что в будущем после школы каждый из одноклассников добивался успехов в своей сфере деятельности и становился большим человеком, что делало хорошую рекламу классным руководителям. Так, казалось, будет и с нами. Ведь вот у нас четыре отличницы, вот я – знаток истории, вот два вполне себе годных художника, вот подающий надежды футболист – короче говоря, действительно золотой класс. Ни в сказке сказать, ни пером описать.

И, казалось бы, для такого «золотого» класса, где ученики с таким многообещающим будущим, нужен подходящий классный руководитель, чтобы при нём дети показывали лучшие результаты учёбы. В идеале так и надо, да и был у нас в своё время такой. Но в седьмом классе всё изменилось, и нашим классным руководителем стал учитель трудов! Вы, должно быть, удивлены, как так вышло, чтобы лучшим доставалось худшее? Давайте начнём по порядку.

С пятого по шестой класс нашим руководителем была Тамара Максимовна – учитель математики. Уже имевшая опыт шефства над школьниками, она каждый класс из-под своего пера выпускала «золотым», предварительно стараясь отобрать к себе лучших из лучших. Результатом её работы становилось то, что каждый из класса в итоге добивался в жизни сравнительно больших успехов – хоть каждую рожу на школьную доску почёта вешай.

И вот казалось бы, да? Продолжай быть классным руко-

водителем и куй новое железо, пока горячо. Но в седьмом классе произошло неожиданное.

Был у нас трудовик по металлу. Как звали его не помню. Единственное, что в памяти всплывает, мужик был лет 35-40 от роду, тучный и в очках. А ещё юморной. Чем-то особым не отличался, вот и вспомнить о нём особо нечего, кроме того, что он сам, будучи молодым, совершил то, от чего нас старался всеми силами уберечь – не последовал правилам техники безопасности. В результате малюсенький кусочек металла попал ему в глаз, и по этой причине он начал медленно, но верно терять зрение. К моменту, когда начал учить наш класс, уже был почти ослепшим на один глаз, а к концу шестого всё дошло до того, что ему даже очки перестали помогать.

Уж не знаю, какие там правила устройства учителей труда на работу, не знаю, сам ли он уволился, либо его попросили, но нам в сентябре 2006 года, когда пошли в 7 класс, так и заявили, что предыдущий учитель труда школу покинул по состоянию здоровья, ибо глазу его всё хуже и хуже.

Около двух недель занятия по металлу для нас проводил трудовик, занимавшийся деревом, но разорваться пополам, понятное дело, он не мог. Поэтому пришлось школе искать нового трудовика. Искали недолго, и вот уже в конце сентября предмету трудов по металлу нас обучал новый учитель.

И вот представьте, первый день с новым трудовиком, а нам кому по 12, кому по 13 лет. Выходит дяденька возрас-

том за сорок, худощавый, в очках с лысиной (где остались волосы, там они были седыми) и с орлиным носом в своём техническом халате. Чтобы вы лучше себе представляли, как он выглядел, только скажу, что я оглядев его с головы до пят, сразу вспомнил Новосельцева из «Служебного романа». Правда, он не был столь застенчив и неуклюж, а голос – громкий и зычный баритон. Всё-таки уроки труда приходится вести не у абы кого, а у кучи гиперактивных отроков, потому без командного голоса тут никак. Но при этом он всегда следил за словами, даже пребывая в ярости не матерился (что для трудовиков – явление редкое), а внешне, напомним, походивший на Новосельцева представлял из себя некое подобие советского пролетарского интеллигента из плесневело-медовых времён, когда пластмассовый мир ещё не победил.

– Приветствую вас, класс!

– Здравствуйте! – вялым хором отвечаем мы.

– Теперь я буду вести у вас уроки труда, зовут меня Штана Алексей Пантелеймонович.

И вот представьте нас в нашем возрасте, услышавших столь редкую и странную фамилию, на которую в самую первую очередь напрашивается ассоциация с штаниной или штангой. Мы еле сдерживали смех, стараясь изо всех сил казаться перед новым учителем воспитанными. И получилось у нас не то, чтобы плохо, но спокойно мы отреагировать не смогли, постоянно переглядываясь друг с другом и чисто по

приколу переспрашивая учителя, какая у него фамилия, чтобы ещё тихонько похихикать. А ведь как известно, чем сильнее смех сдерживаешь, тем ещё сильнее хочется смеяться. Вот мы и хихикали девять додиков, с трудом сдерживая себя. Отчество прибавляло учителю дополнительной комичности. И пусть первым делом его фамилия так и напрашивала нас дать ему погоняло штанга или штанина, в памяти нашей закрепилась кликуха Пантелеймоныч, ибо выглядел он как какой-то старший инженер с завода, а там так все друг к другу обращаются: Михалыч, Анатолийч, Семёныч. Правда, если на производстве пролетарский мужик обращается по отчеству к другим более с уважением, мы трудовика так называли снисходительно и с насмешкой. Как ни крути, уж очень он был смешной мужичок для нас – школьников...

***

Понятное дело, что высмеивание нам своего учителя означало только одно – на его занятиях мы с первых дней вели себя аки настоящие бесы. И нет, до драк учителя с учеником (примеров в интернете можно найти множество) или угроз не доходило. Просто бесились, как бесятся неуправляемые дети, которым потом может оказаться стыдно опозорить уважаемых в обществе родителей. Ад не устраивали, но огонь чистилища под ногами Пантелеймоныча поджигали. Мы ж всё-таки золотой класс!

Особым озорником среди наших был один мой одноклассник Саша (с которым мы позже кекали в 10 классе над «Упячкой»). Он часто своими выходками любил урок срывать. То в какой-нибудь ящик залезет и вылезать не хочет, то обязательно учителя начнёт перебивать, то сделает вид, что ему палец отрезало на станке, а потом закричит так, что вся школа в ужас придёт. Пантелеймоныч из своей учительской каморки выскочит, а потом посмеётся, пригрозит указательным пальцем и скажет своё фирменное:

– Ах ты, разгильдяй!

Ох... Как же сильно мы смеялись с этого его фирменного слова! На переменах постоянно пародировали его манеру речи и жесты, передразнивали Пантелеймоныча на уроках, прямо говоря ему в шутку: «Ах ты, Пантелеймоныч, разгильдяй!» – а потом смотрели на его откровенно слабую реакцию и понимали, что в сравнении с Лилией Александровной, у которой мы по струнке ходили, он смотрелся убого. И тут как в любом токсичном коллективе – проявишь слабость и нерешительность – тебя заклюют. Вот несчастного Пантелеймоныча и клевали. И не только мы. Остальные классы с параллели от нас не отставали.

И сижу это, вспоминаю, а сейчас диву даюсь, какие же крепкие у него нервы были! Я бы уже давно своим ученикам за такое поведение по лбу настучал наперекор всех правилам педагогики, а он терпел. При этом не забывал отшучиваться. А ещё старался выглядеть, будто бы он с нами на одной

волне.

В годы моей учёбы, несмотря на растущую популярность хип-хопа и R&B, всё ещё оставался популярен металл с его тяжёлыми гитарными записями. В один момент, когда нам пришлось время напильниками снимать слой металла с заготовки, Пантелеймоныч объявил:

– Ну, что? Готовы? Сейчас будет этот... Как его! Хеви... Хеви метал!

– Ого, хэви металл!!! – кричим мы и начинаем шлифовать заготовки с огромным усердием, дабы было больше шума. Лязг был, наверное, слышен на всю школу, и головой трясли, стараясь «сыграть» как можно громче, даже те, кто этот самый хэви металл вовсе и не слушал.

***

Но как ни оттягивайся с Пантелеймонычем, разумеется, он на нас жаловался Тамаре Максимовне, устраивавшей нам нагоняй за плохое поведение. Мы ж золотой класс! Так ещё оказалось, что мой отец с ним в соседнем дворе жил в детстве. То есть, вероятно, даже хорошо знал его. Посему однажды подозвал меня к себе и сказал:

– Будешь обижать Пантелеймоныча – будешь иметь дело со мной.

Как потом окажется, я за все школьные годы обидел его сильнее всего...

Помимо стандартных подтруниваний над учителем, а также наших любимых попыток пожать ему руку как дворцовому дружку, плевав на его авторитет учителя, мы на уроках труда обожали тырить мелок для доски, чтобы им рисовать что-нибудь непотребное на спине у Пантелеймоныча, пока тот был одет в свой технический халат. Лишний раз говорить не буду, какие слова с изображениями мы на нём писали, но на эту тему в своё время хорошо высказалась наша учительница физики, когда у неё в классе появилась интерактивная школьная доска. Один из моих одноклассников решил что-нибудь на доске написать по приколу стилусом. Ну и написал, на что в ответ учительница сказала:

– Вот сразу видно уровень интеллекта, если больше ничего другого в голову не пришло написать...

Вот так и мы хулиганили по полной, разрисовывая спину учителя. Но! Так как мы были классом не простым, а золотым, то сразу после рисования художеств говорили Пантелеймонычу, мол, у вас спина грязная, и стирали всякие написанные нами гадости. То есть красных линий, чтобы сделать учителя посмешищем на всю школу, не переступали.

Писал и я. Но однажды, вместо того, чтобы стереть, решил оставить до конца урока. На самом деле ничего прямо оскорбительного не написал. Только слово «сексуальный» в английской транскрипции. «Особо одарённым» блюстителям морали сразу скажу, что никакого гомосексуального подтекста тут нет. Так как Пантелеймоныч ходил с пышными

усищами, потерявшими моду к тому времени (но ставшими предметом насмешек), мы между одноклассниками шутили, представляя, как он своими усиками – пропуском в трусики соблазняет других учительниц школы. Вот и шутили, что он для всех них «секси»...

Вот и я решил это подчеркнуть лишний раз, чтобы мы всем мужским коллективом нашего класса над этим посмеялись. Те 30 минут, что слово красовалось на его халате, были одними из смешных за всю мою жизнь. И чем дольше надпись оставалась, тем сильнее мы смеялись. Следом за моей надписью одноклассник Данил решил дополнить художество, но ничего своего не придумал, а только повторил за гением, написав слово «секси» ещё раз. Правда, стоит отметить, что после этого нам стало ещё смешнее, а мне легче на душе, ибо теперь я не один был повязан.

И вот время подходит к звонку, а мы всё с его халата не стираем надписи и не стираем. Вроде и хотим это сделать, а потом чья-то недобрая воля останавливает нас, как бы говоря: «Вот представь себе, что сейчас Пантелеймоныч выйдет с кабинета труда, пойдёт в столовую, и вся школа будет над ним хохотать! Представь как будет круто и весело! Да, потом, возможно, даже пожалеем, но сейчас же будет хохма... Не стирай! Ни в коем случае не стирай!»

Прозвенел звонок, Пантелеймоныч, не снимая халата, вышел из класса и пошёл не просто по коридорам прогуляться, а в столовую, где были сотни учеников... И учителей. Мы

украдкой проскочили за ним и в истерике наблюдали за тем, как наши однокашники фотографируют на телефоны надпись на его спине. Увидевшая это жена директора школы и по совместительству учительница трудов для девочек указала Пантелеймонычу на каракули. Заметив это, мы все ринулись обратно в класс. В мыслях витало: «Да, нам кранты, но зараза, будет весело!»

Буквально следом за нами учитель врывается в кабинет, держит в руках халат и кричит:

– Кто это сделал?!

– Не знаем... – отвечаем мы, стараясь не хихикать, но получилось у нас это по классике опять же весьма непросто...

– А ну дневники все быстро на стол!!! Всем двойки по труду!!!

Мы несём. Думали, что он нас всех тут порвёт на британский флаг как тузик грелку, а мы всего лишь двойками отделаемся... Вообще, если вы давно следите за отношениями учитель-ученик в интернете, то наверняка наткнетесь на видео, где учителя иногда даже дерутся со своими подопечными. В фантазии нашей было представление о том, что Пантелеймоныч с кулаками на каждого нападёт, директора вызовет или ещё что-нибудь страшное сотворит, а он всего-то двойки...

Следующие сорок минут (дело было зимой в заполярье, поэтому уроки были сокращены) он допытывал нас допросом про явки, номера и пароли, ибо тогда такую подлую ди-

версию могли совершить только мы – натуральные вражеские шпиёны и враги государства. Иногда думал, он кого-то из наших сломаёт... Но наш брат не сломался! Двойками и родителями в школу верного Родине партизана фашист не напугает! По итогам ни меня, ни Данила никто в тот момент так и не сдал. Даже подключение Тамары Максимовны, а потом к нашему удивлению и директора не помогло. Все молчали как рыбы, получая в ответ на вопросы кровавой гэбни из учительской только с трудом сдерживаемые смешки – лучше на расстрел, чем сдать своих пацанов! Даже когда Пантелеймоныч расспрашивал каждого вечером личным звонком с вопросом, кто это сделал, наш брат не сдавался. Не люди, а кремень монолитный! А я так вообще всё свалил на классы «а», «б», «в» и «г» (мы числились с буквой «д»). Короче говоря, поступил в лучших традициях «золотого» класса. Не, ну а что? Они в сравнении с нами там все поголовные двоечники, ничего не успевают. Один из них Толик Акиншин так вообще уже в свои 15 выглядел как алкаш. Чем не кандидат для такого вероломства, как написать гадость на халате учителя?

Но, как вы понимаете, всё тайное всегда становится явным. В итоге спустя две недели через третьих лиц Пантелеймоныч таки узнал, кто написал у него на спине, что он «секси». Подзывает к себе чисто невзначай после урока меня с Данилом и говорит нам:

– Я узнал, что это написали вы...

Мы в отказ идём:

– Да не! Не мы! Да мы... Да ни за что на свете...

– Не спорьте, я знаю. Просто не надо больше так.

И всё. Нам больше за такую шалость ничего не прилетело.

Ни розгов по мягкому месту, ни даже отеческого подзатыльника. До сих пор удивляюсь, каким же добряком оказался в итоге наш Пантелеймоныч! А каким запасом нервов обладал! Сам он про своё терпение говорил так:

– Я до этого лекции в хабзайке вёл! Думаете, после них вы меня своими глупостями обидите или напугаете?

Короче говоря, нервов ему было не занимать. Но главный экзамен на профпригодность ему сдать ещё предстояло.

***

Вообще новый 2006 учебный год мы встретили с надеждой на то, что он перетерпится быстрее предыдущего. Зима ещё даже не началась, а уже хотелось побыстрее каникул и летних деньков, тем более, что у нас в заполярье они только начинали подступать только ближе к середине мая, и ждать нужно было целый год.

Но вот очередной классный час в новой четверти. Тамара Максимовна собирает нас на серьёзный разговор. Рядом сидит Пантелеймоныч, тогда только-только устроившийся в школу. Когда все были готовы, она объявляет:

– Если вы не в курсе, то мне работы в школе прибави-

лось. Класс дальше вести за собой я пока не смогу. Решением моим, другого завуча Екатерины Петровны, с сего дня и до конца 9 класса вашим новым учителем становится Алексей Пантелеймонович... – тот кивает, мол, да это я – на повышение пошёл. А Тамара Максимовна подчеркнула, – учитывая то, что я ему передаю золотой класс, то прошу вас меня не позорить, а показать весь уровень вашего воспитания. Не подведите...

Так нашим классным руководителем и стал учитель трудов, устроившийся в школу всего какую-то неделю назад! Довольны ли мы оказались? С энтузиазмом ли это восприняли наши родители? Нет! Нет! И ещё раз нет! Новость была встречена буквально в штыки и нами, и нашими мамами и папами. Тамару Максимовну, которую все ценили и уважали, так как в то время она хорошо выполняла свои обязанности, на трудовика... Это же какой-то ужас!

Кто не понимает, в чём сыр-бор, тому лучше пояснит мой ещё один одноклассник Максим Бубнов. А он так и сказал, что трудовиков в классные руководители ставят только самым умственно отсталым классам. А мы... Вот таким золотым мы, видимо, были, что нам в управление поставили трудовика!

А Пантелеймоныч... А что Пантелеймоныч? Он рассуждал просто: партия сказала «надо», комсомол ответил «есть»! У него наверное от радости чуть сердечный приступ не случился, а то как же... Только в школу устроился, всего

неделю отработал, кухни даже не узнал, и вот он уже классный руководитель. И раз в его фантазиях наверняка всё ещё советская Родина ему поручила такую важную задачу, к её выполнению он приступил со всей самоотверженностью истинного комсомольца. Почему не коммуниста? А не приняли его в то время, с формулировкой «не заслужил». Он про это сам рассказывал.

И я не просто так использую в тексте все эти советские поговорки, речевые обороты, потому что с самого второго классного часа наши собрания превратились в натуральные партийные съезды КПСС! Когда кто-то выигрывал конкурс или олимпиаду, Пантелеймоныч обязательно заставлял реагировать на это бурными аплодисментами, будто наш пионерский отряд прямиком на Луну отправляют аки Омона Кривомазова. Свои выступления он готовил, как доклады к Верховному Съезду, голосования проводились как в ЦК партии, когда мерзкие, с обрюзгшими рожами дряхлые старикашки все решения принимали голосованием. Но даже если рук набирался целый лес, Пантелеймоныч объявлял:

– Принято едингласно!

– Какое единогласно, если руку подняли из пятнадцати всего три человека?! – возражаем мы.

– Не спорьте!

Но больше всего нас бесили его лекции про толерантность... Если у вас это слово вызывает рвоту где-то если не с 2016, то с 2018 года, то мы на него плевались с 2006 ещё! Ес-

ли вкратце, о чём они были, то на них Пантелеймоныч объяснял нам, что нужно быть толерантными, как и добрякам тоже важно и нужно учиться и уметь быть добрыми! Вы сейчас наверняка ждёте продолжения мысли, мол, ну нужно... А что дальше? А ничего! Лекции его были до такой степени водяными и бессмысленными, что, казалось, мы тонем на Титанике! А он каждый классный час продолжал нам их читать, думая, что это чертовски важно! Так ему, возможно, и казалось со стороны, но мы теряли каждую неделю 30-45 минут своей жизни, на его бессмысленные лекции, и, клянусь, уже тогда я всей душой это слово ненавидел!

Но сразу в бочку дёгтя добавлю ложку мёда. Главным позитивным моментом в его классном руководстве стало то, что мы чуть ли не каждый месяц собирались на вечерние чаепития, почему-то называемые утренниками, хотя происходили они вечером. На них мы не только пили чай, но и слушали музыку. Девочки приносили диски с канадской певицей Аврил Лавин, а мы – мальчишки нагло вытаскивали кассеты с этой попсытиной и включали System Of A Down и Slipknot. В такие вечера и музыка по всей школе звучала, и мы по коридорам бегали как угорелые. Это было реально хорошо.

***

Помимо таких дискотек только для нашего класса (у 30-

лотых классов же есть привелегии, а то как же без них) Пантелеймоныч нам ещё организовывал и походы в кино. И если количество анекдотичных ситуаций, как вам кажется, в этом моём рассказе уже переваливает через край, то это только видимая часть айсберга. Теперь пора опускаться на глубину!

В середине первого месяца своего руководства Пантелеймоныч собрал нас всех на очередной классный час. И помимо его привычной и скучной лекции про толерантность, из уст его прозвучала на удивление хорошая идея.

– Так, класс, всё внимание на меня! От некоторых из ваших товарищей поступило очень дельное предложение, что мы совершенно не проводим культурных мероприятий. Например, походов в музеи и в кино. Предлагаю это исправить! Для начала посетим наш кинотеатр!

– А на какой фильм идём? – спросил мой одноклассник Антон Дубинин, с которым мы в начальной школе разыгрывали сценки из Властелина Колец на территории школы. Он вообще был большим киноманом, в своё время потащившим меня на Джеймса Бонда, где впервые в этой роли засветился талантливый Дэниел Крейг, на Обителя Зла с Милой Йовович и на первого Железного Человека с Дауни младшим.

– У меня есть несколько вариантов! – отвечал Пантелеймоныч, и начинает перечислять. Всех премьер осени 2006 года и не припомню, но точно осталось в памяти, что в нашем кинотеатре некоторые премьеры крутились по два и даже три месяца в редких случаях, поэтому всех предложенных

вариантов не припомню, но в то время точно шёл фильм «Парфюмер. История одного убийцы» Тома Тыквера. Его то он и предложил, – ... Также есть российский фильм «Меченосец». А ещё у нас показывают «Парфимер. История одного убийцы». Название, конечно, жутковатое, но специально позвонил в кинотеатр спросить, можно ли его смотреть школьникам. Там сказали, что по возрасту подходит!

– О! – воскликнул Антон, – Парфюмер! Идём на него!

– Нет! – возразил я, – давайте лучше на Меченосца! – я тогда любил боевики и супергероику, поэтому не хотел идти на фильм с каким-то странным названием и постером с лежавшей вниз головой рыжеволосой женщиной. Как потом оказалось, «Меченосец» оказался унылой посредственностью, но тогда название внушало оптимизм.

– Вот иди сам на Меченосца, а мы пойдём на Парфюмера! – возразил мне Антон.

– Давайте проголосуем! – по классике предложил Пантелеймоныч, – кто за Меченосца? – поднял руку только я, – кто за Парфюмера? – подняли руки одиннадцать человек из пятнадцати и плюс Пантелеймоныч, сразу объявивший после этого со всей торжественностью, – принято единогласно!

«Вот это демократия во всей красе...» – подумал я.

Так мы и пошли на Парфюмера. На самом деле, глядя на то время взглядом сегодняшним, из всех премьер сентября и первой половины октября 2006 года картина Тома Тыквера выглядела одной из самых интересных. Бонд с Крейгом и

«Отступники» Скорсезе выйдут только ближе к зиме, да и у нас их не показывали, а пока лучшим вариантом на самом деле действительно был Парфюмер. Тем более в нашем кинотеатре «Полярный», закрывавшемся в 2004 году из-за долгов и открывшимся в 2006 новым владельцем, сделавшим в зале ремонт, поставившем новые кресла и закупившем машину для производства попкорна. Не сходить в новый зал было грешно, а премьер было мало. Вот и пошли мы на самый лучший из вариантов на то время.

Собрались всем классом во главе с Пантелеймонычем у входа и вошли в новый кинозал. Ощущения были незабываемые! Сразу бросался аромат солёного попкорна, настолько вкусный, что я до сих пор его обожаю жрать ведрами во время похода в кино. Потом запомнился свет ярких ламп, чуть ли не слепивших тебя после тёмного коридора в сторону кинозала. А звук! М-м... Мы, стоя у входа до начала сеанса, слышали, как гроыхали колонки! В маленьких залах торговых центров в больших городах такого ощущения нет, ибо чувствуя дрожь от колонок во время показа предыдущего фильма, ты прямо таки предвкушал что-то эпичное, что будут показывать на экране. Короче, нашему маленькому моногороду на задворках империи этот кинотеатр был настоящим подарком. Далее мы с друзьями усаживаемся в мягкие кресла, берём в руки попкорн и ждём...

И вот после кучи трейлеров начинают показывать Парфюмера. Несмотря на то, что фильм не оказался прям такой

туфтой, как я о нём думал, смотреть его не прям чтобы было интересно. До момента с титьками!

Не, ну а вы как думали? Что нам в наши 13 лет будет интересно в скучной драме с примесью триллера и детектива? Конечно же, когда на экране показали первую обнажённую жертву (в тот момент ещё живую) Жан-Батиста Гренуя, то у нас отвисли челюсти. Мы в то время только-только начали украдкой, пока родителей дома нет, смотреть порно, передаваемое друг другу по рукам на компакт-дисках, и для нас вся эта тема с голой женской грудью, конечно, была в новинку. А тут во время культурного мероприятия всем классом. И ладно... Один раз показали, чёрт с ним. В «Бриллиантовой Руке» или в «Зеркале» Тарковского обнажённая женская спина и то соблазнительней смотрелась!

Но тут фильм подошёл к своему финалу, и мы просто изумились. Кто не в курсе сюжета Парфюмера, в конце Гренуй таки создаёт секретный аромат, способный сводить людей с ума. Им он пользуется, чтобы избежать собственной казни, размахивает платочком с духами, и толпа, собравшаяся посмотреть на казнь маньяка, вдруг устроила массовую оргию, где показали, наверное, все виды любви – в том числе и те, за которые сегодня Роскомнадзор блокирует всё подряд, не дай Бог детки станут 404-тыми.

И вот мы в свои 13 лет смотрели, как каждый в той толпе на экране предавался плотским утехам, не стесняясь абсолютно ничего, будто бы порнуху смотрели! Да у нас челю-

сти отвисли при просмотре этого дикого трэша! У мальчиков так точно, а девочки смущённо улыбались, когда переглядывались друг с другом. А Пантелеймоныч... А что Пантелеймоныч? Он сидел без движения с каменным лицом, без эмоций, без движений, очевидно, шокированный происходящим пуще нас. Вероятно, кто-то на его месте бы схватил нас за шкуру и вытащил бы силком из зала, но он всё-таки старался быть вежливым, интеллигентным. А таким во все не к лицу срывать просмотр фильма другим зрителям. О том, что случись, если бы кто-то из учеников про поход на Парфюмера рассказал родителям, он почему-то тогда не задумывался. Возможно, потому что шок от увиденного был слишком сильный...

Как вышли из кинотеатра, начали обсуждать фильм, благо было что друг другу рассказать. Следом зал покидает Пантелеймоныч, глупо улыбается и подытоживает:

– Срамота какая-то! Специально же звонил в кинотеатр, спрашивал, можно ли на фильм до 18 лет... Мне сказали, можно! А тут дикость какая-то...

– Да ладно, нам понравилось! – хихикаем мы.

– Ах вы разгильдяи! – улыбается Пантелеймоныч, и по классике грозит нам указательным пальцем. На следующий классный час зарёкся нас на такое кино более не водить.

Новый поход в кино у нас состоялся уже весной следующего календарного года на «300 Спартанцев» Зака Снайпера. И что бы вы думали? Ему снова говорят, что на фильм

можно приходиться детям, а там на экране опять двадцать пять – голые сиськи, процесс совокупления мужчины и женщины во всех дозволенных в эротике подробностях, позах и прочая срамота. К тому же туда прибавились отрубленные головы, да руки с ногами, и всё в фирменном снайдеровском слоу-мо, чтобы зритель не забывал, что смотрит не порно и не дикость типа «Калигулы» с Малькомом Макдауэлом, а экранизацию подвига спартанцев в Фермопильском сражении! И снова Пантелеймоныч выходит из кинозала, зарекаясь, что больше на такую срамоту нас не поведёт.

И больше с тех пор в кино он нас вообще больше никогда не водил...

***

Кому неочевидно, для того уточню, что классное руководство у Пантелеймоныча, как бы тот ни старался, никак не клеилось, хотя он пытался всеми силами. Класс его не слушался, потому что он буквально уже за два месяца своих классных часов с лекциями про толерантность уже всех нас откровенно достал, а одноклассники с параллели за классрука-трудолика наш класс откровенно высмеивали. К тому же со временем оказалось, что Пантелеймоныч совершенно не чистил зубы, и каждый раз, как начинал на нас дышать во время разговора (а он любил приближаться к ученикам как можно ближе, обсуждая личные вопросы), от этой вони у

него изо рта начинало натурально тошнить. Короче, мы были на пределе.

Посему с каждым новым классным часом нарушения дисциплины становились всё сильнее. Мы откровенно плевали на соблюдение правил на его уроках и внеклассных занятиях, нагло прогуливая классные часы, жертвуя при этом двойками в дневник за поведение. Он их не стеснялся ставить и нашим девочкам отличницам, также откровенно уставшим от всего этого Пантелеймоновского цирка.

С родителями у него тоже не ладилось. И если мои его не просто терпели, но он к тому же хорошо общался с отцом, то родители отличниц всё время руководства над нашим классом Штаны, готовы были против него уже бунт поднимать, до такой степени он всех раздражал.

Ещё больше он капал на мозги тем родителям учеников, которые любили носить модные в то время после фильма «Гарри Поттер и Кубок Огня» причёски с длинными волосами как у Гарри и Рона. А кто не смотрел, тому будет понятнее, если вспомнят стили причёсок у ранних Rolling Stones, Kinks или Битлов. Вот такие же относительно длинные волосы стали носить и многие наши одноклассники. Те же Антон Дубинин с Ильёй Москвиным и Максимом Бубновым такие носили.

Пантелеймоныч как трудовик, разумеется, понимал, что такие длинные волосы не соответствуют технике безопасности при работе за станком, поэтому исписал дневники паца-

нов требованиями к родителям подстричь своих детей, а если те не хотят, то заставить их носить на уроках специальные береты трудовиков (знакомы внешне, думаю, всем). Они же в свою очередь в дневнике писали ему в ответ, что не будут этого делать, потому что причёски у них модные, а берет пусть носит сам. К слову, со мной таких проблем не было поначалу, так как до девятого класса отец заставлял меня стричься под троечку. Но уже в последний год перед десятым классом я, отрастив волосы почти до плеч, тоже с этими претензиями столкнулся, правда уже не так сильно, потому что трудовик по этому поводу больше особо и не спорил, так как в седьмом и восьмом классе войну с родителями и учениками по поводу стрижки с треском проиграл, в итоге так и не заставив тех выполнять его требования.

В этой ситуации можно винить только и только Пантелеймоныча. И нет, не за то, что он справедливо указывал родителям, что волосы их чад могли попасть в крутящиеся механизмы станков, а потом те на своей шкуре бы почувствовали, как индейцы в фильмах про ковбоев снимали скальпы с ещё живых своих жертв. Нормальный учитель пойдёт к директору жаловаться, ибо травма ученика – его ответственность, а ему на требования техники безопасности родители и их детки в ответ чуть ли не в рожу плюют. Тебе же потом штрафы платить, если не в тюрьму садиться, не дай Бог ученик тяжёлую травму получит. Так если родители не внимают требованиям, иди к директору и требуй выполнения своих требо-

ваний через него, либо отказывайся вести уроки с учениками, которые правила техники безопасности нарушают!

Пантелеймоныч же в отличие от той же нашей учительницы русского Лилии Александровны, державшей в ежовых рукавицах не только учеников, но и их родителей, был слабхарактерным и предпочёл спустить всё на тормоза в надежде на авось, понимая, что на его требования откровенно плюют. И ему хотя бы повезло, так как за все годы его работы трудовиком, травм не получил никто из нас. А если бы, да кабы? А скольким трудовикам в лицо родители плюют по всей России до сих пор, потом предъявляя учителю, что тот их кровинушку от травм не уберёт?

***

Но хоть трагедий при нём не было, а его откровенная бесхребетность в пору нашим классным руководителем сыграла с ним в один момент злую шутку.

То был март 2007, конец третьей четверти, когда каждый уже чуял приближение весны, а потому был гиперактивным. Пантелеймоныч устроил очередной классный час, где продолжил нам в 150-ый раз рассказывать о том, какая же это прекрасная штука – толерантность, и тут мы просто не выдержали...

На самом деле разогреться начали ещё до классного часа и при этом спонтанно, став дурачиться на перемене. Мы с

тремя моими одноклассниками, с которыми я тесно общался в то время, сидели на задних партах и хотели, чтобы девчонки, сидевшие спереди, обратили на нас внимание. Но ничего не получалось. Тогда я вырываю из тетради листок, сворачиваю его в самолётик и кидаю в сторону девчонок. Одной из них он попадает в затылок. Мы сидим и хохочем, а те начинают плакаться, мол, прекратите, мальчишки! Как вам не стыдно! Пусть таким... Далеко не самым лучшим образом, но своего мы добились. А это значит, что нужно делать? Правильно! Кидаться в них самолётиками и дальше!

И мы продолжили. Иногда те летели не в ту сторону, в какую нам было нужно, и под перекрёстный огонь попадали другие наши одноклассники. Также вскоре оказалось, что тратить целый лист бумаги на один самолётик накладно, поэтому мы стали сворачивать небольшие кусочки бумаги в комочки и продолжили кидаться уже ими.

И тут заходит Пантелеймоныч, да давай свою лекцию про толерантность читать (ещё одной проблемой у него было то, что он свою байду не рассказывал, а читал с листка, потому представьте, как тяжело его было слушать), а мы ему тут своими шалостями всё срываем. Разумеется, он просил нас остановиться, но это эффекта не возымело. Мы продолжали кидаться, и более того, к нам начали присоединяться остальные одноклассники. Пантелеймоныч продолжал что-то там говорить, стараясь не обращать внимание на происходящее. Но он зря это сделал. Стало только хуже, потому что спустя

десять минут весь класс, даже включая отличниц, всегда старавшихся быть послушными паиньками и подлизами, начал кидаться друг в друга бумажками. Короче, устроили мы всем классом настоящую битву. Почти как снежками, только бумажками.

Пантелеймоныч, когда понял, что потерял над классом контроль, сделал то, что ему только и оставалось – пошёл за Тамарой Максимовной, ибо только она могла нас усмирить.

Как раз к его уходу прозвенел звонок, и мы продолжили бумажную битву уже с новой силой, к чему прибавились также побегушки и приставания к одноклассникам. В кабинете царил настоящий хаос, анархия! Мы развлекались как могли, а проходящие мимо нашего кабинета буквально сторонились происходящего, лишь бы не задели. Странно, что всю мебель мы там тогда не поломали и стёкла не побили. В этом повезло.

Наши же приставания к девочкам превратились в настоящие догонялки, где те от нас просто убегали чуть ли не в страхе. Так одна из одноклассниц Надя Алексеева во время догонялок сбежала из класса. Мой тогдашний приятель Андрей Волчак, увидев это, заявил мне:

– Я кое-что придумал...

– Что? – любопытствовал я.

– Короче, я сейчас с мокрой тряпкой для доски встаю у двери. Когда Надька зайдёт в класс, дай мне сигнал, а я забрызгаю её!

У меня глаза загорелись огнём от этой шалости.

– Давай! – соглашаюсь я.

Встаём на своих позициях. Дрюня притаился около двери в кабинет, я встал напротив, чтобы увидеть, кто зайдёт. Дверь открывается, заходит Максим Бубнов. Я даю Андрею сигнал, чтобы тот стоял смирно. Следом дверь открывается снова, а за ней... Кто бы вы думали? Тамара Максимовна! Я начинаю смеяться и пытаюсь сказать Дрюне, чтобы тот остановился, но через смех не могу. Он эти мои телодвижения посчитал сигналом к действию.

И вот Тамара Максимовна перед входом в класс, а перед ней мокрой тряпкой трясут, и все брызги прямо в лицо. Она сморщилась вся, будто съела лимон, покраснела как помидор, только и пытается рукой прикрыться. А я стараюсь найти в себе силы и сказать Андрею: «Стой!» – но ситуация была столь нелепая и забавная, что я буквально по полу покатился от смеха, стараясь предупредить его между вздохами. Всё было тщетно. Остановился он только тогда, когда Тамара Максимовна что есть мочи воскликнула:

– Да сколько это ещё будет продолжаться?!

У Дрюни от изумления челюсть отвисла! У него, наверное, вся жизнь перед глазами пролетела, как понял, какими последствиями для него это может закончиться. Он резким движением откидывает тряпку в раковину и неловко и скромно, будто пингвин, отходит к своей парте, стараясь сделать с помощью языка тела вид, будто бы это сделал кто-то

другой.

Тамара Максимовна врывается в класс и кричит:

– А ну успокоились быстро!!!

Мы резко умолкаем и садимся за парты.

Далее уже было не смешно. Она минут двадцать нас отчитывала за то, что мы Пантелеймонычу урок сорвали, и никакие уже наши аргументы про то, что он трудовик, не работали. Буквальными криками, называя нас умственно-отсталыми, Тамара Максимовна требовала в классе дисциплины, тут же назначила дату родительского собрания и напомнила всем про хвосты по учёбе.

Короче, за акцию гражданского неповиновения получили мы тогда по всей строгости школьного закона...

***

А потом мы привыкли. Привыкли к неуклюжести и слабохарактерности Пантелеймоныча, привыкли к его лекциям, и до самого девятого класса тот остался нашим классным руководителем. Да, по большей части у нас вошло в привычку прогуливать классные часы, но мы привыкли... И он привык тоже.

Про то, как я его унизил с халатом, он даже и не вспоминал потом. Наоборот, когда возникла неприятная ситуация с учительницей английского Натальей Ильиничной, заставлявшей меня на уроках сидеть без обуви, именно он тогда

и стал посредником между мной с родителями и учительницей, поспособствовав завершению конфликта в нашу пользу.

При всей своей мягкости и нерешительности он всё-таки обладал ещё и добротой удивительной к тем, за кого был в ответе, стараясь по возможности во всех конфликтах встать на нашу сторону, поддержать нас на всех конкурсах и соревнованиях, куда мог прийти, устраивал утренники, а также походы на природу. Пусть и неуклюже, но он хотя бы старался что-то делать, а ведь это уже немало!

Выпустив наш класс, он в итоге из школы уволился. Пантелеймоныч и до этого то не был хорошим учителем, ведь до нас он преподавал в хабзайке. А потом, видимо, понял, что заставлять юношей ПТУшных считать дроби и степени без калькулятора – это одно, а с детей и отроков глаз не спускать, лишь бы не сломали себе ничего – уже другое.

Да и если он был честным с самим собой, то ещё с момента нашего бунта понял, что с классным руководством не справится. Тамара Максимовна была опытнее. Она нас по именам звала, ведь знала с самого первого класса каждого. Пантелеймоныч же имя моей одноклассницы Нины Артищенко даже запомнить не мог, называя её Наталкой, отчего та от него чуть ли не в слезах убегала, лишь бы не тот раздражал (с учётом того, что Нину вывести из себя традиционно было проще простого). Что уж говорить о том, как он родителей учеников из себя выводил. У нас же класс золотой был – родители детей в подавляющем большинстве своём мещане

– средний класс с большими зарплатами от 50 тысяч и выше, что по меркам тех лет довольно много (а мы – их дети с соответствующим самолюбием и самомнением), а Пантелеймоныч на их фоне нищим дурачком и простачком смотрелся, у которого даже денег на новую оправу для очков нету. Потому с самого седьмого и по девятый класс Тамара Максимовна негласно продолжала оставаться нашим классным руководителем, принимая ключевые решения.

А Пантелеймоныч... А что Пантелеймоныч? Последний раз я его видел в 2012 году, когда уже в универе учился, а он из школы ушёл. Тогда же вспомнил нашу старую забаву приносить его авторитет, стараясь поздороваться с ним за руку. И он, наконец, пожал мне! Как своему! Как взрослому! Не забыв при этом сказать фирменное:

– Ах, ты разгильдяй! – и машет указательным пальцем перед лицом.

А потом уехал в Белоруссию, и след его там окончательно простыл.

Мораль же сей басни такова, что классу, что считается золотым, назначать в классные руководители трудовика – не к добру. Приведёт это и к скандалам, и к смешным нелепостям и даже к самому настоящему школьному бунту, где вместо камней использовались кусочки бумаги от тетрадок. Не хочешь, чтобы этого произошло – назначай классным того, кто умеет и может, а не того, кто только пришёл, амбиций имеет массу, а по факту на такую ответственную работу претендо-

вать не мог.

Вот так.

Counter Strike

Какой педагог есть хороший? Сложный вопрос, правда? Проще ответить, пересекаются ли две параллельные прямые. И то, смотря, какую геометрию изучаешь. А тут скорее вопрос наук гуманитарных, поэтому и вариантов ответа там будет огромное множество. Вроде бы ответить на него со своей колокольни просто, как и на многие. Хороший учитель, например, математики – это тот, кто скажет детям, что $2+2=4$, и других ответов быть не может. Вы же не хотите, чтобы ваш ребёнок думал, что $2+2=3$ или $5\dots$ А с другой стороны в интернете можно найти кучу примеров решений что $2+2=5$! Да, это классический пример софизма в математике, но плох ли тот учитель, что сможет толково объяснить, что это такое и как математический софизм в жизни применить?

Но только лишь знание своего предмета и способность объяснить материал нужны хорошему педагогу? Разумеется, нет! Критериев на самом деле много: способный учитель должен и дисциплину поддержать, и конфликт пресечь, и подтянуть хотя бы чуть-чуть неуспевающего. Из своего личного опыта я этот список дополню ещё двумя критериями. Хороший педагог, во-первых, должен вселять в учеников уверенность в их силах и способностях, а не надеяться, что

если он преподаёт предмет элите школы, то они как-нибудь сами на хорошие оценки да и выйдут. А, во-вторых, уделять время не только личным амбициям, но и работе.

И, как вы уже догадались, попался мне далеко не самый лучший учитель... Но обо всём по порядку.

***

Наш учитель математики – Тамара Максимовна считалась одним из самых способных педагогов школы. Так уж вышло, что из под её пера выходили т. н. «золотые» классы, в которых все ученики так или иначе добивались сравнительно больших успехов в жизни. Олигархом или президентом, конечно, никто не стал, но большие политики муниципального уровня, некогда учившиеся в таких классах нашей школы, потом к нам в класс приходили и рассказывали, какая Тамара Максимовна хорошая учительница, и как хорошо, что мы попали именно к ней.

Самое удивительное было то, как с самого первого класса она работала в тандеме с нашей первой учительницей Елизаветой Петровной Соколовой. Они не просто вместе сотрудничали, а буквально передавали друг другу классы как эстафетную палочку. Сначала первая выделяет среди учеников тех, кто более или менее способный, а Тамара Максимовна уже решала, кто продолжит с ней учёбу. Так наш класс в своё время покинула пара учеников – не дотягивали до общего

уровня остальных.

А среди нас в свою очередь, перешедших в пятый класс, не было каких-то учеников заметно слабых. Все были или хорошисты, или отличники, а круглых двоечников или троечников из люмпенов у нас вообще не было, тогда как остальные классы с параллели были ими забиты. Вот из нас Тамара Максимовна «золотой» класс и делала.

Среди родителей она пользовалась уважением и авторитетом, притом ещё до школы. Только вдумайтесь, в течение всего августа перед зачислением в первый класс они с Соколовой сознательно ходили по квартирам будущих своих учеников, общаясь лично и с детьми и с их родителями! Потом также отличались активной работой и воспитанием в течение школьных лет. Правда, лично я не заметил этого, но большинство родителей были довольны. Что уж говорить, если в своё время именно она убедила большинство родителей оставить в качестве педагога по русскому и литературе Поскупову Лилию Александровну, несмотря на протесты многих родителей и почти всех учеников. В общем, запас доверия к Тамаре Максимовне был невероятный.

От себя вкратце добавлю, что для меня она как педагог ничего хорошего не сделала. До сих пор не могу ей простить того, что она всерьёз не разбиралась с теми, кто в школе занимался буллингом в отношении меня, хотя вроде бы должна была. Но тут ещё большой вопрос, что бы она смогла сделать? Не каждому же подзатыльник давай, кто выбросит в

мусорное ведро мои учебники или поколотит в углу на перемене! Впрочем, за последнее можно в худшем случае и уголовку, знаете ли...

Но не будем именно на этом зацикливать внимание, потому как о своём опыте буллинга я расскажу позже.

А пока от экспозиции перейдём, собственно, к завязке.

***

О том, как меня – гуманитария до мозга костей угораздило попасть в физмат, расскажу опять же позже. Но это важно упомянуть в контексте этой истории. Я действительно учился в физмате, в самом элитном классе школы. И учителем математики и по совместительству классным руководителем у нас была именно Тамара Максимовна. Так решили наши родители, припоминая, какой большой авторитет у неё всегда был.

Но иногда бывает, что у подобных людей начинается головокружение от успехов... Особенно у президентов, правящих большими странами. Если что-то в течение некоторого времени хорошо получается, продолжая заниматься своим любимым делом, ты вскоре начнёшь делать его со спущенными рукавами, думая, что раз такой большой профессионал, то тебе можно дирижировать от балды – и так как-нибудь само собой сложится. Короче говоря, самое что ни на есть классическое головокружение от успехов. Так вышло и

с Тamarой Максимовной.

Сидишь такой на уроке не понимаешь тригонометрию, либо интегралы... Хороший педагог, если какие сложности есть, сразу пояснит, что где непонятно. Хороший педагог с головокружением от успехов командным голосом рявкнет:

– Физмат-класс! Элита школы! Сидят тут, не могут простейший пример решить! Вы чё?! Тупые?! Или я за вас должна решать?! Простейшие формулы (прим. автора НА ПОЛ ДОСКИ) выучить не можете! И как вы ЕГЭ сдавать теперь будете?! Я за вас позориться не собираюсь! Просто не допущу вас до сдачи, и всё!

И тут один я, будучи закоренелым гуманитарием, что-то поскуливаю за задней парте, пока остальные с варёными мозгами пытаются с горем пополам что-то из нового материала понять.

А про сдачу ЕГЭ, пожалуйста, запомните. В конце этого рассказа аукнется сюрпризом.

***

Когда у Тамары Максимовны началось головокружение от успехов, сказать сложно. Она вела у меня математику с пятого по девятый класс и никогда не отличалась тем, чтобы так унижать своих учеников. Скорее нас Лилия Александровна на русском отчитает, или Наталья Ильинична на английском, но никак не Тамара Максимовна. А в десятом классе с са-

мых первых уроков она буквально разбушевалась, видимо, каждый раз думая, что если рявкнет сильнее, то мы сразу всё поймём. Не понимали.

Вспоминая сегодня, с чего всё это беснование пошло, надо углубиться чуть глубже во времени, примерно на два года назад. Именно тогда Тамара Максимовна решила участвовать в конкурсе «Учитель года». С этого всё и пошло-поехало.

Как сейчас помню восьмой или девятый класс, и мы в составе группы поддержки из шести человек идём помогать ей на городском этапе конкурса. Предварительно до этого записали вместе со всем классом видео того, как она ведёт урок. Всё по итогам прошло отлично. Тамара Максимовна победила и получила в подарок ни много, ни мало довольно дорогой и в то время, да и сейчас плоский ЖК-телевизор с экраном на 72 дюйма. Вторым подарком было прохождение уже на областной этап.

Правда, дальше она уже не продвигалась, не победив ни в областном, ни в окружном, ни во всероссийском этапе конкурса на учителя года. Но это её не сильно остановило в том, чтобы уделять отныне больше внимания не столько обучению учеников, сколько участием в различных конкурсах и посещениях конференций, в том числе и международных.

И к 10, 11 классу её увлечённость всякими мероприятиями стала каким-то болезненным фетишем. Из всех занятий за последние два школьных года Тамара Максимовна посе-

тила всего 60% уроков. Из них полностью она провела занятия от звонка до звонка примерно в половине случаев. Из оставшихся 40% половину занятий провели другие учителя, а остальные уроки были и вовсе отменены.

И вот теперь, надеюсь, понятно, каким абсурдом чуть ли не воняли все эти её слова о том, что мы – элита школы, и не можем решить простую тригонометрическую задачу. Любые споры и возражения учеников ею пресекались на корню. Мы – физмат, значит, обязаны улавливать всё чуть ли не на подсознательном уровне. Особенно сходил с ума я, будучи гуманитарием. Ладно ещё тригонометрия – довольно простой раздел для понимания. Но когда начались интегралы с теорией вероятностей, то тут, конечно, я оказался абсолютным профаном, чаще списывая домашние задания у одноклассников в обмен на помощь в проверочных по истории. До сих пор удивляюсь, каким боком сумел тогда выйти на четвёрку по матану за год! Хотя, чего греха таить? Спасибо не только помощи одноклассников, но и сборникам готовых домашних заданий. Тогда с учётом того, что высокоскоростной и безлимитный интернет был ещё далеко не у всех, такие книжечки с решением задач из учебников становились настоящим спасением. Да и не только для меня, но и для других моих одноклассников.

Но если мы с горем пополам терпели свою учительницу за то, что она больше времени стала уделять себе любимой, нежели ученикам, то представьте чувства родителей, когда

на носу ЕГЭ, их детям сдавать главный экзамен их жизни, а Тамара Максимовна в разъездах на всяких конференциях. В результате родительское собрание не провести, вопросов учителю от предков не задать. Уж не знаю, какая была на то реакция родителей одноклассников, но мой отец в последующие годы после школы поминал Тамару Максимовну за это самыми нелестными эпитетами.

***

В контексте предмета математики и нашей учительницы нельзя вспомнить и о другой показательной ситуации.

Наверное, у каждого мальчика со школы остались истории, как они с друзьями и одноклассниками чудили в юные годы. Это те самые моменты, вспоминаемые с нескрываемой довольной улыбкой, расплывающейся на лице. И когда вспоминаешь, приговариваешь: «Вот это мы творили...»

Одна такая история есть, например, у моего отца. Правда, она уже не школьных лет, а университетских. Он с восторгом вспоминал учёбу в ЛИСИ (нынешний СПбГАСУ) и особенно появление у одного из одноклассников мотоцикла «Урал», который они затаскивали по лестнице на верхние этажи общежития и катались на нём прямо по коридорам, пугая случайно выходящих из комнат соседей. Вспоминаая, он ухмыляется и приговаривает: «Вот это время было...»

Была подобная история и у меня. Правда, школьная. Да

и общественному порядку с безопасностью мы не угрожали, но нервов нашей учительнице по математике изрядно подпортили.

То был одиннадцатый класс – время беспокойное: на носу сдача ЕГЭ, потому все порядком взволнованные. О том, что скоро уже в универ поступать, вообще никто тогда ещё даже и думать не хотел. Посему мы (все мальчишки в классе так точно) искренне искали поводов хоть как-то расслабить нервную систему, но суровость бытия и грядущий ад ЕГЭ этому мешали изо всех сил. Попутно подбадривала Тамара Максимовна, не забывая напоминать нам, физмат классу, какие мы тупые, и как стыдно ей будет за нас, если мы не сдадим ЕГЭ хорошо. Чувствуете поддержку со стороны учителя? Нет? Вот и я тоже. А она по идее быть должна!

Тамара Максимовна у нас вообще была тёткой прогрессивной и старалась чаще использовать в учебном процессе персональные компьютеры, заставляла нас чаще работать с тестами, делать презентации. Как раз для таких целей и был создан компьютерный класс с тридцатью компьютерами с новыми жидкокристаллическими, плоскими мониторами и вполне мощными процессорами для 2005-2007 года процессорами. В общем, потратилась школа на этот класс изрядно с надеждой на то, что в будущем это поможет улучшить учебный процесс. А что самое главное, к каждому компьютеру был проведён интернет! И с условием того, что он в нашем маленьком провинциальном моногороде на 50 тысяч населе-

ния был далеко не в каждом доме (и это в 2010 году!), своим компьютерным классом школа могла действительно гордиться!

Когда интернет только придумывали, учёные наверняка были уверены, что он станет гигантской и необъятной энциклопедией со всеми знаниями мира. Чем занимались два школьных приятеля я и Саша в 2010 году в этом самом интернете? Правильно! Читали Википедию. Казалось бы, ну и славно! Но ради чего читали? Чтобы найти что-нибудь абсолютно уникальное. Так мы однажды и наткнулись на Упячку.

Тролололо, адын, адын, !!!!1111!!!11!!!11111!!!!!!11!1!, Онотоле, Леонидас и т. д... Уверен, у кого-то от ностальгии уже свело олдскулы... Для тех, кто не застал, поясню, что Упячка была одним из первых в России форумов с обилием интернет-мемов, от которых ныне в угаре пребывает молодёжь. Сегодня этими вашими картинками из интернета вообще никого не удивишь, а тогда юмор из нижнего интернета (как его называет видеоигровой журналист Антоха Логвинов) был в новинку. Тогда же мы только постигали науку кеканий и лолов. Золотое было время, деточки... Уж, поверьте! Это не ваш Тик-Ток с Яппи. Тогда порно передавали друг другу на флешке, игры качались без торрентов, а поиск чего-то смешного в интернете был настоящим квестом, где результаты поисков всегда становились Клондайком для ищущих.

Это надо было видеть, как мы с Сашкой хихикали прямо

во время урока, еле сдерживая смех. Стараясь не захохотать в голос, мы пыхтели и задыхались, глядя на мемы с Арнольдом Шварцнегером из первого Конана и с Джерардом Батлером из фильма Зака Снайдера про 300 спартанцев. Оттуда же, кстати, пошли по России мемы с непобедимым Чаком Норрисом. Остальные одноклассники смотрели на нас как на идиотов, а математичка постоянно клялась, что рано или поздно выгонит меня и Сашу из класса. В такие моменты мы ещё сильнее старались сдерживать смех и успокоиться, но получалось это у нас, соответственно, ещё хуже.

Но как быстро Упячка пришла, так быстро и ушла – буквально спустя несколько дней надоела. Накекались мы от души, но легче нам от того не стало. В один из таких моментов тоски, слушая урок по интегралам, мне всё надоело до такой степени, что начал копаться в папках компьютеров. Искал долго и непонятно что. И вдруг внезапно в одной из папок нахожу папку уже скрытую. Называлась она Counter Strike 1.6! Глазам своим не верю, открываю и вижу обыкновенный клиент старой-доброй Контры. «Интересно, а она работает?» – подумал я. Нажимаю на автозапуск, и что бы вы думали? Работает!

Вообще, честно признаться, я никогда не был большим фанатом Контры из-за того, что после выбывания из раунда приходилось смотреть, как играют другие и грустить, потому как раунд ещё закончится нескоро, а ты был убит в самом начале, потому что рак и кран. Но, тем не менее, отрицать

то, что этот шутер был и до сих пор является неувыдающим феноменом из мира видеоигр, я просто не смогу. Вспомните только, сколько клавиатур было поломано, сколько мышек испорчено в попытке обезвредить бомбу на В на карте «de_dust2»! А время на неё убитое вообще никто, наверно не подсчитывал. Как и деньги, сэкономленные с школьных обедов на компьютерные клубы, если своего компа, либо подключения к интернету не было. Ностальгия!

Вот и я понимал, какая передо мной открылась манна небесная, снизошедшая в самый тяжёлый момент подготовки к ЕГЭ, чтобы хоть как-то расслабиться, несмотря на тяжелейшее давление.

Оборачиваюсь к Саше.

– Смотри, смотри!

– Ну что? Что? – спрашивает недовольный Саша, так как был занят, и видит запущенную контру с главным меню. Там изображены два знаменитых полицейских спецназовца, – ничего себе! – выражение лица у него резко меняется с недовольного на близкое к удивлению и восторгу.

– Ты помнишь коды на ботов?

– Да.

Саша подсаживается ко мне и набирает код. Далее запускаем игру, и та работает, не глючит! Втихаря доигрываем, стараясь, чтобы Тамара Максимовна, что-то писавшая на доске, не заметила. А вот одноклассники наши, разумеется, обратили внимание, что мы занимаемся далеко не матема-

тикой.

Чтобы мой дорогой читатель не запутался, уточню, что компьютеры стояли по краям стен и возле окон, а посередине в один ряд расположились парты на двадцать человек. Остальной класс сидел за ними, мы с Сашей за компами. Так что одноклассники, никуда не оборачиваясь, могли заметить, чем мы занимаемся.

Закончив, Саша меня спрашивает:

– Слушай, посмотри-ка на моём компе... Может, у меня тоже есть Контра?

Сажусь за его компьютер, ищу там же, где нашёл папку с игрой в моём. И, к нашему счастью, нахожу и запускаю. Опять работает!

К мне обращается одноклассник Илья Москвин:

– Слушай, проверьте пока, есть ли Контра на других компах? Если найдёте, то на перемене зарубимся.

Мы проверяем.

– Да, есть!

– Огонь! – отвечает Илья, – сыграем!

Слишком долго ждать не пришлось. Буквально за пару минут до окончания урока математичка отпустила нас чуть раньше. Мы живо запустили все компы в классе и начали искать на них Контру. Оказалось, что её нет только на четырёх из тридцати. На парней бы точно хватило. У нас как раз училось двадцать юношей и десять девчонок, потому каждому пацану досталось по компьютеру. Как только запустили,

нам удалось создать локальный сервер и сыграть несколько раундов до звонка.

О, что это был за момент! Кто бы мог подумать, что мы вместо того, чтобы сидеть полусонными и варёными после очередного урока, будем рубиться в видеоигры?

Вот у кого было хоть что-нибудь подобное в 2010 году? Ну, да! Сегодня в мобильный Standoff 2 играешь, он тебе лучше всякой Контры: можно прямо на перемене с друзьями зарубиться. А в то время на телефонах выходило дай Бог хоть что-то лучше классической змейки на языке Java или на Adobe Flash. Как правило, игры там были двумерные без локалок и в большинстве своём в том или ином виде похожие на то, что было в тетрисе. Впрочем, сложно сказать, что выходило тогда на первых моделях iPhone так как ни у кого из моих одноклассников оно не имелось, но не думаю, что там технологии ушли сильно дальше того, что выходило на кнопочных телефонах. Моей любимой тогда была мобильная Spore, где нужно было помогать организму эволюционировать, и это, как водится, обыкновенный клон змейки с Nokia 3310, только с графикой получше и концепцией поинтереснее. Так что это только сегодня в World Of Tanks Blitz или в Call Of Duty Mobile можно играть прямо на смартфоне. В то время танки были только для ПК. Посему и радость у нас от Контры на школьных компах была самая искренняя.

Также очень повезло, что школьные компьютеры в этом новом классе были даже лучше, чем в кабинете информати-

ки. Там стояли старые Pentium III, наверно, с оперативной памятью дай Бог 128 Мб, и операционная система Windows 98. А тут четвёртые пентюхи, оперативка 512 Мб и видеокарта на 128 с ОС Windows XP. До выхода на ПК Сталкера такие компы считались топовыми. К 2010, конечно, устарели, но были всяко лучше того старья, что стояло в кабинете информатики. Правда, ещё хуже было с ними, когда я учился в РГГМУ на эколога. Там были допотопные компы с 95-ой Виндой, которые надо было выключать самостоятельно, нажимая на кнопочку системного блока. Я таких с 2004 года не видел! А в РГГМУ что ещё им надо, чтобы на Паскале учить студентов писать примитивный код калькулятора? Это казалось бы. Зная, сколько в год студенты платили за учёбу, зная, что ректор ездил по городу на Cadillac Escalade (внутри которого сидишь как в царской карете), и получается, что он мог бы раскошелиться студентам на компьютеры получше, нежели использовать это вот нечто античное, когда казалось, что даже Антикетирский механизм работал быстрее и лучше...

Но вернёмся к Контре. Игра вышла жаркой и продуктивной. Я смог один раз подняться в топ по количеству сражённых соперников. Но это ли было главным? Вы бы только чувствовали эмоции, с которыми мы играли!

- Бомба на А! – кричит на весь один.
- Меня прижали, – отвечает второй.
- Минус один! – радуется третий.

Атмосфера стояла почти как в компьютерном клубе во время соревнований. Если кто играл в таких, тот должен быть в курсе. Но и там не было главного, из-за чего эмоции нас переполняли.

Мы же играли на школьных компьютерах в школе, где подобное в принципе невозможно. Каждый из нас в те моменты прекрасно осознавал, что каждая игра может быть последней, потому что рано или поздно Контру с компьютеров удалят. Каждый из нас понимал, что мы играем там, где по существу и не должны были, не могли этого делать. Именно поэтому каждый из нас смеялся от самого факта того, что мы это делаем прямо сейчас.

Разумеется, прочие возразят, мол, да чего тут вспоминать. Вот кто-то в школьное окно фейерверк однажды запустил. И я, кстати, тоже однажды на новый год обстрелял школу в новый год салютами – попало по столь ненавистному кабинету физики. И ещё какой дичи только не устраивал, но это было совершенно другое. Наш класс создавался как школьная элита, чуть ли не будущее страны. Мы в идеале, пожалуй, должны были сидеть на уроках с ровными спинами, не разговаривать друг с другом, а только слушать учителя, будто образцово-показательные модели прямиком из советских плакатов. Вместо этого все наши садились каждую перемену за компьютеры и начинали играть, особенно радуясь моменту, если училка опаздывала на урок, либо отпускала нас на перемену раньше. Иногда даже не ходили в столовую, лишь

бы поиграть хоть чуть-чуть с полным осознанием того, что это не навечно.

Так что да. Это был тот самый момент, который я вспоминаю с улыбкой, приговаривая: «Вот это мы творили...» Для кого-то скучный и обыденный, но для нас тогда незабываемый и неповторимый. Особенно сладкий тем, что обычно играли мы на после уроков математики, отдыхая после очередной порции унижений за очередную нерешённую тригонометрическую задачу.

А закончилось всё просто. Контру в итоге удалили. Тамара Максимовна очень бесилась с того, что мы это в принципе делаем. Мы ж физмат! Элита! Хотя казалось бы, мы же играем на перемене, а не на уроке... Да и если до звонка, то только если учитель отпустил.

И вот чем ей игра помешала? Казалось бы, пусть играют, лишь бы не во время урока. Ну было один раз, когда Тамара Максимовна уехала на неделю на конференцию, и мы специально упрашивали учителя математики ему на замену, чтобы отпустила нас пораньше, а мы потом шли играть в контру. И это в любом случае опять же во внеучебное время! Но нет... Жизнь ученикам подпортить же надо в такой нервный период!

Потом устанавливать вновь даже не пытались. Всё равно бы не дали играть дальше спокойно, да и ЕГЭ было уже совсем на носу. Какая там Контра! Но, когда общаюсь с одноклассниками, вспоминаем не в последнюю очередь именно

про этот эпизод. Потому что это и правда был один из самых весёлых моментов за все школьные годы.

***

Мораль басни такова, что рубиться в Контру нам было интереснее изучения очередных тригонометрических формул, будь они хоть тысячу раз прокляты.

Но то время прошло. А момент сдачи экзаменов приближался всё быстрее. И чем ближе на календаре был этот злощастный ЕГЭ, тем сильнее Тамара Максимовна волновалась и давила на нас.

– Если пробник напишете плохо, я вас до экзаменов не допущу! – грозилась она каждый раз, когда весь класс целиком тупил, не понимая на ходу по щелчку пальца очередной сложной интегральной формулы или же очередного простейшего решения примера с ответом на две полностью забитые школьные доски. В таких случаях все после уроков ходили с варёной головой, а уж я так вообще от таких задач страдал, искренне презирая моменты, когда в случае неправильного решения приходилось перепроверять всё решение, притом что делал всё правильно, а причина неверного ответа оказывалась в простой пропущенной запятой или скобке. По этой же причине, кстати говоря, я так и не стал программистом.

Не допустить до ЕГЭ – это у неё вообще была любимая пугалка, как и у учительницы русского Лилии Александров-

ны Поскуповой. Только если последняя пугала только одного ученика Шинкаренко (больше любившего сочинять музыку в FL Studio, чем учить уроки), каждую четверть еле выходявшего на тройку, то Тамара Максимовна даже отличников этим, считай, шантажировать могла. Сама вместо преподавания материала, ездила по конкурсам и конференциям, а потом почему-то искренне недоумевала, чего это ученики у неё такие тупые, что не могут решить простейшей задачи? Так и жили.

В попытке подтянуть математику я в итоге потратился на десятки всяких задачников ЕГЭ, и сменил несколько репетиторов. Дошло до того, что пришлось дополнительно себе нанимать Тамару Максимовну собственной персоной. Приходя к ней домой, я был преисполнен надежд, что смогу научиться без ошибок решать часть В (к части С я вообще никогда не притрагивался), но в действительности оказывалось всё ещё хуже, чем даже на уроках.

И нет, получая дополнительные деньги, она в отличие от обычного урока всё-таки держала себя в руках, стараясь не применять все слова из словаря Ожегова, обозначающие пятьдесят оттенков тупизны, чтобы ярче описать мою математическую импотенцию. Но вот времени как-либо разжёвывать материал у неё не было. Тамара Максимовна весь час сидела с орущим под ухо внуком, стараясь более успокоить его, когда нужно было меня! Я с трудом перескакивал минимальный балл и рисковал отправиться на пересдачу экза-

мена в случае, если не сумею правильно сделать хотя бы половину заданий. Но вместо решения математики я слушал всякие колыбельные, что пела Тамара Максимовна, пытаюсь успокоить внука. Почему бабушка сидела с ним вместо родной мамы, я вообще не знаю. Но, видимо, у дочери были более важные занятия, чем уход за собственными новорождёнными...

И вот так получалось, что к сдаче в апреле пробного экзамена по русскому мы с Лилией Александровной подошли в полной боеготовности, а от одного упоминания математики тряслись от страха. Результат оказался закономерным наш класс по результатам сдачи ЕГЭ по математике оказался худшим не только среди всех физматов города на 2011 год, но и с 2005 года, когда этот клятый экзамен только начали вводить в пробном варианте...

Тамара Максимовна рвала и метала. Как оказалось, класс мы такой, да сякой. По сравнению с другими её «золотыми» – жалкое подобие. И как вы думаете, заставило ли её это поменять графики и с большим усердием накинуться на математику, подтягивая класс? Нет! 1 мая она уехала на очередную конференцию, а вернулась только 15 числа! Отец даже был готов идти с ней ругаться, но мать отговорила, да и делать это под конец учебного года как-то не слишком дальновидно. Мало ли что...

В итоге на самом ЕГЭ чуда не произошло. Наш класс опять оказался худшим из всех физматов. Из шести потен-

циальных стобальников только одна девочка достигла наивысшего результата, остальные три девочки сдали на 93-97 баллов, а ещё два мальчика на 87 и 89 баллов. Остальные в большинстве своём даже 70 не смогли набрать, хотя в математике были далеко не профаны и не дилетанты как некоторые.

Я же установил свой личный рекорд на ЕГЭ по математике, сдав экзамен на 45 баллов, в то время как до этого выше 40 вообще не поднимался. Не знаю уж, каким чудом мне то удалось, но факт есть факт. При этом, разумеется, я пользовался шпаргалками с формулами. Пронёс их прямо в кармане и смотрел в туалете, расписывая себе самое важное на руке, чтобы не забыть. Так меня и с экзамена не выгнали, да и сдал я на минимально необходимый балл, чем был крайне доволен.

Что насчёт Тамары Максимовны... Вы знаете, запрещай, не запрещай играть своим ученикам в Контру на переменах, если у тебя личностный рост и недостижимые амбиции будут брать верх над каждодневным и кропотливым трудом, то класс твой элитный и упадёт ниже плинтуса. Правда, только по математике. По русскому у нас в классе было, например, четыре стобалльника – те самые девочки отличницы. Остальные два мальчика сдали на 91 и 93 балла. Притом, математика была у них профильным предметом, а не русский. И всё это потому что учительница со своими детьми занималась, а не ездила по всяким конкурсам и конференциям.

Оттуда и результат. На нашу любовь играть в Контру на переменах это уже не спишешь.

Покемоны, Властелин Колец и Гарри Поттер

Как вы думаете, насколько прекрасным было ваше детство? Оно оказалось тем самым идеальным, когда вместо компьютера и смартфонов из развлечений у вас была зарница, покатушки на великах и походы на речку? У меня до появления современной электроники было такое же. Правда, на велосипеде кататься так и не научился, но зато в зарницу и футболчик наигрался на всю оставшуюся жизнь. Разве что ножички и квадрат так и не осилил. Зато в отличие от некоторых моих школьных приятелей научился плавать. Это уже потом со временем в 2002 году у меня появился первый компьютер, а в 2004 первый мобильный телефон, но даже тогда нашей википедией была детская библиотека, а катания с крутой горки на санках заменяли игры серии Need For Speed. Это только к 2008-2010 году мы начали сутками напролёт засиживаться за компьютерами и не отрываться от своих телефонов. Но то будет потом, а в первые годы школьной жизни я ещё не забыл, что такое небо над головой и как делать самострелы из напальчника со снарядами из ягод рябины.

Так что своё детство я, наверное, могу назвать счастливым. Но на самом деле лукавлю вам. В действительности мои ранние годы были волшебными и сказочными, ведь именно

тогда по телевизору показывали «Покемонов», а в кинотеатрах с большим успехом прогремела трилогия «Властелин колец» Питера Джексона и первые две части «Гарри Поттера» от Криса Коламбуса. И вот тогда наш образцово-показательный дом превратился в психбольницу помешанных гиков.

Как сейчас помню самый первый день премьеры Покемонов по ОРТ. До этого увидел только одну единственную рекламу, но она разбудила такое желание посмотреть мультфильм, что я не смог его пропустить. Показывали, если мне не изменяет память, после обеда. К тому моменту все школьники как раз возвращались с уроков. И вот я вместе со всей страной буквально прильнул к экранам, и...

Не скажу, что я был прямо в восторге. Ну да, понравилось, но не сказать, что это был прям шедевр мультипликации. Уж простите, я был фанатом «Чипа и Дейла», «Тимона и Пумбы», а также «Утиных Историй» – в конце 90-х и начале 2000-х эти мультфильмы крутили по телевизору чаще всего. А из Покемонов интересной и запоминающейся оказалась всего одна серия, когда главные герои с антагонистами из команды «R» попали в западню на тонувшем корабле. Видимо, её делали под влиянием «Титаника» Кэмерона, поэтому она мне так зашла (а «Титаник», точнее вторую половину фильма, я обожаю до сих пор). В остальном ничего интересного я для себя в этом сериале не нашёл.

Зато вся остальная школа, да и в принципе страна буквально сошла с ума по этим Покемонам. Клянусь вам, это

было настоящее помешательство, где почти все и смотрели этот мультфильм, и мерч покупали. У кого-то с этого мультфильма вообще началось увлечение аниме-культурой, мангой и даже кое-чем погорячее из той же оперы. Одна из моих одноклассниц Нина начала с Покемонов и Сейлормун, а потом вообще в итоге стала поклонницей яой, из-за чего отчасти растеряла всех друзей и подруг, оказавшись к девятому классу злой и нелюдистой. Но это её личное дело.

Куда хуже ей навредили фишки с покемонами. Кто не понимает, о чём речь, кратко поясню. В числе сопутствующих товаров распространялись пластиковые круглые фишки с изображением покемонов. Насколько помню, их можно было купить, обменять у друзей или найти в пачках чипсов. Но был и ещё один путь получения фишек – выиграть, ведь с их появлением распространилась также игра, в которой нужно было резком броском своей фишки ударить по стопке смешанных пополам своих и чужих: если они перевернулись, бросавший забирал их себе. Те, что не перевернулись, оставались у соперника. Так некоторые сколачивали себе целые «состояния», а некоторые рвали на себе волосы, если теряли редкие и особо ценные фишки. Вот такие азартные игры для первоклашек...

Лично я во всю эту дичь не играл. У меня за всё время набралась коллекция в десять фишек, найденных в чипсах, и я её держал при себе до поры до времени, а затем продал за пятьдесят рублей однокласснику Антону. Выгодно, ниче-

го не скажешь! И я себе бутылку Кока-колы купил с чипсами, и он получил новые фишки, которые, впрочем, быстро проиграл...

Зато вот Нина пощекотать себе нервишки просто обожала и даже выиграла самую большую коллекцию с кучей редких фишек, коими хвасталась на каждом шагу. У неё были почти все самые редкие покемоны за исключением пары штук. Казалось, что никто не мог её победить! И вот в один момент ей предложил поиграть один семиклассник, имевший те самые две недостающие фишки. В Нине разыгрался азарт, желание их себе забрать, и она согласилась.

За поединком следило несколько классов, некоторые даже делали ставки на фишки, кто победит. Собрание произошло прямо на улице: игроки сели на корточки, а вокруг них собрался живой круг зрителей. Итак, все в сборе, фишки разложены, игра началась. И я бы рад описать этот матч, как интересное и зрелищное противостояние, за которым было интересно следить. Я бы мог описать это как борьбу двух сильнейших магов, как битву, сравнимую с матчами по снукеру между Ронни О`Салливаном и Марком Сэлби или со столкновением в шахматной битве между Бобби Фишером и Борисом Спасским, но игра была, считай, в одни ворота. Нина начинала с двумя сотнями фишек, сначала даже вела. Но затем тот семиклассник приловчился, быстро отыгрался и в конце оставил Нину с десятью фишками. Разгром вышел тотальный. Парень довольный подсчитывал выигрыш, а она

вся в слезах убежала домой.

На следующий день в школу пришла мама Нины. Та ей солгала, что фишки не проиграла, а у неё их попросту украли. Тот парень же был, мягко говоря, в шоке, когда мама Нины сходу пообещала ему проблемы с тогда ещё милицией. Казалось, она убить его была готова за дочь! Но ему повезло: тут сразу же прибежали свидетели, убеждавшие женщину, что фишки пацану достались в ходе выигрыша, но мама Нины не унималась. В итоге пришлось привлекать классных руководителей, завучей, уже почти дошли до директора, но таки сумели убедить женщину, что её дочь проиграла все фишки. Осознав свою ошибку, она извинилась перед парнем и сухо отвечала Нине:

– Дома с тобой поговорим.

Как утверждали слухи, крики моей одноклассницы и её мамы во время порки ремнём весь подъезд их дома слышал. Больше с тех пор она в фишки не играла, а учителя эту игру приравнивали к азартной и просто запретили её внутри школы, что, разумеется, не помогло, но педагогов и родителей кое-как да и успокоило. Впрочем, и популярность покимонов к тому времени сошла на нет, закончившись к весне 2002 года. Так что эта любовь к коллекционированию фишек оказалась явлением временным, а такие ценные в своё время коллекции оказались с годами на мусорной свалке.

Теперь представьте себе, как спустя много лет я смеялся с людей, помешавшихся на игре с дополненной реальностью

ных классов в школе. В результате «Хоббита» я осилил довольно быстро. Но вот про «Властелина колец» и экранизации Питера Джексона я доселе ничего не слышал.

Всё изменилось в третьем классе. Той осенью я взял у сестры «Хоббита», чтобы перечитать ещё раз. Внезапно ко мне подходят сначала Нина, потом Антон и говорят, что название хоббит им знакомо.

– Откуда? – интересуюсь я.

– Ты что... Не знал? Фильм «Властелин колец»! Я его уже три раза посмотрела! – отвечает Нина, а после рассказывает про фильмы и книгу.

Удивлённый тем, что кроме «Хоббита» есть ещё и «Властелин колец», я бегу в книжный магазин и покупаю всю трилогию Толкина. Правда, осилить тогда сразу мне её не удалось, а дочитал только к седьмому классу школы. Но уже тогда я был заворожён этой вселенной, этой мифологией, этими персонажами, красотой эльфийских стихов и отвагой хранителей кольца. Героическая история гибели Боромира, сразившего свыше тридцати урукхаев, штурм Хельмовой падьи, приключения в Мории – всё это буквально поразило меня масштабами и проработкой. Я хотел погрузиться в этот мир полностью, а вынырнуть уже не мог: слишком затягивало.

И каково же было моё счастье, когда узнал в киноафише местной газеты, что в кинотеатре нашего небезызвестного захолустья показывают «Две крепости»! Буквально выпро-

сил у родителей денег, да ещё пытался их затащить. Правда, они фэнтези никогда не понимали, поэтому решили со мной не идти, но денег на билет дали, решив, что если мне так нравится эта чушь с хоббитами и эльфами, то чего не дать мне посмотреть? Так я впервые в жизни оказался в кинотеатре...

Зал в нашем небезызвестном захолустье был старый, советский, ряды старых, облезлых и потёртых кресел располагались так низко относительно друг друга, что зрители до и во время просмотра нередко развлекали себя, устраивая представления театра теней, а то и показывая неприличные жесты. Но это не помешало просмотру фильма, усиленном мною буквально на одном дыхании. Я с восторгом глядел на то, как страницы книги оживали на экране, как изгнанный из Эдораса Эомер атаковал отряд орков, пытавшихся доставить Мэри и Пиппина в Ортханк к Саруману, какого труда стоило Арагорну сначала умудриться выжить в бою с варгами, а потом вдохновить людей на борьбу при обороне Хельмовой Пади, как красиво залетел на битву отряд эльфов, пусть в книге ничего подобного и не было, и как чертовски красиво сделали финал битвы и каким крутым получился в фильме казавшийся нелепым в книге «Хоббит» Голлум.

В общем, я был в восторге, о чём рассказал Нине и Антону, тоже тащившимся от Властелина колец. Они всецело разделяли мои чувства, но всем нам грустно было от того, что первая часть есть, вторая тоже, но нет третьей, да и фильмы

с книгами не погружают в мир Средиземья Толкина так, как нам бы хотелось. А наши души желали пережить это приключение самостоятельно, лично поучаствовать во всех знаковых событиях саги, и мы не придумали ничего лучше, кроме как самим разыгрывать сценки из фильмов! Не, ну а что? Для «экранизации» у нас было всё необходимое. Рядом были две лесопосадки – это Ривенделл и Лотлориэн, поле стадиона – Мёртвые Топи и Пелленорская равнина, а накиданные бульдозером снежные сугробы под три метра высотой – Мглистые горы. Роли же мы распределили так: учитывая, что нас было всего трое, Нина стала Леголасом, потому что она красивая, но имела повадки парня. Так что почему бы и нет? Антон убедил всех, что именно он, а не я должен играть Арагорна, которым хотели быть мы оба. Мне же в результате споров досталась роль... Боромира, Гимли, Гэндальфа? Нет, конечно. Я стал Фродо Бэггинсом, обязанным отнести кольцо всевластья в Мордор и уничтожить его там в недрах огненной горы Ородруин.

Так вся школа после уроков могла стать свидетелем того, как три малолетних придурка сражаются с воображаемыми орками, скрываются от шпионов Сарумана, бьются с назгулами и лазают по Мглистым горам в поисках дороги к Лотлориэну. По итогам вся команда справилась со своими ролями отлично. Особенно отличился, разумеется я, блестяще сыграв Фродо с его чаще всего одним выражением лица потерянного и угнетаемого кольцом хоббита.

Целый год мы проводили каждый день после уроков, разыгрывая сценки из фильмов и книг в течение третьего и четвёртого класса и побеждая толпы воображаемых орков. Правда, кольцо до Мордора так и не донесли: слишком уж мало у нас было народу, а Гимли с Гэндальфом и остальных хоббитов никто играть из наших одноклассников не хотел, притом, что на самом деле в нашем классе почти все очень любили «Властелина колец». Но на этом всё и сдулось. Почему, расскажу чуть позже.

А пока только остаётся добавить, что следующим фильмом я дома на кассете, взятой на прокат, посмотрел «Возвращение короля», а «Братство кольца» смог увидеть только через два года на компьютере у сестры в общежитии на DVD-диске, когда гостил у неё в Питере, куда она поехала учиться на лингвиста. Потом купил свой диск и посмотрел «Властелина колец» раз сорок или пятьдесят, а ещё чаще все батальные сцены. В итоге могу сказать, что трилогия стала моей самой любимой франшизой, после которой в принципе стал большим фанатом фэнтези, с восторгом потом приняв и первые сезоны «Игры престолов» и видеоигру «Warcraft III», дополнение к ней, а также онлайн-игру «Мир Варкрафта». Но «Властелин колец» всегда оставался любимым, единственным и неповторимым в моём сердце, за что я благодарю Джона Толкина и Питера Джексона – вы сделали моё детство волшебным!

И вот мы продолжаем играть сценки из «Властелина колец», всё кажется таким прекрасным и безоблачным, как вдруг любовь одноклассников к миру Средиземья сменяется немилостью. «Что же случилось?» – спросит каждый из вас, а я отвечу: «Авада Кедавра!»

Да... Манья по «Властелину колец» закончилась. Настала эпоха «Гарри Поттера»! Того самого, которого я не читал и читать не собирался.

Многие тут же поинтересуются, мол, книги же отличные, их сейчас даже в университетах преподают, продажи заоблачные, множество наград, интересный, захватывающий сюжет, тема взросления ребёнка, так близкая каждому подростку, а также волшебный, фэнтезийный мир, полный магии и волшебства. Что тут, чёрт возьми, может не понравиться? А я отвечу: сам Гарри Поттер.

Всё дело было в том, что я вырос на боевиках. Моими кумирами были Шварцнеггер, Сталлоне, Чак Норрис, Джеки Чан, Брюс Ли, Курт Рассел, Брюс Уиллис, Жан Клод Ван Дамм, Стивен Сигал, Дольф Лундгрэн и Клинт Иствуд с их гипермаскулинностью и супербрутальностью. Главными в нашем детстве были вопросы: одолеет ли Терминатор Джона Рэмбо, сможет ли Змей Плискин вовремя деактивировать бомбу в своей шее, получится ли у Маклейна спасти свою жену от рук террористов и сколько патронов осталось

в револьвере Грязного Гарри? Мы с игрушечными автоматами бегали, вдохновляясь нашими любимыми киногероями, а кто-то даже в единоборства пошёл под влиянием того же «Рокки» или «Выхода Дракона». Они были для нас, ещё совсем мальчишек образцами героев и мужчин.

И тут внезапно на страницах книг появляется щуплый, очкастый мальчишка, который орудует всякие заклинания волшебной палочкой! Да кто он вообще такой?! Из-за чего он людям так зашёл?! Этот Гарри Поттер и рядом не стоял с Чаком Норрисом! А Терминатор так вообще сломает ему волшебную палочку, поломает и её кусочки засунет во все отверстия у Гарри, существующие в его человеческом теле! Да он даже не мужик... Мальчик ещё! Как его можно уважать?! Как его можно считать героем?! Вот Арагорн – да, настоящий герой! Боромир погиб смертью храбрых! А этот смазливый сопляк Поттер... Да что он может вообще?! Разве побеждает он силой или смекалкой? Нет! Какая-то волшебная палочка! Ничего хуже в качестве оружия не придумаешь! Понимаю, волшебный посох Гэндальфа – вот это серьёзно! А тут само слово палочка звучит как-то по-детски наивно...

Куча предвзятости к книгам Роулинг и фильмам не позволила мне познакомиться с этим волшебным миром тогда, и пока я до сих пор витал во вселенной Толкина, мои одноклассники всё больше сходили с ума по Гарри Поттеру.

Теперь вместо путешествий по воображаемому Средизе-

мью вокруг школы ещё один мой одноклассник Максим и та же Нина соревновались теперь в навыках владения различными заклинаниями из «Гарри Поттера». И на каждой перемене начинается:

- Редукто!
- Петрификус Тоталус!
- Бомбардо!
- Остолбеней!

И каждый после очередного применения этих заклинаний на псевдолатыни, очевидно, где Роулинг, конечно, было не лень придумывать псевдолатинские названия, Нина с Максимом начинали изображать воздействия на себя заклинаний. Правда, было решительно непонятно, кто победил. Именно от этого я считал их игру глупой. Но тогда я ещё даже не знал, что в этом мире есть те, кто всерьёз играет матчи в квиддич! Только на мётлах они не летают, они с ними между ног бегают! Как говорится, чем бы дитя себя ни тешило...

В редкие минуты, когда мне выдавалась возможность пообщаться с Максимом, я спрашивал его:

– Вот чем вам нравится Гарри Поттер?! Это же книга для детей, а вам уже по двенадцать лет...

– Ну, нет. Она серьёзная. Её даже в английских университетах теперь изучают.

Слышу это и про себя думаю: «Как же низко пало английское образование, если даже в университетах там теперь этот натуральный детский сад изучают...

В определённый момент пало не только образование английское, но и наше. Под конец шестого класса возмущённая тем, что вместо гигантов русской классики её ученики читают какую-то дрянную Джоан Роулинг с её детскими сказочками про маленьких волшебников в школе магии и волшебства, наша учительница русского и литературы Лилия Александровна решила заключить с нами сделку. Мы читаем предложенный ею список книг на лето, а она в свою очередь перечитывает все шесть ещё на тот момент книг о Гарри Поттере. Мои одноклассники соглашаются.

– По рукам! – отвечает Лилия Александровна, – и только попробуйте мой список не прочитать!

Я, разумеется, ни одной книги даже не открыл. Мне интереснее были энциклопедии про оружие, да гулянки с пацанами во дворе. И в конце концов, не я же заставлял Лилию Александровну перечитывать все шесть книг из серии про Гарри Поттера...

И вот начало сентября следующего седьмого класса. Лилия Александровна хитро улыбается и спрашивает:

– Ну что? Прочитали мои книжки?

– Да! – почти хором отвечает класс.

– Хорошо! Потому что и я вашего Гарри Поттера прочитала...

– Все, все? – удивилась одна из отличниц Снежана – дочь нашего учителя начальных классов.

– Да! Все, все, все прочитала! – передразнила её Лилия

Александровна, – пришла в библиотеку, взяла все шесть этих тяжелых книг и в течение всего лета читала.

– И как? – поинтересовался Максим.

– Ну. Что можно сказать... – она задумчиво покивала головой и признала, – довольно-таки хорошая серия книг! – и улыбнулась, наблюдая довольные после вердикта лица моих одноклассников, от Гарри Поттера фанатевших, – я прямо, знаете ли, удивилась тому, как их на уроках волшебства заставляли дисциплину соблюдать. После прочитанного смею сказать, что к вам ещё мягко относятся! – класс в большинстве своём рассмеялся, – очень также понравилось, как был описан Хогвартс со всеми его коридорами, комнатами, закоулками, и везде всё пропитано прямо волшебством. Ну, и было интересно, конечно, следить за взрослением Гарри, Рона, и Гермионы. Она, кстати, моя любимая из всех персонажей книги, – Лилия Александровна опять мило улыбнулась, – в целом могу сказать, что книга хорошая. Не без изъянов, как по мне, но хорошая. А ещё я же тут недавно посмотрела фильмы. Слушайте, такие хорошие оказались! Вот прямо смотришь, и страницы книг на экране оживают. Чудеса просто! Интересно сделали интерьеры Хогвартса, отлично показали Гермиону Грейнджер. А вот с Драко не знаю... – Лилия Александровна пожала плечами, – актёра такого красивого мальчика подобрали, а мне он в книгах каким-то неприятным, мерзким показался... – описывая это, учительница сморщилась, – но в остальном фильмы прямо замеча-

тельные. Так что теперь я поняла, за что вы эти книги так любите, – Лилия Александровна, задумчиво улыbnулась и покивала головой, – в целом хорошо, ну да ладно! – потом она посмотрела на класс, аки хищный орёл на добычу, – а теперь вы рассказываете, прочитали список книг на лето или нет?

После того, как все сдали списки, где по договорённости с учителем, мы должны были написать отзывы к книгам, Лилия Александровна быстро их осмотрела и с удивлением обнаружила, что я не прочитал ни одной.

– Так, а у тебя почему пусто?

Я пожал плечами.

– Не было времени...

Время, конечно, было, но читал я совсем другие книги.

– Это что, значит, получается? Мы с вами договорились, что я знакомлюсь с Гарри Поттером, а вы с Гоголем, Толстым, Тургеневым... А ты, не прочитал?! – говорила Лилия Александровна это с таким видом, будто была жутко обманута.

Я в ответ возразил:

– Так не я же вас заставлял Гарри Поттера читать... Больше скажу, я бы и не заставил. В качестве выбора скорее бы назвал собрание сочинений Толкина, раз на то пошло...

– Не спорь! Уговор был? Был! Двойка! – решительно сказала учительница. Спорить тут было бесполезно, и я развёл руками.

После этого стал ненавидеть историю о мальчике, который

выжил, ещё сильнее. Но особое презрение в серии книг и фильмов о Гарри Поттере у меня вызывало то, что внешне в школьные годы я был почти точь-в-точь похож на Дэниэла Рэдклиффа, поэтому в школе за мной зацепилось ещё одно погоняло – Гарри Поттер. Ну или... Гарри Потник. Ох уж этот великий и могучий русский язык с его паронимами!

Да. Я действительно внешне походил и на Рэдклиффа, и на описание Гарри Поттера из книг. Но особое сходство у нас было из-за очков. Так как четырёхглазые всегда слыли слабаками, мол, им очки разбей, и на этом драка закончится, разумеется, у тех, кто книгу не читал образ мальчика, который выжил не будет навевать ничего связанного со смелостью и отвагой, потому что суровая реальность говорит об обратном.

Но тут многие удивятся: да как я вообще мог ненавидеть Гарри Поттера, если фактически был им? Как я мог презирать его и превозносить этих перекаченных и жестоких героев кинобоевиков? Герой Рэдклиффа же должен быть мне ближе и понятнее...

А всё ведь просто! Мы мальчишки все стремимся к идеалу настоящего мужчины, все хотим быть не сказочными, а настоящими героями, хотим нравиться девочкам. Именно поэтому пусть и не каждый из нас по комплекции Шварцнеггер, но мы будем если не стремиться к идеалу физической формы и силы, то хотя бы в глубине души желать быть таким же, как Железный Арни.

А Гарри Поттер... Кто он без волшебной палочки? Щуплый очкарик, которому разбей его очки, сразу окажется бесполезен и бесполезен? Уж мне в драке очки ломали, я знаю, о чём говорю! Поэтому и было у нас желание быть такими как Чак Норрис, а не Гарри Поттер, ибо ни у кого в нашем жестоком мире волшебных палочек нет, а на улицах, в армии, в тюрьме, на войне приходится иногда, знаете ли, даже выживать. А без кулаков это невозможно. А магии в нашем мире не существует. И чему в итоге научит Гарри Поттер простого деревенского паренька, не обладающего развитой физической силой? Тому, что чудеса из книг Роулинг, это чушь на постном масле, и Гарри Поттер бы у нас получал по морде при каждом удобном случае! Вот и сказочке конец, а кто слушал – иди на единоборства или хотя бы купи себе перцовый баллончик...

Я хоть и выглядел таким же внешне, да и даже был немного похож по характеру, но вместо того, чтобы испытывать близость к этому персонажу и проникнуться к нему симпатией, больше желал походить на героев старых боевиков, настоящих героев, любимых женщинами, побеждающих врагов добрым словом и пистолетом, а не воображаемой магией из волшебной палочки. Правда, стать таким же мастером кунг-фу, как Джеки Чан или же накачаться как Шварцнеггер я бы никогда не смог: не хватало желаний, усердия, мотивации. Особенно первого. Мне больше интересно было проводить время в библиотеке за чтением книг по истории, нежели

качаться на турниках или в спортзале, отжиматься, да приседать. Посему я сильным и смелым никогда бы и не стал. А у Гарри Поттера была имбовая способность в виде магии. Этим он отчасти и раздражал. Я бы тоже хотел всех своих недоброжелателей превратить в блеющих овец и завоевать себе уважение, место под солнцем. Только вот как это сделать, если магии в реальности нет?

И в конце концов я буду честен. Меня в школе травили, надо мной издевались. И часть этих издёвок была связана именно с этим сходством. Бывает, стоишь на перемене, никого не трогаешь, а сзади подбегает подлая крыса, даёт подзатыльник и кричит:

– Привет, Гарри Потник!

Молодцы. Себе настроение подняли, мне испортили. Прямо все кругом стали одними Драко Малфоями из Слизерина. А я потом буду весь остальной день ходить и думать, за что мне всё это, попутно проклиная Джоан Роулинг за придуманного ею персонажа, с которым все вокруг уже надоели сравнивать меня.

Закончили вашего покорного слугу называть Гарри Потником примерно в седьмом классе. Знаете, почему? Многие тогда успели познакомиться и с книгами, и с фильмами, вот поэтому. Одна девчонка, издевательски называвшая меня Поттером в течение нескольких лет, так однажды и сказала:

– Я прочитала Гарри Поттера, поняла, кто это. Теперь не

буду тебя так называть.

– И почему же? – удивился я.

– Потому что Гарри Поттер крутой, а ты нет.

«Слава тебе Господи!» – подумал я: «А то вы мне так надоели все с этим Гарри Поттером..ю»

Книг я сам прочитать так и не удосужился. Не было времени. А вот фильмы посмотрел. Но уже намного позже, года через три после выхода второй части «Даров Смерти». Конечно, это был не тот неописуемый восторг, как от мира Средиземья, но всё было сделано действительно круто. Особенно зашла третья часть «Узник Азкабана» – мрачная, серьёзная, по-своему взрослая, жуткая даже. Тут тебе и таинственный, но добрый профессор Люпин, и зловещий Сириус Блэк, и тайна предательства родителей Гарри, а ещё эти страшные дементоры, от которых до сих пор у меня мурашки по коже...

Несмотря на мрачность третьей, детский стиль первых двух частей мне совершенно не показался неприятным или отталкивающим. Да, наивность порою раздражала, но это было единственное, за что я не возлюбил фильмы Коламбуса. Четвёртая часть мне показалась странной и непонятной, пятая хоть и по-своему наивной, но захватывающей от того, как отряд Дамблдора готовился к сражениям со всякой нечистью, шестая выглядела странной из-за цветокоррекции, а седьмая, разделённая на два фильма смотрелась большим финалом большой истории.

В этом плане я, честно говоря, даже пожалел, что не посмотрел фильмы тогда, не прочитал книг, когда на них ещё было время. С другой стороны не сказать, конечно, что я прямо уж так много потерял, но было бы классно окунуться в этот волшебный и сказочный мир ещё тогда.

Хэви Метал!

Я не слушаю музыку! Не люблю музыку! – заявил я в пятом классе своим одноклассникам и Тамаре Максимовне, иногда проводившей в первое время такие вот интервью, когда каждый ученик спрашивал у одноклассника, выбранного звездой дня, чем он живёт.

Про музыку я заявил вполне серьёзно и ответственно, так как никакой другой кроме российской эстрады и не слышал. Мать у меня в то время была фанаткой Пугачёвой. Как узнала в одной из желтушных передач по НТВ, что та по её собственному признанию на каком-то корпоративе поцеловалась с Путиным, сразу её разлюбила. Отец среди пластинок имел больше всего записей Высоцкого. Посему ни про Кино, ни про Арию, ни про Pink Floyd с Led Zeppelin я тогда толком и не знал. Из иностранных в записях отца хранились только Modern Talking и Boney M. А даже если б и знал, то фанатом тех же Цеппелинов я стал только к 18 годам. Пинков по существу признал и полюбил только в 29.

Потому то я тогда и говорил всем, что не слушаю ника-

кой музыки, совершенно не понимая одноклассников, одни из которых ходили в музыкалку и слушали там эту скучнейшую классику, а другие фанатели от какого-то там 50 Cent и Eminem.

Но больше всего меня удивил мой школьный приятель Денис, ставший по непонятной мне причине фанатеть от каких-то Rammstein. Когда я об этом у него спрашивал, он предлагал дать послушать кассету с альбомом 2001 года, но мне не на чем было её проигрывать, потому что последний наш магнитофон сломался в конце 90-х, а родителям вполне хватало телевизора в качестве источника для прослушивания музыки. Потому я так и остался в неведении, откуда такая фанатичная преданность десятилетнего мальчика к каким-то Rammstein...

А ведь у него буквально любовь к ним до истерии доходила. Он купил футболку, где был напечатан текст песни «Sonne», он признавался, что с радостью пошёл бы на их концерт, где с удовольствием бы попал под струю во время исполнения «Buck Dish» – кто знает, то поймёт. Короче, у него возник к группе настолько нездоровый интерес, что он себя с гордостью называл самым преданным фанатом Rammstein. А я сижу и думаю: «И что в них такого...»

Как-то вечером лежал на диване, смотрел телевизор. Моя любимая в то время передача «Разрушители Легенд» по Дискавери закончилась, но идти в комнату и читать книжку мне было пока лень. От нечего делать начал переключать кана-

лы и наткнулся на MTV. Там как раз шёл некий чарт топ-10 лучших песен. Уже не помню, кто был на шестом и пятом, но оба мне не понравились. И тут ведущая объявляет:

Четвёртое место! Rammstein – America!

«Ну ка, ну ка...» – заинтересовался я, желая, наконец, разгадать тайну, за что Денис так полюбил эту группу.

И тут вступает Тилль под электронные клавишные своим весьма неплохим баритоном. Барабаны отстукивают неторопливую дробь, и начинается тяжёлый гитарный запил. Сказать, что мне понравилось – это на самом деле ничего не сказать! Я был просто в восторге, потряхивая головой в такт. Цеплял и клип, где видеоряд был наполнен неприкрытым стёбом над Америкой, которую мы и в то время не любили за бомбардировки Югославии, да и сейчас сами понимаете...

В общем, клип был крутейший, посему уже на следующий день я на перемене сразу рассказал Денису, что увидел клип Раммов, и те мне очень сильно понравились. А он даже и не сомневался, ибо как такая крутая по его мнению группа может вообще хоть кому-то не понравиться?

А потом родители купили мне новый ПК. Ну как новый... На деле старый был уже совсем дряхлым с операционкой Windows 95. Новый с 98 Виндой был побыстрее, и жёсткий диск там был на 17 Гигабайт в отличие от тех несчастных 600 Мб на старом. И да, к сожалению, он был куплен нами с рук, но в этом были свои плюсы, так как на жёстком диске сохранились от старого владельца несколько песен – та-

ких, как, например, System of a Down – Shimmy. До этого я их никогда не слышал, с главными хитами познакомился чуть позже, но и эта коротенькая композиция привела меня в дикий восторг. Но больше всего меня поразили Linkin Park с единственной на том винчестере песней Faint, но зато какой! Мелодия, рэп, тяжёлые гитары, чистый голос Честера Бенингтона, переходящий в надрывной рык. Разумеется, такая музыка не могла не привести в восторг!

На следующий день я сразу позвал Дениса к себе в гости, чтобы тот заценил песни. После уроков мы тут же поспешили домой, и я показал ему музыку.

– Ну как? – спрашиваю я, потряхивая головой в такт.

– Это офигенно просто! – отвечает Денис, потом добавляет, – кстати, я эту группу Система Дауна знаю. Могу попросить у друга диск. Линки у него, если что, тоже есть.

– Давай!

С тех пор какая музыка нам ни попадалась, мы старались делиться ей друг с другом. Так я услышал Метеору от Linkin Park, Toxicity – от System of a Down, а позже Денис нашёл такие группы как Slipknot, Korn, а также российские Amatory, Jane Air и Психея. У последней особенно доставляла песня WWW, где были строчки: «И каждый день домашнее задание... Ни капли удовольствия – только страдание!» Каждому двоечнику эти слова можно в граните высечь, сколь метко они попадают в точку, несмотря на банальность вроде бы.

Я же своим друзьям устроил приятное знакомство с Limp

Vizkit. Особенно Андрею Волчаку, который потом стал, пожалуй, одним из самых верных фанатов этой группы, когда нам с Денисом они довольно быстро надоели. Каждый раз вот приходим в гости к нему... Раньше он хотя бы Раммов включал, а теперь только Лимпы. Мы даже пытались ему какие-нибудь другие песни в том же жанре показать, но всё было без толку. Влюбился он в творчество Федыки Дёрста настолько, что даже снятые им кинофильмы посмотрел.

Я же хоть и полюбил ту музыку, какой-то любимой группы выделить не смог, и слушал всех понемногу. Это сейчас я особенно выделяю Цеппелинов с Пинками, а тогда только и успевал жадно пожирать новую музыку, настолько она мне нравилась.

А затем наша любовь к року преодолела тяжелейшие испытания...

***

С самого начала, как только на западе появился рок, его пытались запретить. Белых расистов тревожило, что эта музыка была основана на творчестве чернокожих блюзменов, дотошных мамочек из 60-х бесило вызывающее и хулиганское поведение The Rolling Stones, американские священники пускали песни Led Zeppelin реверсом и якобы слышали там дьявольские послания, американская ассоциация родительского контроля заставляла издателей пластинок выпус-

кать музыку различных исполнителей с клеймом «одобрено ассоциацией родительского контроля», что потом стало чуть ли не знаком качества в поп-музыке Америки, а группу Judas Priest даже пытались посадить в тюрьму из-за того, что двое подростков, слушая пластинку группы, наложили на себя руки, а группа якобы этому поспособствовала, зашифровывая на реверсе записи тайные послания – то есть история с Лестницей В Небо Цеппелинов перешла всякую грань адекватности. Если раньше ты мог просто отшутиться от недоумков из числа сотен католических и протестантских организаций в США, старавшихся доказать, что рок – это музыка дьявола, запуская эти песни задом наперёд, то после прецедента с группой Judas Priest эти чокнутые проповедники Слова Божьего могли и в тюрьму попытаться засадить, и вот это уже даже не смешно...

Во второй половине 2000-х эта американская волна идиотизма в попытке запретить музыку докатилась и до России. Моя родная школа не стала исключением. В тот год всех родителей всех классов пригласили на общее родительское собрание, где психолог нашей школы Марина Витальевна решила убедить родителей, что скрежет, вызываемый искажением звука с помощью гитарной педали дисторшн, выжигает детям мозги. То, что часть попсы 80-х и 90-х была написана на электрогитарах, которыми пользовались и Цой, и Крис Кельми, и группа Нэнси (Дым сигарет с ментолом), и Антонов, и Боярский, и Лоза, и Тальков, и Владимир Кузь-

мин, и даже Алла Пугачёва – это её, видимо, совсем не тревожило. А наш учитель музыки Ангелина Витальевна пошла ещё дальше, сказав, что западные музыканты могут оставлять на своих пластинках тайные послания, в которых призывали бы русских развалить Россию, как развалили Советский Союз. Притом, что песня Перемен – Кино повлияла на распад СССР, пожалуй, сильнее всего, что, однако, никак не мешало ей ставить песни Кино на уроках музыки. Короче говоря, очередной привет песням Цеппелинов на реверсе.

После того собрания отец вернулся домой встревоженный и решил со мной серьёзно поговорить. Сел в комнату, включил компьютер, нашёл мои песни Slipknot типа композиций SIC или Eyeless и сказал:

– Сынок, то, что ты слушаешь эти песни – это не дело...

– Да что в них такого то? – недоумевал я.

– Сам послушай! Они вредные... Вот что это за рычание? Они что? Звери? А что они этими песнями внушить пытаются? Удали, короче...

Пришлось выкручиваться. Но как это сделать, чтобы отец не заметил? Косвенно сестра помогла. Нашла у меня как-то на компьютере порно. Любая другая уже давно бы настучала родителям, но моя тяжело вздохнула, а потом показала такую тему на Винде, как скрытые папки. Так что теперь музыку слушал, пока отца не было дома, и то включал негромко, чтобы никто не услышал. А чтобы тот не нашёл песни на компьютере, запикивал их в скрытые папки.

Хуже было Денису. Отец ему дома настоящий скандал закатил и заставил все песни удалить, а вместо рока слушать Колбасный Цех – да, да – та самая музыка под которую тупорылые наркоманы любили занюхивать на всяких Казантипах. Зато там не было металлического скрежета гитар, да...

Самое смешное, что досталось только року. К рэпу, например, к тому же Ноггано (Василий Вакуленко, он же Баста), в песнях которого романтизация бандитского образа жизни, употребления наркотиков, у этой безмозглой психологички почему-то претензий не возникало. А Чемодан, а ОУ-74, а АК-47? Там у них же каждая вторая песня про травку и гашиш! Почему их не запретили слушать? Почему только к року было такое отношение?!

К слову о рэпе. Не знаю уж, как так произошло, но ненависть к року у некоторых детей перешла, пожалуй, от родителей. И всё стало настолько серьёзно, что даже начали распространяться слухи буквально о драках между рэперами и рокерами, где первые – это, как правило, недоразвитые ПТУшники, избивающие длинноволосых чудиков не от мира сего. Что уж говорить, если мой одноклассник Антон Дубинин, побаивавшийся расправы за своё увлечение рок-музыкой некоторое время возвращался домой с ножом в кармане! А однажды был случай, когда парня из параллели Диму Тяпкина избивали за ношение длинных волос, принятых в субкультуре у рокеров...

Как ни странно, потом всё более менее устаканилось по

единственной причине. Субкультура эмо у нас получила распространение в конце 2008, начале 2009. Как раз на них все и накинулись – и рокеры, и реперы. В большинстве своём их длинные чёлки, розовые вкрапления на чёрной одежде или на волосах не понравились почти никому. Да и нам с друзьями они казались смешными по большей части, нежели нам серьёзно отнести себя к ним, пусть наши, например, музыкальные вкусы и не слишком отличались. Ведь и у них, и у нас были относительно популярны песни, например, той же Стигматы, у которых сентябрь горит, а убийца плачет – типичнейший эмовский текст. Как ни крути, нас вдохновляло всё, что на вид выглядело мужским и брутальным, а не вот это вот...

***

Время шло, мы выросли, и желание слушать музыку у нас постепенно превращалось в стремление играть её самим. Но вот возможности претворить свои мечты в жизнь не было. И я, и Денис с Андреем происходили из небогатых семей. И если у нас с Дрюней всё было относительно неплохо по меркам России, то Дениска так вообще даже на нашем фоне чувствовал себя чуть ли не бомжом. И посему у нас не было замечательной истории как в Америке, когда ребёнку на день рождения дарят музыкальный инструмент. Дешёвый подарок в пределах 500-1000 рублей – это лучшее, чего мы

могли ожидать, да и по существу не было у нас видимой тяги к музыке, чтобы наши родители вдруг однажды бы осознали, что нам нужно подарить инструменты. Стоили они всё-таки недёшево: гитары от 6000-7000 тысяч рублей, синтезаторы от 10000, бас гитары чуть дороже, а барабаны... Лучше вместо них купите новый компьютер или мобильник!

Хотя разговоры о том, стоит ли отправить в музыкальную школу меня, ходили у родителей с самого первого класса. И, знаете, я даже хотел, но отец твёрдо сказал:

– Если хочешь в музыкалку, я тебе только могу дать свою старую гармошку. С ней – иди. На новый инструмент у нас денег нет...

– Но я хочу на гитару... – отвечаю отцу.

– Денег нет, так что иди на гармонь!

Старая отцовская гармошка была вся потёртая, без нескольких клавиш и с кучей рваных отверстий в марлевой прокладке. Да и звук, признаться, был у неё негодным уже. Была, кстати, и гитара, но состояние её было ещё более плачевное – гриф кривой, вся в трещинах. Короче говоря, хоть разговоры и были, но без излишней тяги и отцовской воли я о музыке мог даже и не думать...

В общем, повторяюсь... О будущем в рок-музыке можно было только несбыточно мечтать. И мы мечтали! Искали дома всё внешне напоминавшее гитару типа веника или теннисной ракетки, сооружали из стульев импровизированные барабаны, а потом включали любимые песни и трясли баш-

кой в такт, делая вид, что типа играем на музыкальных инструментах, аки доморощенные гитаристы из 80-х, достававшие всех на западе кривляниями, типа играют хэви-метал.

И это было весело, конечно, но несерьёзно...

Всё изменилось в один момент, когда Денис и Дрюня перешли в другую школу после 9 класса. Среди их новых одноклассников затесался парень по имени Сеня, у которого дома была настоящая электрогитара, и который к тому же играл в группе. Однажды мы пришли к нему в гости, и он показал нам, как надо играть. Мы с Денисом были просто в шоке от того, как это было просто! Оказывается, нужно было зажимать струны на ладах грифа! Именно так появлялся звук!

Вернувшись от него, мы договорились, что следующее лето 2010 года посвятим летней подработке, чтобы купить себе музыкальный инструмент. Правда, среди родителей я в своём желании поддержки не нашёл.

– Лучше купи себе одежду новую... – помотал головой отец.

– Да почему? – недоумевал я.

– Да потому что ты бросишь гитару уже через пару месяцев!

– Не брошу!

– Ладно, покупай... Сам увидишь.

И вот летом пошёл я работать на стройку, чтобы заработать на гитару. Там в течение месяца таскал на горбу мешки

с цементом, предвкушая в перерывах, как буду зашлифовывать соло, рубить риффы, как девочки будут на концертах показывать мне голые груди – о чём ещё мечтает там начинающий несовершеннолетний рок-музыкант, уверенный, что перед ним открыты все двери, надо только толкнуть...

В те моменты сам над собой смеялся во времена сопливого детства, когда искренне считал себя человеком, который ни за что и никогда не полюбит музыку, а теперь чуть ли не сильнее всех этим горел. В фантазиях своих, ещё даже не взяв в руки гитару, я уже был богатым, знаменитым и уважаемым рокером. Там, внутри своей головы, мне удавалось завести толпу, у меня брали интервью самые известные журналисты, а потом мы с группой выступали на каком-нибудь типичном американском вечернем шоу типа как у Джимми Фелона или Стивена Кольбера. До открытия Вечернего Урганта тогда оставалось ещё около двух лет, так что о российских вечерних шоу даже и не думал...

О том, что это может оказаться сложно и непосильно для меня, тогда даже и не думал: слишком ярко светила звезда пленительного счастья. Да и биографии музыкантов давали пищу для надежд. Там всегда была типично американская история успеха, когда ты рождаешься никчёмным и никому не нужным, поднимаешься по карьерной лестнице, а потом зарабатываешь себе на дом, дачу, две машины и бассейн на заднем дворе. И при этом необязательно было уметь хорошо играть. В википедии можно найти информацию о куче гита-

ристов, еле играющих, но ставших легендами. В конце концов, не можешь удивить искромётной техникой исполнения как у Гэри Мура или Эдди Ван Халена – вырядись как петух в стиле Motley Crue или Kiss, и, кажется, деньги сами будут капать тебе в карман! Хотя, справедливости ради, Мотлики звучали для своего времени убойно. А девочки... А многим девушкам ку-ка-ре-ку-стайл заходил на ура. В этом плане всегда вспоминаю российскую группу Akado – вырядились как клоуны на анимэ-фестиваль, написали всего один EP и один сингл, к которому сняли клип, и уже имели массу поклонниц – в том числе Жанну – младшую сестру Дрюни Волчака.

Короче говоря, ничего не предвещало беды. Заработав деньги, я бегу в музыкальный магазин, покупаю себе дешманскую гитару (внешне похожа на стратокастер) с комбиком, приношу всё это дело домой, включаю, и... Я даже не представлял, через какой огонь, воду и медные трубы мне предстояло пройти!

Во-первых, родители гитару сразу возненавидели. Отец обещал разбить её мне о голову, а мать задушить проводами, если ещё раз включу своей 10-тиваттный комбик на хотя бы 15% мощность – на 20 он уже гремел на всю квартиру. В итоге я просто не мог заниматься гитарой, вникая в суть хаммеров, пуллов, вибрато, бэндлов, тремоло, тэппингов а также искусственных флажолетов, ибо многие из приёмов хорошо слышимы и воспринимаемы только при включённом усилке.

Во-вторых, мне приходилось выбирать между учёбой и гитарой. Это в прекрасных историях из википедии у героя есть время на занятия на инструменте по несколько часов в день. У меня помимо учёбы были ещё и видеоигры. От 30 минут до часа – это то время, которое я уделял упражнениям.

В-третьих, учиться самому на основе показанных нескольких аккордов и риффов – это была плохая идея... Я не из тех людей, что может вникнуть в материал без чужой помощи. Многие вещи постиг только по видеоурокам на YouTube.

В-четвёртых, это в Америке с их зарплатами подростки могут себе позволить личную репетиционную базу в гараже, где смогут играть круглыми сутками. У нас в городе держали две: первая принадлежала рокеру с кликухой Демон и была далеко – в районе дурки, а вторая, которую держал дэткорщик с погонялом Алкаш, находилась в гараже около окружной трассы, но там зимой вполне реально было подцепить пневмонию, настолько в гараже было холодно, да и брал Алкаш за одну репетицию на своих ламповых комбиках столько, что наш скудный бюджет не позволял даже с школьных объектов откладывать, чтобы заработать хотя бы на минимум репетиций два раза в неделю, чтобы хотя бы вместе разыграться..

В совокупности причин спустя полгода мой рок-н-ролл звучал как блеющая на поляне коза. Там и не пахло ни мо-

щью, ни зрелищем, риффы звучали жухло, а сбиваться на каждой ноте – это было буквально моё кредо. Ни один рифф мне не удалось сыграть чисто!

В итоге и осталось разбитое корыто, когда остальные мои приятели собрались всерьёз сколотить рок-группу. Сеня, проверив мой скилл, сказал, что мне учиться с таким темпом ещё лет десять до среднего хотя бы уровня. Им же музыканты были нужны здесь и сейчас.

«Эх...» – думаю я: «А ещё о сольной карьере заикался...» За эти слова мои приятели позже окунули меня в собственный омут высокомерия, оказавшийся на деле ушатом помощи.

Остановило ли это меня, заставляя сконцентрироваться на учёбе? Наоборот, только всё сильнее отвлекало, но продолжал учиться на гитаре я медленно и тяжело, лабая по струнам аки дряхлая старушка Шапокляк. В итоге приятели собрали свою группу, а меня оставили за бортом. Их первый школьный концерт на конкурсе песен от шестой школы с единственной композицией прошёл с триумфом. Девчонки были в восторге, а зал ликовал, только Дрюня Волков в начале песни рявкнул в микрофон своим гроулингом, а Сеня проигрыш отыграл даунстроуком! Они потом спрашивали:

– А ты чего не пришёл на концерт? Там так круто было...

А я ничего не отвечал. Только с горечью на душе осознавал, что это там не я был среди остальных музыкантов, тогда как хотел того сильнее остальных.

И вот школа закончилась. Казалось бы, остановись, поезд ушёл – тебе никогда не стать Джими Хендриком! Но нет! Раз решил – действуй до конца, потому что из паблика во ВКонтакте прочитал цитатку Роберта Планта о том, что лучше один раз попытаться, чем сто раз жалеть! А времени на учёбу в игре на гитаре как не было, так и не оставалось. В итоге я только и жил прекрасными мечтами о том, что завтра мне вот-вот улыбнётся удача. А она всё не улыбалась. Группы распадались, меня выгоняли из коллективов. Приятели мои успели сто раз отслужить в армии, жениться, завести детей, а кто-то даже в тюрьму сел. А я как идиот всё ещё верил в звезду пленительного счастья, что вот-вот станет мне светить.

Потом просил многих приятелей, будь то Денис или Сеня, притом неоднократно, мол, давайте уже соберём группу!

В ответ мне говорили:

– Прости, дружище, мы уже повзрослели...

Что значит повзрослели?! Да Хэтфилду уже под 60, а он, зараза, до сих пор лабает! Вы о чём вообще?!

А они всё о том же – об ошибке выжившего. Из всех музыкальных коллективов из нашего города на общероссийскую сцену смог пробиться один шуточный проект под названием Мокрые Булки с их фирменным треком под названием Бук-какэ. Автор написал его, вдохновившись порно-звездой Пайпер Перри, окружённой пятью неграми на том самом меме из нижнего интернета. Как вы понимаете, проект юмористи-

ческий, и уровня Led Zeppelin с глубиной Pink Floyd здесь и рядом не было изначально. А Булочники смогли пробиться только так, только этим удивили публику, да и то их самый просматриваемый клип собрал от силы 200 тысяч просмотров на YouTube. И это была не история успеха – это насмешка над всеми влажными фантазиями школьника, который хотел, чтобы поклонницы в него своими трусиками кидались о время рок-концерта. Даже будь ты в Питере или в Москве, то вероятность везения, как повезло тому же Королю и Шуту близится к нулю.

Вот они и говорят, что повзрослели. Потому что перестали верить в сказки про успех, про американскую мечту. Винить будут всё: страну, менталитет, связи, свои способности к исполнению песен, изменившиеся вкусы людей и стагнирующий жанр рок-музыки, но ни за что уже не вздумают пробовать вновь, ни за что не захотят пытаться. И я очень зол был на них тогда, но осознал в итоге со временем, что погоня за успехом там, где преуспеть тяжелее всего по многим причинам, бессмысленна. Я же всё ещё мечтал успеть за умчавшимся поездом, где старые истории успеха остались только в виде историй на википедии, а половина кумиров уже давно отправились удобрять землю...

И что тогда остаётся делать? Опускать руки и отказываться от мечты? Героически пытаться стать рок-звездой без единого шанса на успех и надеяться на то, что удача, наконец, повернётся лицом? Как так вышло, что я единственный из

всех друзей ненавидевший музыку, теперь был готов лоб себе разбить в несбыточной попытке стать рок-звездой? Как так вышло, что истории блеска и успеха так сильно затуманили мой разум, что я был уверен, что у меня получится тоже? И есть ли шанс нормально проснуться после столь сладкого сна?

На этот вопрос отчасти знаю ответ. С девушками беда была, трудно найти общий язык. А сестра мне как-то нашептала на ухо, что ей нравятся играющие на гитаре парни. Вот и зацепился я, как минимум, тем, что хотел девушек соблазнять. Хотя, даже когда научился, не на всех действовало... Но вот одна причина, а в остальном сложно сказать.

Короче, не знаю... Но уверен в одном. Хоть и остался любителем в мастерстве владения гитарой, а играю до сих пор, так и не забросил. Так что те, кто говорили, что оставлю её пылиться уже через месяц, ошиблись. Так что отдушина какая-никакая, что не только я, полюбив музыку, полюбив тяжёлый метал, остался в дураках.

Флорбол

Сегодня я и слово спорт – вещи несовместимые. Живот украшает небольшое пузо, щёчки разбухли, а под одним подбородком, если постараться, можно разглядеть и второй. Работа у меня за компьютером, образ жизни в основном сидячий. Если пробегу стометровку, начнётся одышка. Если то

же самое сделаю в холодную погоду, начнутся приступы астмы. А сердечко... У-у! Лучше его беречь, ибо так много историй мною для вас не рассказано!

А вот в школьные годы я был стройным, подтянутым, на животе просматривались кубики пресса, бегал быстрее всех и даже подтягивался целых пять раз! Тут, конечно, особо гордиться нечем, но сегодня я и раза не подтянусь. Да и больше был мною любим спорт, где ногами надо двигать.

С другой стороны лень-матушка меня одолевала с самых ранних лет, но тут уже расслабляться не давал отец, постоянно старавшийся мне не только привить любовь к спорту, но и заставлявший ходить на всякие разные секции.

Вот примерно как-то так я впервые пошёл на бокс. Мне тогда было всего семь лет, потому большую роль в решении записаться именно туда, конечно, сыграло моё природное любопытство. Мальчиком я всегда был неконфликтным, первый раз однокласснику по морде влепил только в восьмом классе, потому как до этого боялся, что не дай Бог папу за мои кулачные бои посадят в тюрьму. Ну или как-то так. По крайней мере я точно знал, что до наступления возраста уголовной ответственности, за все мои действия ответ держали родители.

На бокс проходил всего месяц, занимаясь там какими-то глупостями типа боя с отражением в зеркале... Скука смертная! Приходишь в зал и каждый день в течение часа махаешься с воздухом. При этом не помню, чтобы нас учили ка-

ким-либо стойкам, финтам или комбинациям – стой и дерись сам с собой. Вот про что нужно было снимать фильм «Бой с Тенью»!

А потом я очень сильно простудился. До такой степени, что в первый день болезни мне вызывали скорую, ибо задыхался. До сих пор помню свои мысли в семь лет, когда впервые осознал, что жизнь не вечна, и я вот прямо сейчас в ту самую секунду мог умереть. Как итог – две недели с пневмонией в больнице, после которых возвращаться к боксу я почему-то не захотел.

Потом отец предлагал мне записаться на хоккей, но освоить коньки я так и не смог. Кататься на велосипеде тоже не научился, баскетбол не привлекал, скалолазание казалось страшным, лыжи вообще ненавидел.

– Тогда, может, футбол? – предложил папка.

– Давай! – сразу же загорелся я этой идеей.

Во дворе гонять мячик любил, даже голы забивал. Так почему бы и нет? Но одно дело там, другое – на секции. Там меня ожидала суровая реальность, где не только я хотел быть как Рауль, Морьентос, Зидан, Фигу, Рональдо и Бэкхем с Мостовым. Таких умников там целая орава. Не проявишь себя сразу – поставят в защиту, и потом из неё не выйдешь. Вот я и стоял на поле как защитник в течение полугода, ничему не научился, а тренеру, казалось, было абсолютно всё равно. Ждёшь от него индивидуального подхода к каждому, чтобы или раскрыл талант, или показал на примере, что футбол не

для тебя, а на деле получаешь шиш на постном масле.

Только представьте себе! Заполярье, зима, полярная ночь, конец ноября, мороз за двадцать, играем на снегу в футбол. Точнее остальные играют, а тебя ставят в защиту, и вот ходишь по полю от скуки, руки засунув в карманы, мёрзнешь и ждёшь, пока с другой стороны поля к тебе кто-то побежит. Посему я чаще всего цепенел от холода, и уже плевать, кто там бежит в нашу сторону забивать. Короче говоря, дворовый футбол без толики тактики, изучения приёмов или командной работы. Благо хоть эта чушь, называемая секцией футбола, была бесплатной. Ну и, разумеется, я оттуда ушёл, так и не став Бэкхемом.

Следующим спортом, каким хотелось заняться, был настольный теннис. Играть я в него кое-как умел, потому что уж там... Точно стоит записаться. Правда, тут сразу столкнулся со строгой отцовской экономностью на всём. Собирая меня на секцию, папа достал из закровов свою старую советскую ракетку на вид будто из эпохи мегалита, и дал её мне.

– Держи! Научишься играть с этой, куплю тебе новую.

– Спасибо пап.

На самом деле ракетка, возможно, и была неплохой в момент, когда отец её купил в 1975 году за рубль восемьдесят в Ленинградском спортивном магазине, но уж точно не в 2005 тридцать лет спустя.

Только пришёл на секцию, тренер смотрела на мою ракетку с выпученными глазами.

– Вы с этой дрянью играть не научитесь. Покупайте новую.

Возвращаюсь домой, говорю отцу, мол, так и так, тренер вот говорит...

– Да чушь она несёт. Отличная ракетка. Я ей ещё в студенчестве играл.

Учитывая, что приходиться с «этой дрянью» я не переставал, тренер меня всё больше игнорировала, пока я сам в итоге не решил секцию покинуть.

В совокупности и там, и там, и там, я так и не смог продержаться даже года. Желание заниматься спортом было всё меньше, карьера так и не началась, ну и что делать? Всё бросить и посвятить себя учёбе?

***

Так наступил 2006 год. Я как раз тогда пошёл в седьмой класс и был в самом расцвете своих физических сил. Заниматься чем-нибудь, конечно, хотелось, вот только чем?

В один из дней наш класс решила посетить некая молодая девушка. Звали Катериной Васильевной. Лет ей было от 25 до 30, волосы огненно-рыжие, сама по себе хороша фигурой, стройная и подтянутая, лицо ещё совсем юное и свежее. Можно сказать, ещё молоко на губах не обсохло, так как нам в старшие сёстры годилась, но глаза... Глаза её горят пламенем от желания вершить и покорять! Такое чувство, дай ей 40 тысяч долларов и собери в экспедицию, она и на Эве-

рест поднимется без акклиматизации и прочей подготовки, столько в ней было сил, столько энергии, которую буквально некуда деть. Вот она и решила, видимо, стать тренером и колотить свою молодую и кипящую желанием достигать новых высот команду.

– Ещё раз... Как называется? – переспросил я.

– Флорбол, – отвечала Катерина Васильевна, – спорт новый, молодой. Появился в Скандинавии совсем недавно, и вот к нам перескакал. Играем в него в зале с помощью клюшек.

– Как в хоккее?

– Как в хоккее, только вместо шайбы пластиковый мячик с отверстиями для лучшей аэродинамики. Есть ещё, конечно, отличия. Нельзя многие силовые приёмы из хоккея применять, например, клюшку между ног совать тоже запрещено. И ещё много нюансов есть, но про них расскажу уже непосредственно на занятиях. Так что если кто захочет, сегодня вечером я буду проводить открытую тренировку в вашем спортзале, всех приглашаю.

На самом деле нужно признаться в главном: если любовь к футболу была временной, то хоккей я просто обожал и тогда, да и души в нём не чаю до сих пор. Если футбол к концу второго тайма смотреть уже скучно, то хоккей непредсказуем и динамичен до самого конца. Если в футболе на 89 минуте счёт 3:1, то вероятность того, что он превратится в 3:3 равна нулю. В хоккее в конце третьего периода даже отрыв в две

шайбы можно спокойно сократить до ничейного буквально на последней минуте. Если в футболе часто симулируют и толкаются как девочки, то хоккейная история мордобои знавала такие, что порою за ними было интереснее наблюдать, нежели за самой игрой, и это не считая силовых приёмов. Да и в конце концов, как известно, только трус не играет в хоккей.

Я вот был храбрец, потому хотел, а коньки так и не освоил. Секций хоккея на траве у нас в нашем скромном моногородочке не было, да как в него поиграть, если климат заполярный... И, понятное дело, только узнал про флорбол, то тут же зацепился за идею в него поиграть. К своему удивлению я был не один такой.

На первую же пробную тренировку пришло человек тридцать со всех классов, желающих научиться играть: несколько ребят из моего, а также много ребят с параллели. И в тот же день нам позволили взять в руки клюшки и сыграть пробный матч. То, до какой степени это было интересно, можно судить по тому, что после первого занятия я посетил второе, а потом третье и так далее. Играть мы все там, конечно, не умели, вели себя крайне неуклюже, постоянно лупили друг другу по ногам, но как же круто в этот флорбол было рубиться! Под конец все были потные, уставшие, но довольные! А ваш покорный слуга даже оформил хет-трик.

Никаких но быть просто не могло. Этот загадочный и малоизвестный флорбол вызвал во мне настоящую бурю эмо-

ций: я должен был в него играть и даже побеждать, если повезёт! Так и начались тренировки.

Что было хорошего в Катерине Васильевне, так это то, что она всегда подтягивала отстающих и всегда давала возможность новичкам отработать и в защите, и в нападении, и даже вратарями побыть. Чтобы понять, как играть и побеждать, ты должен был научиться понимать соперника, представлять, как другие играют в защите, в нападении. Это помогало в дальнейшем оценивать и свои, и чужие способности, либо чувствовать предел физических возможностей человеческого тела и пользоваться этими недостатками, чтобы победить соперника.

Но и проблемы начались сразу же. Если учить нас приёмам владения клюшкой было правильно, то вот совладать с нами в плане дисциплины Катерина Васильевна не смогла. Сколько себя помню, я мог играть на любых направлениях нападения: слева, справа, по центру – везде, где у меня появлялась возможность прорваться к воротам. Разумеется, это было неправильно. Каждый винтик механизма должен находиться на своём месте, а не где попало, потому в этой неразберихе мы так и не поняли, какие направления нам наиболее предпочтительны для атаки. Отсутствие дисциплины и командной работы сделали из нас кучу индивидуалистов, неспособных даже пас сделать. Ведь хочется забить гол самому!

Второй серьёзной проблемой было желание поиграть во

время тренировок в другие игры. Вместо того, чтобы до последнего концентрироваться на флорболе, мы последние двадцать минут тренировки могли и в футбол погонять, и в волейбол, и даже в баскетбол. Вроде бы нам должно на каждом занятии себя ваять до седьмого пота, чтобы к соревнованиям быть в необходимой для лучшего исполнения форме. Надо ли говорить, что прочие игры от флорбола всерьёз отвлекали?

Но, тем не менее, мы учились. Чуть позже освоили развороты, а потом и подсечки. Нелегко было научиться точно пасовать, ещё тяжелее освоить силовые приёмы, потому что у нас в команде и девочки были, которых обижать не хотелось, да и сокомандников как-то опрокидывать не к лицу. Научиться обходить, кажется, практически невозможно. Ещё тяжелее играть, когда в команде соперника на тренировке играет сам наставник. Но, тем не менее, мы учились.

Со временем у нас появились лучшие игроки и аутсайдеры. Последние, как правило, выбывали. Лучшие же продолжали играть. В их числе был мой одноклассник Антон Дубинин. Его тактика заключалась в том, что он спиной вперёд шёл по борту, контролируя мяч, и никак к нему не подлезть было. Так он мог большую часть поля пройти а потом ближе к воротам выйти на ударную позицию. Второй – Серёга Харута, имевший за плечами школу футбола, умел хорошо и технично обводить, играя сразу против нескольких противников. Пожалуй, даже лучше меня клюшкой владел. А я...

А что я? Я был третьим, отличаясь от остальных меткостью бросков и хорошими пасами. В целом мы составляли тройку главных форвардов нашей команды, способных в целом изменить ход любой игры. Так нам казалось тогда по крайней мере.

Тренер же решила, что полугодовой подготовки вполне хватит для участия в нашем первом турнире. Так, дав старт тренировкам в начале октября, уже в конце марта мы были должны участвовать в общегородских соревнованиях на кубок мэра нашего небезызвестного захолустья. Сказать, что были рады – ничего не сказать. Восторг невероятный, желание всех порвать непреодолимое. Но от того сильнее мы слепли, не замечая проблем, всё это время маячивших прямо у носа.

Прямо перед соревнованиями нарисовалась проблема, которую на тренировках мы не замечали, а Катерина Васильевна не говорила, видимо, чтобы не расстраивать, да и самой не хворать, ведь так сильно желала реализовать себя как хорошего тренера! Нам категорически не хватало людей в команду! Из тех тридцати, что посетили первую тренировку, в коллективе осталось тринадцать, из которых только трое играли хорошо. Остальные дай Бог в защите не упадут в грязь лицом. И всё это притом, что в стандартной команде играет двадцать человек, а также имеется замена вратаря. У нас голкипер был один – Лера Кабанова, да и к тому же не самый сильный. По итогам мы не могли собрать цельные пятёрки

на поле, а также фактически не имели возможности провести замену. Если же вынести нашего вратаря, то вместо него будет играть кто-то из полевых, не учившийся этому. Короче говоря, нас ожидали матчи фактически на износ.

Чтобы лучше подготовиться, я решил не поскупились, да попросил отца купить мне новую клюшку и футбольные щитки, чтобы защищали ноги от ударов по голени. Он мою просьбу выполнил и завещал вернуться, как говорится, со щитом или на щите.

***

Заветное 28 марта – первый день соревнований начался с ещё одной нехорошей новости. Нам предстояло провести сразу два матча: один утром и один вечером. Так как я приехал в спорткомплекс «Атлет» последним, узнал это от Серёги Харуты.

– И как нам быть? – недоумевал в ответ.

– Понятия не имею, – отвечал Харута, – Катерина Васильевна протест подавала, но всё без толку. Все в равных условиях.

Вторым неприятным сюрпризом оказались соперники. Дело в том, что нам на тот момент по тринадцать лет, мы семиклассники – ребята щуплые, подготовка слабая. Против нас пусть девушки, но команда студенческая: девчонки на семь, восемь лет старше нас, опытные, да и по массе, вынос-

ливости, физподготовке на порядок крупнее. У самой щуплой из них было килограммов пятьдесят, я тогда еле до сорока дотягивал.

В раздевалку заходит тренер, начинает раздавать указания, рисуя в своём блокнотике план игры. Когда дело доходит до меня, неожиданно заявляет:

– Ты идёшь по центру! – на клетчатой бумажке вычерчивает жирную стрелочку посреди нарисованного поля.

– Хорошо... – отвечаю я.

При этом по центру никогда не играл, обычно прорываясь с флангов, да и вбрасывания выигрывал не слишком часто. Но стоит ли прямо перед игрой спорить с тренером? Будь на то моя воля, я бы в центр поставил Харуту за его способность обводить, но опять же... Кто такой, чтобы указывать?

И вот начало игры – первая пятнадцатиминутка. И тут мы и познаём на своей шкуре, что такое настоящий флорбол. Все наши предыдущие тренировки, все наработки шли куда подальше. Нам навязали игру, к которой мы были совершенно не готовы. И все ошибки, все недочёты сразу же вылезли наружу.

Антон Дубинин, прежде так лихо прикрывавший спиной мяч, при первой же попытке прорваться своим классическим способом, был опрокинут за бортик силовым в плечо. Да что уж говорить... Мы всей командой по полю летали будто мячики, стоило нас хорошенько бортануть. Серёга Харута, порхавший и жаливший на тренировках, здесь почти

ничего не мог противопоставить натренированным игрокам. Лера Кабанова держалась как могла, но уже на третьей минуте пропустила первый мяч.

С первых же мгновений особенно сильно отразилась нехватка игроков, ведь будучи неспособными пустить на поле свежую третью пятёрку, в игру вступала толком не восстановившаяся вторая. И если первый период мы провели бодрячком, то уже в конце второго буквально валились с ног. А флорбол – это не футбол, где можно побродить по полю в редкие минуты в стиле сборной России, когда проигрывают очередной матч и не могут вывезти в ничью. Эта игра крайне динамичная, буквально дикая. На месте не постоишь, сопли не пожуёшь. Вот мы и отдавали все силы для победы, не понимая, что быстро выдыхаемся.

Правда в начале игры до износа ещё было рано. Мы уже на шестой минуте сумели отыгаться, благодаря голу Харуты (я отдал голевой пас), а потом девчонка из Команды Таня Громова неожиданно забивает второй. Буквально в конце первого периода я, так ни разу и не пробившись в центре, решаю зайти слева. Харута и Дубинин отвлекают справа и по центру в середине поля, а потом первый видит меня впереди и отдаёт пас через половину поля. Я остаюсь один на один с вратарём, не успевающим даже развернуться в мою сторону. Удар... Го-о-ол!!!

Вскидываю руки вверх вместе с клюшкой, иду обниматься с сокомандниками. Господи, какой же восторг! Мне уда-

лось в тяжелейшей борьбе забить столь желанный гол, свидетелем которого был довольный отец, сидевший на трибунах и услышавший из динамиков голос организаторов, что произнесли моё имя и номер, под которым вышел на поле.

После гола иду меняться, подхожу к тренеру, чтобы получить похвалы.

– Видели, как я забил? – улыбаюсь весь довольный.

– Ты забил? – удивилась Катерина Васильевна, – я думала, что Харута...

Услышать такое от тренера было в высшей степени издевательством, когда стараешься на занятиях порою усерднее всех, выдавливая из себя все соки, достигаешь определённой высоты, а тот, кто должен был оценить все старания, даже их не замечает. Надо ли говорить, что настрой мой был к началу второго периода испорчен?

А были ли у нас ошибки? Возможно. Но тренер их не заметила. Сказала только, что молодцы, давайте в том же духе. Со стороны соперника же мы буквально слышали, как тренер – мужик за полтинник чуть ли не матерится на своих девчонок, объясняя им, где они обгадились. Тот разнос им пошёл на пользу, нас похвала только расслабила.

Верите или нет, только в самом начале второго периода произошло первое нарушение правил. Девчонка из противной команды сделала мне подножку. Чуть ли не кубарем сваливаюсь на землю и зарабатываю буллит. Так я называл исполнение штрафного, абсолютно аналогичное по правилам

тем, как оно происходит в хоккее. На тренировках этот буллит исполнял тысячу раз и, благодаря меткости, лупил их на отлично.

Разумеется, никто кроме меня даже не решается встать в центр поля на исполнение. Судья даёт свисток, я разгоняюсь, и...

Снова свисток.

– Почему?! – удивляюсь я.

– Штрафной так не исполняется! – отвечает мне судья.

Видели бы вы моё изумление в этот момент, с каким я взглянул на Катерину Васильевну, разводя руками. Она лишь глупо улыбается, выглядела в тот момент как настоящая дура!

– Я не знаю, как исполнять... – признаюсь судье. Тот смеётся и отвечает:

– С центра поля бей по воротам!

Разумеется, штрафным мы воспользоваться не сумели, так как с таких дальних дистанций метко попасть почти нереально, а я уже во время перерыва чуть ли не кричу на тренера:

– Какого чёрта?!

– Правила изменились. Я вам не сказала. Моя вина... – и снова глупая улыбка до ушей.

Сам на неё еле не матерился, ведь как так можно просто взять и не рассказать о переменах в правилах хотя бы перед игрой! Почему об этом мы узнаём только на самом мат-

че в начале второго периода?! Что ж ты за тренер то такой, раз допускаешь такие оплошности! В тот момент прямо хотелось сказать устами депутата Милюкова от 14 ноября 1916 года: «Глупость или измена?!» Жаль, тогда ещё Катерина Васильевна выглядела слишком большим авторитетом в моих глазах. Сегодня я ей за такое сказал бы русским народным трёхэтажным! Или даже семи...

К слову в тот же день, притом в самом начале игры мы узнали, что клюшку между ног просовывать по новым правилам таки можно. Этот как раз к вопросу о том, почему не было штрафных. В ярости смотрим на тренера, а она опять глупо улыбается в ответ. Хочется от злости кинуть клюшкой прямо в её омерзительную в тот момент из-за ухмылок рожу, чтобы почувствовала наше искреннее уважение от всей команды.

Следом Лера Кабанова получает клюшкой по лицу и выбывает. Приходится место вратаря занять Тане Громовой. В тот же момент мы выдыхаемся.

Результат не заставляет себя ждать. К финальному свистку второй период мы заканчиваем, пропустив шесть безответных мячей, в итоге проиграв со счётом 7:3. Позорный матч, позорный счёт. Но более даже, наверное, обидный. Ведь вели, могли победить, знай правила, действуй агрессивнее, имей другого тренера, а не это прости Господи чучело-мяучело. А так мы впервые познали боль разгрома, так рушились наши мечты и надежды.

Во втором вечернем матче против нас вышла команда местной хабзайки, а мы к тому времени даже отдохнуть не успели. Против нас крепкие, шустрые и бодрые пацаны 16-19 лет, мы валились с ног и выглядели овощами. О матче том говорить в принципе нечего, плана не было, да и вообще ничего не было. Мы просто вышли позориться, да отмучиться. Итоговый счёт – 10:0. Сухой разгром. Позор. Боль. Огорчение. Разочарование.

После игры тренер не сказала ни слова. Только назначила день следующей тренировки, а потом ушла хмурая как ночь. Мы же сколь в недоумении пребывали, столь же были злыми. Серёга Харута прямо там в раздевалке решил флорбол забросить, Дубинин был того же мнения. Тогда я их ещё уговаривал, что надо остаться, играть дальше. Но, как потом окажется, покинув команду, они поступили умнее меня.

***

Про дальнейшие тренировки после разгрома говорить и нечего. Первая команда развалилась, вместе с Харутой, Антоном флорбол оставили Таня Громова и Лера Кабанова, а новенькие из себя уже как игроки ничего не представляли. Лучше не затягивать повествование, но сразу перейти ко вторым соревнованиям. Стоит только упомянуть, что подготовка к следующему сезону ничем не отличалась от предыдущего, словно никто ничему так и не научился, никаких

уроков из поражений не вынес.

К играм новенькие подошли с энтузиазмом. Я же единственный из старой команды понимал, что ребята не готовы, и нас ждёт тотальный разгром. Что до тренера, то Катерина Васильевна всё больше разочаровывалась и в команде, и в своей работе. Это было видно по тренировкам. С новыми она совладать всё так же не могла, а я к концу занятий просто перестал хоть во что-то её ставить, постоянно оспаривая решения. Так в один момент она и воскликнула:

– Может сам начнёшь за меня тренировать команду?! – это было в ответ на мою претензию, что новые нападающие просто не готовы играть, а защита и того хуже. Но вместо того, чтобы прислушаться, Катерина Васильевна всё больше задвигала меня на задний план в команде.

Именно в таком подавленном состоянии, не ожидая даже чуда, я и вышел на поле во вторые соревнования. Меня вместо нападения теперь ставят в защиту. И не потому что хороший защитник, но в наказание за дерзость Катерина Васильевна оформила мне бесславный финал карьеры.

И вновь позор. С первых же минут команда противника захватила инициативу. Один гол, второй... Все контратаки захлебнулись, даже подловить на ошибке не получается, защита каждый раз рушится аки карточный домик.

В тот момент я был единственным на поле, кто мог сделать хоть что-то. Встав в защиту, начал отбивать удары вместо вратаря. Один, второй, третий. Бросков двадцать или трид-

цать отразил в течение трёх атак. Мои же сокомандники, вместо того, чтобы помочь, стоят за спинами нападающих, спокойно отдающих друг другу пасы, и ждут, пока перехвачу мяч и отдам им, дабы те рванули в атаку. Я же фактически один против четырёх даже просвета не вижу, чтобы сделать передачу, да и более того мячик от меня просто отскакивает! Хоть убей, не могу поймать, а силы кончаются! В этот момент тренер от ярости краснеет и кричит на меня:

– Мяч выбей!

Я лупанул наугад куда попало, ведь противник блокирует всех моих, а те самые мои словно этого не замечают. В этот момент один из соперников ловит удар, обходит меня справа и забивает третий гол.

Тут же тренер берёт таймаут и подзывает меня к себе.

– Ты уходишь в запас!!! – визжит Катерина Васильевна.

– Почему?! – отвечаю ей, – я же все мячи отбил!

– Ты выбить их даже не смог!

– Да мне ни один из наших не помог, неужели вы не видите!

– А кто тебе должен был помочь?!

– Да дайте мне доиграть! Народу и так не хватает! – кричу я, осознавая, что эти соревнования у этого тренера в этой команде будут последними, а отбиваться ребята не в состоянии.

– Нет!!!

И знаете, что самое смешное? Буквально через минуту по-

сле того, как тренер выгнала меня с поля, нам забили и четвёртый гол. А потом и пятый, и шестой, седьмой... Итоговый счёт 8:0. Разгром. Вновь сухую. Ни одного гола, ни одной атаки за всю игру, ни одного голевого момента. И всё это время я наблюдаю как мои сокомандники беспомощно отбиваются, не в силах что-либо противопоставить настоящим акулам на поле.

Не дожидаясь финального свистка одеваюсь и ухожу. Катерина Васильевна видит это и кричит:

– Ты куда?! Игра ещё не закончилась!

– Доигрывай сама... – буркнул ей в ответ.

Вечерний матч, вероятно, тоже был проигран, но его я пропустил, просто не увидев смысла в течение часа просидеть на скамейке запасных. Конечно, были сомнения, но отец меня убедил, что смысла ехать просто нет. Я согласился. Так всё и закончилось.

***

Сдался ли я в тот момент? Разочарование, конечно, было, но не прямо, чтобы руки опускать. Ведь любые разногласия и проблемы преодолеть можно обычным разговором, правда? Так думал и ваш покорный слуга в ожидании новых тренировок. Не настолько же глупа Катерина Васильевна, чтобы всерьёз думать, якобы тогдашнее поражение 8:0 было только по моей вине, когда я, играя против четырёх игроков сразу

без поддержки своих, не мог выбить мяч на чужую половину поля!

Так как тренер обещала позвонить и назначить следующие тренировки, вся команда принялась ждать звонка. Несмотря на горечь поражения, ребята были готовы продолжать. При этом никто из сокомандников меня за провал первой игры сезона не осуждал. За исключением одного...

Как-то на перемене ко мне подходит одноклассник с параллели Аркаша Ласточкин. Он был новичком второго сезона, играл в нападении и не смог показать ничего толкового в атаке, хотя Катерина Васильевна на него ставила. Я уж думал, что он мне предъявит за провал первой игры, но вместо этого...

– Ты почему не пришёл на вторую? – недовольно спрашивает Аркаша.

– Да смысла не видел. Меня всё равно сначала в защиту, потом в запас убрали. А что?

– Да у нас Кулешов выбыл, нам замена нужна была срочно.

– Ну... – пожал я плечами, – уж простите. А какой счёт в итоге был?

– 10:0. Мы проиграли.

– Ого... – покачал я головой, а в мыслях потешаюсь над этой неудачей, – и какой план дальше?

– Какой? – пожал плечами Аркаша, – дальше тренироваться. Вот ждём звонка.

– Я тоже жду.

– Если что, скажи.

– И ты меня тоже предупреди, вдруг что.

– Договорились.

Ни через неделю, ни через две, ни через месяц Катерина Васильевна не позвонила. Даже в мае тренировки не начались. Она просто исчезла, фактически кинув своих воспитанников на произвол судьбы. В последний раз тренера видел на матче. Даже на улице потом ни разу не столкнулись, хотя город у нас не то, чтобы большой. На том моя спортивная карьера и закончилась, клюшку и щитки со временем продал, осознав, что на этом всё. Да и к тому же девятый класс пошёл, на носу была подготовка к ГИА, так что не до флорбола на пару с поиском новой команды.

Склонный к самокопанию и самобичеванию я никак не мог понять, кто был виноват в этом провале. И пусть описанное и выглядит вроде как однозначно, да и всем известно, что рыба с головы гниёт, но не оставляла мысль, что это не тренер плохой, а просто мы кучка бездарей с клюшками – бегали по полю, да Катерину Васильевну позорили.

Успокоил меня отец:

– Ты же сам видел, как первая игра проходила тогда. Ты гол забил, вы вели. Умеете, когда настроены, голы забивать способны, мимо ворот патологически не пуляете. Да, против вас выступали ребята старше, да и две игры за день – это перебор, всё так. Ваш соперники действительно сильнее, и поражение ваше было predetermined. Но ты же сам гово-

рил, что она не могла определиться, кто и где должен стоять, правила вам не рассказала перед игрой, вместо флорбола не против была, чтобы в футбол играли. Так ведь?

– Ну да. Всё так.

– Ну вот шулупонь у вас, а не тренер была.

– Правда?

– Конечно. А как иначе? Я с ней после второй игры говорил же. Помнишь, что сказал?

– Ты сказал, что какая-то дура бестолковая... – ухмыльнулся я.

Отец улыбнулся в ответ.

– Вот видишь? Я тогда прав был.

Слова отца успокоили, конечно, но не прямо чтобы убедили. Всё-таки склонность к самобичеванию никуда не делась. Нужно было на практике увидеть, что всё было именно так, как говорил отец. И возможность эта у меня появилась.

Новый десятый класс встретили новым коллективом. Ребята там все были спортивные и новым дисциплинам не чуждые. До этого целый месяц играли в воллейбол, изрядно всем надоевший. Всё-таки, как ни крути, игра не для всех. Не для меня так уж точно. Я ещё в восьмом, девятом классе играл в пионербол, уже тогда всю эту тему возненавидел до тошноты. А тут ещё в воллейболе и мяч поймать нельзя, да и отбивать ладошкой все пальцы в труху. Неудобно, короче. И глупо. И вообще дичь.

Так я однажды и предложил, увидев в кладовке клюшки

для флорбола, поиграть в него, и сразу же на свою идею нашёл отклик. Среди первых отозвался Илья Москвин. Сам он играл в футбол, потому любил динамичные виды спорта, где надо активно топтать ножками, а не ждать, пока до тебя долетит мячик, чтобы отбить его. Собственно, вместе с ним мы и уговорили остальных поиграть с нами.

Академический час в Заполярье идёт не сорок пять, а сорок минут. В дни полярной ночи урок вообще сокращается до тридцати пяти, а то и до тридцати минут в зависимости от того, сколь сильные морозы ударят в январе и феврале. Посему времени поиграть после окончания разминки и споров о том, во что зарубиться, у нас было меньше половины урока. Не теряя ни минуты, мы разделились на команды и принялись играть.

И о, Боже! Как же это было классно вновь взять клюшку и погонять мячик по залу! Только схватился, и, казалось, Гэндальф после долгого сна из-за колдовства Сарумана позволил мне прикоснуться к мечу, чтобы мышцы вновь обрели силу. И тут понеслось.

Игра выдалась динамичная. Я уже давно так не бегал. Илья вообще взмок, пока пытался атаковать ворота. И устали мы после игры просто невероятно. Но тогда именно наш дуэт на поле затащил весь период. Весьма точные передачи, Илюхина скорость и моя меткость не оставили соперникам даже шанса. Первый гол за Москвиным, потом второй с дальней дистанции забиваю я. Во время контратаки же передаю

пас через всё поле прямо Илье, и тот оформляет дубль. Итоговый счёт 3:1.

После матча мы оживлённо обсуждаем игру на перемене. У всех эмоции максимально позитивные, у меня же восторг: впервые за несколько лет после предательства тренера, наконец-то, смог погонять мячик по полю, вновь почувствовал себя тем самым парнем, забившим третий гол в первой игре на глазах у ревущей арены. Что ещё может быть лучше? Только слова Ильи:

– А ты хорошо в флорбол играешь...

Конечно, он не был профессиональным игроком в этом виде спорта, а только футболистом. Он не знал всех его тонкостей и особенностей, отличающих от остальных видов игр. Но он в спорте намного дольше меня, многочисленные соревнования выигрывал, понимает, как отличить хорошего игрока от плохого. И если он оценил меня по достоинству, то это значит только одно... Прав оказался отец: Катерина Васильевна была плохим тренером.

Паркур

Чем можно занять себя в свободное время от учёбы отроку 13-14 лет в маленьком провинциальном городе? Целыми днями шастать по улице где попало? Впервые попробовать алкоголь и сигареты? Заняться спортом и начать бегать, прыгать, готовить к себя к неизбежному будущему в армии?

Может быть сходить в библиотеку набраться новых знаний? Или искать способы монетизации своих талантов уже в этом возрасте?

Живи мы с друзьями в Москве или в Питере, то это вряд ли было бы такой серьёзной проблемой. Там, как минимум, архитектура есть красивая, карусели, лодочные экскурсии по каналам. И это только досуг! А спортивных секций на любой вкус и цвет, кружков и прочего и того больше. А что есть у нас в нашем маленьком городе на краю Ойкумены?

Нет, можно, конечно, записаться на единоборства, но лично с моим здоровьем попробуй поединоборствуй. У меня зрение как у крота. У моего друга Дениса Нигматуллина бо́льшая спина с вечно выпадающими позвонками, которые приходилось вправлять, а до перелома он и на дзюдо успел походить. Андрей Волчак к тому времени уже тоже имел практику кикбоксинга, к которой по его словам возвращаться ну никак не хотелось. Я же имел опыт двух месяцев в боксе, когда был первоклашкой – неудачный, так как один раз после тренировки очень сильно простудился и к единоборствам уже более не возвращался.

Денег на велики тоже ни у кого не было, желания играть на музыкальных инструментах тогда не появлялось, да и откуда нам на них опять же деньги взять? И вот чем заниматься? В чём себя найти? Неужели весь смысл жизни будет заключаться сначала в скучной учёбе, потом в ещё не менее скучной работе на безмозглого начальника и долгом увяда-

нии в старости?

***

Вообще Денис был компанейским парнем и мог скорешиться с кем угодно из дворовой тусовки. Обаяние его природное заключалось в отсутствии комплексов и некоторой степени безбашенности, любую дичь мог творить и не стесняться, потому всем с ним было весело. Это и свело его с Пашкой Калерадой – известным во всём городе трудным ребёнком. Он был из бедной семьи, с раннего возраста начал курить и пить. Мы таких раньше старались обходить стороной. Но в один момент нелёгкая свела его с Денисом.

И нет. Наш друг от знакомства с ним не превратился в алкоголика и наркомана, как мы боялись. А всё потому, что к тому времени кроме сигарет и пива у Калерады появилось новое увлечение – паркур.

То был год 2007-2008, скоростной интернет был мало у кого, про YouTube тогда никто почти не знал. И, тем не менее, про паркур мы таки узнали. Хобби это зародилось во Франции, где появился некий каскадёр Давид Белль, придумавший свою технику скоростного и эффектного перемещения по большому городу с использованием акробатики. Вероятно, с полицией имел частные проблемы, потому жизнь и заставила, я так подозреваю. Сначала на него обратили внимание на французском ТВ, потом красоту паркура оценили

кинематографисты. Так Белль стал ставить трюки для фильма «Ямакаси. Новые Самураи», а потом и сам дебютировал в кино с другим каскадёром Сириллом Рафаэлли. Под патронажем Люка Бессона они сыграют главные роли в фильме «13-ый Район» – безумно глупое и наивное кино с неолиберальным философским оттенком, но в то же самое время и столь же красивое и динамичное. В том возрасте мы в этот фильм влюбились до беспамятства. Точнее сказать сначала влюбился Калерада, потом Денис, который показал его уже нам с Дроном. А там мы уже и загорелись идеей делать что-то подобное.

Но, прежде чем продолжим, нужно знать самое важное. Даже Питер с Москвой не так плотно застроены, как французские города, где сам Бог велел паркур осваивать. Что уж говорить про наше заполярное захолустье! У нас между крыш Человек-Паук даже попрыгать бы не смог. Что уж про паркурщиков говорить... Тренироваться было негде. Только если лезть на недострой, что имело свои трудности и соответствующие последствия. Да и у нашего тогдашнего кумира вряд ли не было своего спортзала с батутами, где можно было оттачивать мастерство исполнения всех трюков.

А ещё необходимо было помнить, что Давиду Беллю, после того как он ушёл из школы в 15 лет, явно не до уроков было, потому и можно себя целыми днями посвящать тренировкам. Не мешал ему и холодный субарктический климат, и не было у него того страха, что преследовал нас, не дай

Бог мы не вернёмся живыми и здоровыми к своим папам и мамам. Да и телосложение, пластичность у нас не те, что у Белля с Рафаэлли. Учитывая это, нетрудно догадаться, что паркурщики из нас были так себе.

Если же вы прочитаете в Википедии подробнее про паркур и неожиданно узнаете, что помимо него есть ещё и фриран, а также если осознаете философскую разницу между этими дисциплинами, то поймёте, насколько мы были далеки и от паркура, и от фрирана. Так как информация доходила до нас урывками, про особенности жизни и философии трейсеров приходилось додумывать самостоятельно. Вот мы и выдумали своё учение маменькиных сыночков, которым остро не хватает адреналина и духа свободы.

Тренировки начались с того, что однажды Денис позвал на прогулку меня и Дрюню и неожиданно повёл к девятиэтажке недалеко от моего дома. Впрочем, точнее будет сказать, что здание десятиэтажное, просто последний находился в полуподвальном помещении, и там находился хлебный магазин. Таким образом с одной стороны здание было девятиэтажным, а с другой десяти. Соответственно вплотную к дому было построено большое число пешеходных лестниц, которые местами застройщик почему-то решил прикрыть толстыми бетонными стенами и всякими решётками. Зачем, непонятно, потому что архитектуру это только портило. Зато появилось место, где Денис впервые и показал нам приём спид – преодоление препятствия на скорости при

опоре о перила или парапет, чтобы при этом ноги двигались параллельно поверхности.

– Видали, как могу? – улыбнулся Денис, закончив трюк.

– Вау! – воскликнули мы с Дроном чуть ли не унисон.

– Научить?

– Разумеется, учи! – продолжал Андрей.

Потом Денис посмотрел на меня.

– А ты?

– Что? – смутился я.

– Научить тебя?

– Я пока просто посмотрю...

Со стороны, когда приём делает тот, кто научился, трюк смотрится легко и просто. Но только ты разбегаешься, как сразу понимаешь, что страх и неуверенность в своих силах даже прыгнуть тебе достаточно высоко не позволяют. Вот и Дрон не смог. Десятки попыток, ушибы и прочие неприятности заставили Дениса сменить локацию.

– Идём на стадион!

Там стояли вкопанные в землю колёса грузовика, на которых было очень легко тренироваться, так как не было страха задеть ногой препятствие. Пара заходов, и Андрей уже понял, как надо выполнять трюк. А там и я присоединился. Несколько попыток, и мы снова возвращаемся к тому бетонному парапету. И вновь десятки неудачных дублей. А потом...

Дрон успешно выполняет спид, да ещё и намного изящ-

нее откровенно неуклюжего Дениса. Конечно, можно сделать скидку, что у него в детстве был перелом позвоночника, но, тем не менее.

– Отлично! – улыбается он и хлопает другу.

А затем и я после десятков попыток таки сумел выполнить трюк. Притом далее мы делали его так играючи, что диву давались, как это у нас получалось. Вроде бы не супермены, не человеки-пауки, а вон же круто так выходит, да? И соглашались сами с собой, ибо ещё вчера делать этот самый спид не умели.

Потом была куча вариантов трюка манки с его вариациями типа кинг конга. Довольно опасная вещь, если не тренировать. Как минимум, нужно быть способным подпрыгнуть на высоту препятствия, чего не требовал предыдущий приём. Главной трудностью с манки было преодоление страха, ведь задеть ногами перила или парапет было проще простого. Результат ошибки может быть фатальным. Помню, видел в школе парня, упавшего с велика и проелозившего лицом по асфальту – внешне со всеми шрамами выглядел как терминатор ближе к финалу каждого фильма. Примерно это и ждало нас в случае неправильного исполнения трюка. И то в лучшем случае. В худшем будет перелом или пробитый череп.

Как подумаешь об этом, сразу десять раз думаешь, прежде чем приступить к тренировкам. И, тем не менее, всё равно пытаешься. Сначала нужно запрыгнуть на препятствие, по-

том стараешься перепрыгнуть, в конце выставляя руки. И только потом начинает получаться. Но учил меня и Андрея этому уже не Денис, а Пашка Калерада и его приятель по кличке Пельмень. Мы с ними позже скорешились через Дена. Хотя как сказать скорешились... Они просто выступили для нас тренерами, показав множество трюков, а также научив нас делать манки. Я тогда заслужил отдельной похвалы от Пельменя.

– А он быстро учится...

– Согласен! – кивнул Калерада.

Впрочем, какого-то тесного сотрудничества у нас не было. В основном они нам показывали более менее простые трюки, так как сами уже давно были заняты более серьёзным делом – сальтухами. Мы же пока к этому делу даже не подходили. Для начала бы научиться простым вещам.

Но что есть в паркуре несложное? Тик-так мы делать научились, но только на препятствиях под небольшим углом. Большого достиг только Денис, сделав тик-так на камне под 85 градусов где-то. Под прямым как надо не вышло ни у кого. Роллы с кэт липами тоже особой сложности не представляли. Первый – обыкновенный кувырок вперёд через плечо, а второй – отталкивание ногой о стену, чтобы взобраться выше её краю. Весьма простая вещь так-то, но чаще бесполезная, ибо подходящих для исполнения препятствий у нас почти не было. Да и роллы мы использовали очень редко, потому что кувыркаться на асфальте больно, а на песке или траве по сути

бессмысленно. Только если, конечно, не с дерева прыгаешь на землю – в этом случае ролл помогает смягчить падение.

Все остальные трюки мы даже тренировать не пытались. И даже не от того, что сложно. Работать над ними было чаще негде и незачем, настолько глупыми и непрактичными они были со всеми этими сальто, разворотами и прочей ерундой. Опять же мешали неплотная застройка и слабая инфраструктура нашего маленького моногорода. Вот так количество освоенных нами эффектных приёмов и пришло фактически к трём и четырём активно используемым. И чаще всего трюки исполнял Денис, а мы с Андреем предпочитали не рисковать: лучше вернуться домой с целым и здоровым телом. Правильно ведь?

Но единственное, чему мы научились без Дениса сами, это был дэш. Эффектный трюк, где перед преодолением препятствия нужно скидывать ноги перед собой. Приём неплохо подходил для преодоления препятствий высотой с капот машины, длиной опять же примерно с автомобиль. Главным страхом вновь была вероятность задеть препятствие ногами и навернуться, но так соблазнительно выглядело желание научиться делать этот трюк раньше Дениса, преуспевшего в паркуре больше нас с Дроном, что мы решили рискнуть...

В тот день Андрей позвал меня на тренировку одного.

Спрашиваю:

– Где Денис?

– Он сегодня с Калерадой занимается.

– А мы что?

– Мы сами по себе... – пожал плечами Андрей, – но я нашёл отличное место для тренировки, поэтому скучать не будем.

– Ладно, пошли!

Местом этим оказался большой и плоский камень на краю города в небольшой посадке, каких в городе было огромное множество – живой свидетель активного таяния ледников в конце Ледникового периода. Таких в Заполярье уйма. Саамы называли такие валуны сейдами и наделяли их чудесными свойствами и сверхъестественной силой, потому молились им как богам. Для нас же это был отличный камень для тренировок, но перед исполнением дэша покровительство высших сил бы не помешало.

Итак, мы приступили к тренировкам. Делали обычный манки, ничего необычного. Но тут внезапно, довольно сильно подскочив, я буквально перепрыгнул весь камень от и до, задев его только задницей. А длины в нём было чуть меньше двух метров, да высота метр. Достижение приличное, и Лёха ожидаемо воскликнул от восторга.

– Ого!

– Сам не ожидал... – отвечал ему я, переводя дыхание.

И тут ему в голову пришла идея.

– Слушай, а ты же можешь дэш сделать...

– Хм... – я задумался. А ведь действительно могу! Тут же я начал пытаться вскидывать ноги вперёд, чтобы получи-

лось. Спустя попыток тридцать уже задевал камень задницей. Андрей за мной не отставал.

И вот заветный выпрыг, и...

– Получилось! – воскликнул восторженный Дрон и тут же кинулся жать мне руку.

– Сам не ожидал... – выдохнул я, переполняемый позитивными эмоциями.

И действительно! У меня получилось вопреки всем ожиданиям. Ведь в сравнении с остальными моя подготовка была откровенно слабой, а тут самым первым из всех сделал. И разве не круто ли это – достичь невиданных для себя высот, когда в тебя никто не верит (даже сам в себя), а ты делаешь, и притом трюк для большинства начинающих трейсеров очень сложный...

Следом получилось и у Андрея. А там мы уже вдоволь напрыгались, зарядившись позитивом от успеха. Уже вечером сумели выцепить Дениса, которого чуть ли не силком потащили к тому камню.

– Смотри! – поочерёдно показываем ему дэш, заставляя того улыбнуться и одобрительно кивнуть.

– Если вы можете, значит и я могу! – отвечал он, и спустя десятки попыток также сумел сделать трюк.

В такие моменты чувствовали себя чуть ли не супергероями. Даже наши бати так не умели. А мы вот можем! А чему ещё научимся...

***

И если я с дэшем достиг предела совершенства, то остальные грезилы большим. Привлекало их сальто – желаемый и лакомый кусочек для любого трейсера. Отчасти глупая и бессмысленная дичь, потому что ну как его применить в преодолении препятствий? Но так красиво же... Вот бы ощутить то чувство свободного падения, когда сигаешь вниз этажа на три, полностью переворачиваясь в воздухе, только без группировки а как натянутая струна! То была несбыточная мечта, о которой мы только мечтали, увидев как то ли Белль, то ли Рафаэлли с башни заднее сальто сделал, приземлившись на песок. И то была самая что ни на есть настоящая реальность, а не виртуальные фантазии создателей Assassin`s Creed.

Но мечта на то и несбыточная, что по сути негде было этот трюк исполнять. Где есть высокая башня, там обязательно кирпичи валяются, потому даже в сугроб сигать страшно, зная, что под снегом колотый бетон, о который можешь ноги переломать. Где ничего снизу не мешает, там высота не подходящая. Впрочем, когда начинали тренировать сальто, к таким местам только присматривались. Сделать же не решались, потому что боялись. Для начала хотя бы научиться переднее и заднее сальто делать с места или пускай с небольшой высоты, но с группировкой.

Что до переднего, то делать его было легко, потому что

хотя бы видел, куда приземляешься. Пусть и не на ноги, а на задницу шандарахался, но уже неплохо. Как у нормальных людей принято, получалось только при прыжке в бассейн, но много туда не находишься, потому что без друзей скучно, а Денис плавать не умел. Андрей же идти без него категорически отказывался, да и больше времени на учёбу в художке тратил.

Оставалось только ждать зиму и тренировать сальто в снег. Так в один из морозных дней мы прогуливались мимо «Атлета» в поисках крутых мест для паркура. Рядом стоял недостроенный фонтан с довольно высокими краями, снизу заполненный снегом почти до самого верха.

– Хм... – задумался я и прыгнул в него, в результате чего провалился по пояс, – ребят, а тут делать сальто вообще круто будет.

Денис с Лёхой подумали-подумали, согласились, да и принялись делать переднее, и я с остальными. Мне, возможно, мешали тяжёлые утеплённые джинсы, но сколько ни пытался, сальто делал на задницу. Остальные же только научились делать переднее как надо, тут же решились попробовать и заднее.

– Ты серьёзно? – удивился я.

– Да! – отвечал Денис, встал спиной к краю и, тяжело выдыхая от волнения, начал повторять, – выпрыг, группировка, приземление. Выпрыг, группировка, приземление.

Наконец, вздохнул и решился. Прыжок, переворот...

Упал не на ноги, а лицом в снег, но таки развернулся в воздухе и приземлился не на шею, но как надо!

– Да!!!

– Ура!!!

Мы с Дроном прыгаем от радости. У Дениса получилось. Целый год к этому шёл, столько попыток, и такой желанный успех! Следом после пары подходов получилось и у Дрона. И вновь искренняя радость! Наконец-то после стольких стараний, преодолевая страх и неуверенность, всё вышло! А потом вновь и вновь сальто всё лучше и лучше, увереннее и увереннее. Как устали, пошли домой, а по дороге прыгали от радости, чуть ли не танцевали. Попытки, разумеется, зафиксировали на видео, и уже вечером хвастались ими перед Калерадой и Пельменем, скинув им ролики через файлообменник по местной локальной сети. То был настоящий прорыв и, возможно, шаг в большое будущее нашей возможной карьеры трейсеров.

Единственное что, в тот момент общий вроде бы для всех праздник жизни мне отчасти испортил Денис.

– А ты будешь пробовать сальто? – спросил он в момент, когда Денис и Дрон сделали и не единожды.

А я... А что я? Я был рад за друзей. Молодцы. Сам же только за всё время моих занятий отметил единственным удачным передним сальто на песке у больницы следующим летом, когда один раз смог приземлиться на ноги, а потом было неудачное переднее на шею уже следующей зимой. Не

сломал только чудом, наверно, да и спасибо мягкому в тот день снегу.

Короче говоря, не дано мне было акробатом стать, да и чёрт с ним. Я совсем не расстраивался и совершенно к этому не стремился уже тогда. Кому-то дано преодолеть страх, ограничения тела и прочие неудобства, чтобы исполнять трюки, а кому-то нет. У меня не вышло. Главное на тот момент это то, что у друзей получилось, и я был за них рад. Что ещё нужно? Разумеется, конечно, хотелось быть с остальными на одной волне, но уж раз не выходило, то и ладно. Мой же отказ делать сальто вызвал на лице Дениса нотку огорчения, но, надеюсь, он всё понимал. По крайней мере претензий за трусость из-за неспособности делать трюки мне не прилетало. Я своего максимума достиг, и был им доволен. А остальным удачи.

Денис с Андреем после этого начали искать всякие разные места для заднего сальто. Правда, второй чуть позже делать их перестал: улетал куда-то всё время в бок и на грани приземления на шею постоянно был. А Денис старался до последнего, делая и переднее, и заднее, и даже с толчком от стены как в Принце Персии. Точнее сказать от почти что прямого камня. Сначала мы Дениса страховали, потом он сам делал. Но пришёл к тому, что делал это с трудом, чуть ли не голову разбивая о поверхность в момент приземления. И тем не менее, у него этот коронный трюк получился...

Конечно, были у него и провалы. Один раз зимой с бомбо-

убежища переднее сальто на снег крутил. Во время очередной из попыток поскользнулся на краю, будто ровная доска, перевернулся в воздухе, да и приземлился плашмя на спину.

Со стороны... Это выглядело очень смешно! Это надо было видеть!

Денис орёт:

– Чего ржёшь?! Помоги! Мне кажется, я спину сломал.

А я в ответ хохочу, до того это нелепо смотрелось со стороны. И вроде понимал, что ему сейчас плохо и больно, потому по сути ничего смешного в происходящем не было. Но сдержаться я ну никак не мог! Успокоился каким-то чудом, да и помог ему встать. Слава Богу, травмы не было, но случай вышел неприятный.

***

И чем больше у Дениса получалось крутить сальто, тем меньше выходило творить всякие разные трюки нам с Андреем. И не стыдно мне будет сказать, что сдался первым и со временем совсем уже забил на паркур, фриран и иже с ними. Разве что только по стройкам любил лазить с остальными, да смотрел как они на скорость соревнуются взбираться на Колизей от первого до последнего этажа.

Именем римского амфитеатра у нас назывался полудостроенный жилой дом напротив спортзала «Наука» в микрорайоне Академгородок. Благодаря тому, что был достро-

ен частично и выглядел со стороны словно горка, Колизей получил большую популярность среди городских трейсеров, как, впрочем, и остальные городские заброшки.

Ребята же от мечты решили не отступаться, потому стали искать способы попасть в гимнастический зал, который у нас был только один, и находился он в местном ДК, предназначенный только для цирковых акробатов. И вы знаете... Это хорошо, что есть хотя бы такой зал, учитывая то, где он находится. Это вам не Москва с Питером, где есть секции спортивной гимнастики с соответствующими спорткомплексами.

Вот для того, чтобы туда попасть, Калерада и привёл на смотрины к руководителю местного цирка Павлу Петровичу нас и ещё ребят десять со всего города, которые тоже бы не прочь научиться крутить двойное и тройное сальто. Тому мужичку, тощему как спичка, было уже за пятьдесят. Носил пышные усы, наверное, ещё с советских времён, шапку гребень и дешёвый спортивный костюм, купленный на вещевом рынке с кедами «Москва».

– Ну что! Показывайте, что умеете! – объявил он.

Тут все и начали крутить сальто одинарные, боковые, двойные с высоты, а ещё что-то по типу штопора, и многое другое. Денис на их фоне смотрелся вяло, но заднее сальто показал. А Дрон что-то даже переднее не стал делать.

Но, тем не менее, его взяли. Взяли вообще всех кроме вашего покорного слуги. Пал Петрович и меня просил что-то сделать:

– Ну! Показывай!

Я же в ответ только головой помотал. Ну не дурак же, чтобы на голом бетоне тебе на потеху сальто крутить. Если даже в снег приземлялся, то на задницу, и то в лучшем случае! Неужели моей смерти хочешь, идиот?!

Денис и Дрон, которых в цирк взяли, потом всё ходили и кичились передо мной:

– Ну и что ты ничего не показал? Мы теперь двойные крутить научимся. А ты что?

А я только плечами пожимал. Уже тогда не к этому тянуло меня по жизни. Ребята же пусть будут счастливы, если стремятся к этому.

Вот только в цирковых занятиях был один малююююсенький нюансик. Там в отличие от профессиональной гимнастики учили не только сальто крутить. Точнее сказать, новичков даже к батуту не подпускали от греха подальше. Они в самом начале учились длинные кувырки делать. Эффектно, конечно, но не сальто. Неужели только этим они и занимались? Нет же! Учились жонглировать, стоять на цилиндрах, выступать клоунами на потеху публике, придумывая миниатюрки. В общем на первых порах их учили всему, но только не столь желанным сальтухам.

Разумеется, ожидания и реальность у пацанов не совпали от слова совсем. И было это до такой степени всё ужасно, что ребята не единожды задумывались цирк бросить. Ведь их только через полгода подпустили к батуту и позволили де-

лать сальто только в страховке, когда на улице они в сугробы только так уже крутили! Дрон один раз на батуте сделал без неё, так Пал Петрович его чуть не убил прям в зале. За Волчака потом остальные впрягались, умоляя в цирке оставить. Сальто ж крутить хотелось всем, а облажаться мог каждый, вот и защищали они друг друга коллективно...

Но последней каплей для неудачливых циркачей стал момент, когда их под угрозой выдворения из цирка заставили на первомайском параде аниматорами батрачить. И это при том, что за каждое занятие пацаны по триста рублей платили. Точнее в аниматоры переквалифицировали Дениса. На него натянули костюм розового слона с неудобными ботинками и огромной, вечно слетавшей с плеч головой с длинным хоботом и ушами. В таком виде он и шёл на параде как представитель местного цирка. А рядом Дрон в костюме шута. И вечно какой-нибудь маленький оболтус мимо пробежит, ноги отдавит или попытается костюм стянуть. Вот вам и паркур! Вот вам и сальтухи!

Как всё закончилось, я встретил ребят в самом дурном расположении духа. И если Дрон просто устало поддакивал Денису, то вот второй в нитье себя не сдерживал.

– Да как же так?! С чего мы блин были обязаны это делать?! Почему Калераду в этом костюме ходить не заставили?! Почему мы?!

– Да не говори!

– Этот костюм поганый достал в край! Голова постоянно

съезжает, ботинки слетают! Ужас просто!

– Это точно!

– Ещё и Пал Петрович говорит: «Выгоню, если не пойдёте!» – урод...

– Вообще козёл!

Потом Денис смотрит на меня.

– А ты чего смотришь? Сам бы не смог так. Сразу бы запыл!

– Да он точно бы не смог... – отмахнулся от меня Дрон.

А я стою и думаю: «А кто бы меня заставил? Да пусть я хоть тысячу раз в цирк пойду заниматься, в их случае лучше было уйти, чем за спасибо аниматорами работать! Вас же никто не заставлял! А вы всё равно ради сальтух ходили... Получили? Распишитесь! Как будто не знали, что такое цирк... Там паркура нет! Там ежедневный изнурительный труд на грани фола, чтобы научиться ходить по канату, постоянная угроза жизни из страха свалиться вниз с большой высоты, издевательства над цирковыми животными со стороны дрессировщиков, и за всё это, если вы не Никулин или братья Запашные, платят копейки. И то, если устроитесь. А там уже не до сальтух будет. В цирке каждый день – самобичевание за гроши, руки и ноги до мозолей и в кровь! Я это знал, я бы и рассказал об этом. Но вы ж сами с усами. Вы трейсеры, акробаты же! Это я трусишка! Вы же рыцари без страха и упрёка... Чего мне вас учить? Кто я вам по статусу, чтобы вам – взрослым людям что-то объяснять?»

Говорить обо всём этом я им не стал, иначе спор наверняка бы закончился дракой. Не в том настроении Денис был, чтобы воспринимать адекватные слова всерьёз и без конфликта. Так что Бог с ним! Пусть мучается. Потом сам уйдёт.

И они вместе с Дроном ушли. Через неделю. Тем более, что к тому времени пора ЕГЭ наступала, и ребятам было совсем не до паркура. А там к 10-11 классу и всё остальное трейсерство и у них сошло на нет. Мы к тому времени, чувствуя вкус свободы и ощущая скорое взросление, пристрастились к сигаретам и пивку с водочкой. А к 11 классу сюда прибавилось ещё и увлечение музыкой. Совсем уже было не до паркура.

***

Чтобы им и дальше заниматься, нужно спонсоров искать. Если хочешь только этим и маяться целыми днями, то жизненно необходимо. Для этого надо было свои клипы делать с трюками. И ладно ещё есть, что показать. А если нечего?

Мы с ребятами так в своё время монтировать ролики и научились. Снимали на видео свои трюки, потом из них клепали клипы. Получалось прикольно. Особенно под Prodigy я ролик понтовый сделал; до сих пор горжусь, пушай тот и не сохранился, так как вставил там пару своих крутых трюков типа дэша или тик-така. Да и ещё так динамично получилось! В общем... До сих пор вспоминаю с ностальгическим

удовольствием.

Но то я. А вообще в плане съёмок асом Дрон был, снимая наши видео под определёнными ракурсами, чтобы смотрелось круче, используя при этом развороты камеры и прочие ухищрения. Впрочем тогда нас с Денисом это не впечатлило. Он мне в беседе тет-атет так и жаловался:

– Бесят уже его ракурсы, ты даже не представляешь как! Все видео портит!

Но одно дело, это хорошо снять и смонтировать, а другое, что показать их было негде. Про YouTube тогда никто не знал, сайт ВКонтакте по нашему мнению был для лошариков. Мы, конечно, потом там тоже зарегистрировались, но тогда он считался лоховским... А больше никаких сервисов для видео нам хорошо знакомых и не было. Всё-таки наш любимый YouTube тогда в 2009 году мало кому известным являлся.

Денис и Дрон не растерялись, да загрузили клип в местный файлообменник, жутко этому радуясь, мол, теперь нас весь город боготворить будет!

По прошествии времени я спросил Дениса:

– Ну что? Стал ли ролик популярным?

– Да не... – усмехнулся он, – оказывается, мы его просто в папку к какому-то левому чуваку загрузили. Да и клип у нас получился не очень.

На том они и закончили, более ничего так и не сняв.

Для чего, собственно, были нужны видео? Если у нас статья

звёздами паркура не получилось, то Калерада с Пельменем к этому стремились, и этого достигли. Каждодневные тренировки позволили им научиться самым головокружительным трюкам, которые и на видео снять было не стыдно. Показав один такой клип владельцу местного спортивного магазина, они стали лицами их рекламной кампании. Тот специально для них выложил: наняли профессионального оператора и монтажёра, сняли бомбический клип, устроили им интервью журналистами для СМИ (где Калерада рассказывал как приёмами из капоэйры сносит всем вокруг головы), а потом стали его крутить в магазине и на ТВ в качестве рекламы. И всё вышло! Тут они пускай скромный, но вкус денег познали. Нам с пацанами оставалось им только позавидовать.

Казалось бы, вот какая удача! Но первый успех быстро сошёл на нет, когда Калерада в один момент просто взял и спился, а Пельмень подсел на наркотики. Все их мечты остались высыхающими каплями на дне бутылки и на кончике шприца.

Тогда же и мы начали пить и курить как черти, позже занявшись музыкой. Больше не хотелось уже никакого паркура, только лишь закончить школу и сдать проклятый ЕГЭ.

А нужно ли оно нам было? Вот до сих пор жалею, что увлёкся этой темой и даже тратил на неё своё время. Вообще никак в жизни не пригодилась. Более того, лучше бы занимался более полезными вещами – игрой на электрогитаре, например. Единственное, в чём был плюс от паркура – на-

учился монтировать видео. А в остальном только без толку тратил время и рисковал здоровьем.

Спустя несколько лет, когда уже учился в универе, а Денис с Дроном вернулись с армии, мы вспомнили старые времена со скупой слезой на глазах. Нам было уже не четырнадцать, конечно, но пока только двадцать. Но, забросив тренировки, никто из нас уже ничего не смог сделать. Мы только лишь шутили на эту тему, посмеиваясь от того, что тратили время на столь бессмысленные и бесполезные вещи, как оказалось позже. По приколу стараясь подготовиться к трюку, мы уже не пытались его повторить, а только смеялись с собственной неуклюжести, почти как VadComedian потешался с самого этого явления паркура в своих кинообзорах. А потом мы с пацанами шли домой, понимая, что как раньше, уже не сможем никогда. А если так, то и к чёрту! Но зато хоть есть, что вспомнить...

Орлёнок, и как меня спасли от расправы

В то утро мать потащила меня в школу чуть ли не силком, и ярости её не было предела...

– Как ты вообще допустил такое?! – негодовала она, – да я в жизнь не могла представить, чтобы у тебя – тихого мальчика всё закончилось так!

– Да мам... – оправдывался в ответ, – я же рассказывал, что произошло!

– Я слышала! И тем не менее меня вызывают в школу вместе с тобой! Значит не всё так безоблачно, как ты утверждаешь! Говори, что случилось!

– Да те две училки... Они долбанутые! Я рассказывал!

– Вот теперь директора и послушаем!

Собственно, у него мы и оказались, как дошли. Там сидел он (Бадюлькин Семён Евстафьевич) вместе с Тамарой Максимовной – моим классным руководителем, учителем математики и по совместительству завучем. Сидели они спокойно, мило и приветливо улыбались, будто пригласили нас на милую беседу ни о чём. Казалось даже на секунду, что встанут на мою сторону, если рассказать им всю ситуацию. Но на деле сходу кинули в пламя...

– Собственно, не будем затягивать и скажем прямо, – начал Семён Евстафьевич, – ситуация сейчас очень простая. Либо ты идёшь и приносишь извинения учителям из третьей школы, либо они пишут на тебя заявление в полицию. Ты уже парень взрослый, выбор за тобой...

А по сути выбора то и не было. Если на меня повесят штраф, то оплачивать его будут родители. А напрягать их из-за своей способности находить на свою голову проблемы, уж очень не хотелось. И я согласился. Иначе никак. Вот только как до этого дошёл?

***

Вообще я военным делом увлёкся ещё с детства, когда в библиотеке родителей нашёл старую советскую книжку «Про Войны». Это была по сути большевистская агитка, внушающая детям стремление защищать советскую Родину от буржуев и фашистов, но настолько хорошо написанная, что вряд ли даже самый прожжённый пацифист не пойдёт в армию, один раз «Про Войны» прочитав.

После прочтения той книги я твёрдо решил стать военным, но жизнь внесла свои коррективы: зрение упало, астма одолела... Короче, служить без вариантов. Но что запрещает этим делом увлекаться? И, собственно, так мою библиотеку и наводнили детские энциклопедии про оружие, танки, военные конфликты и прочие вещи типа игрушечных автоматов, танчиков и солдатиков. А чуть позже с появлением видеоигр типа той же стратегии «Блицкриг», я в военное дело ушёл с головой, прочитав в детской библиотеке все книги про полководцев, выигранные ими битвы, а также анализ их побед или поражений.

Единственное что, походы никогда не любил по многим причинам, а боевая армия большую часть времени в основном проводит в поле. Ну или в казармах, больше походящих на тюремные бараки. Ну и дедовщина – хоть явление и естественное, отчасти даже необходимое для субординации и дисциплины, но вот вообще меня никак не привлекала. Даже наоборот... Отторгала настолько, что я прыгал от радости, когда из-за близорукости меня к службе признали

негодным.

Но опять же это не мешало военным делом увлекаться. Так что программы про оружие, про армию, репортажи с горячих точек, видеоигры про войну, равно как и книги с фильмами были частью моей жизни. Хотелось хотя бы научиться владеть оружием, метко стрелять по мишеням пусть даже из воздушки, как минимум, чтобы хоть как-то удовлетворить свою потребность в углублённом изучении военного дела. Юнармии у нас тогда ещё не было, проект «715 Team» появится только в 2013 году, когда я школу уже закончил, курсов НВП для старшеклассников тоже тогда не имелось. Единственное, где себя хоть как-то во всей милитари-теме можно было реализовать, то была военно-спортивная игра «Орлёнок».

Собственно, что это было? Что-то типа то ли советского ГТО, то ли отдалённое подобие Зарницы, то ли вообще что-то неведомое. Не знаю, с чем можно сравнить, чтобы было понятно тому, кто ни разу не сталкивался, так что просто опишу, чем был «Орлёнок». Играли в неё 10-ти и 11-тиклассники всех школ города в нашем местном спорткомплексе в составе команд. Всего игра состояла из трёх этапов, где на первом нужно было пройти эстафету с переноской муляжей противотанковых мин, разборкой-сборкой автомата Калашникова, а также установкой флагштока на шесте. На втором была стрельба из воздушки, а третий отводился строевой подготовке. Побеждала та команда, что в сово-

купности по этапам наберёт наибольшее количество баллов. Первые три места получали золотые, серебряные и бронзовые медали, а также выдавалась отдельная похвальная грамота для самого меткого стрелка.

Как только узнал про эту игру, сразу ухватился за возможность в этом конкурсе поучаствовать, так как военное дело и милитари-тематика были у меня в крови. Я и военную историю любил, и оружие, и всё, всё, всё с этим связанное! Даже презентацию по матану подготовил под названием «Математика в военном деле»! Разумеется, мимо «Орлёнка» я пройти не смог, потому принялся тренироваться.

Наставником нашей команды выступил учитель ОБЖ и физкультуры Аркадий Петрович – добрейшей души простой русский мужик! Неуклюжий немножко, невысокий, с лысиной на голове и пивным пузом, закрытым от зорких глаз спортивным костюмом, а потому ну уж никак не выглядевший учителем физкультуры в привычном нам понимании. Но не этим был хорошо, а знаниями своими, навыками, умением научить, поддержать, походу приправляя тренировки залихватским юмором. Служи он в армии, там он наверняка был бы тем самым забавным и душевным, но остроумным прапорщиком из анекдотов. Позже он нас и на соревнования по стрельбе готовил, и даже в военную часть свозил. Короче говоря, золотой человек! Архетипичный, образцовый пример душевного русского дядьки.

К слову после той поездки в часть на позиции комплексов

ПВО я в армии разочаровался ещё больше. У пацанов в казарме нет туалета, из-за чего приходится ходить в нужник – Кто не знает, то есть будка с выгребной ямой, которую никто не чистит. Объяснялось это тем, что есть армия подмосковная и помпезная, а есть лесная, где удобств никаких. К тому же ни у одного срочника в части ни единой сигаретки. Уж чем-чем, а этим могли обеспечить...

Так вот Аркадий Петрович, которого за глаза мы звали просто Петровичем, тренировал нас очень хорошо. Настолько ответственно к делу подходил, что даже пульки для воздушных за свой счёт закупал. Также постоянно мы тренировали эстафету и строевую подготовку. Аркадий Петрович учил стрелять и показывал как маршировать.

Было тяжело, но мы учились. Из всех занятий стрельба мне нравилась, разумеется, больше всего. Я ещё на югах из воздушки пулял в платном тире, уже тогда показав хорошую меткость. Только зрение и подводило: моими полуслепыми от миопии глазами куда-то попасть – уже чудо, а тут я даже умудрялся близко к центру пульки укладывать. Даже Аркадий Петрович удивлялся, как это у меня так получается вопреки, кажется, всему! А я просто радовался за себя, что вопреки своему недугу мог дать жару даже здоровым лбам.

Единственное, что не поддавалось мне – это строевая. Ритм держать было тяжело, ровень с остальными идти ещё сложнее. Я постоянно путал левую и правую ногу, забывал, что идти нужно с левой. И как бы ни старался, всё было тщет-

но.

Злился по поводу строевой знатно. Особенно раздражало, что её дрючат в армии. И зачем только?! С одной стороны понятно, что марш в строю повышает дисциплину и обостряет чувство командного духа, где ты ощущаешь себя с товарищами частью одного единого организма, его органом, которые по отдельности мало полезны, а вместе сила! Но с другой стороны времена фаланги, черепахи, стены щитов, линейной тактики пехоты и построений типа карэ давно прошли. Зачем уделять строевой так много времени и сегодня? Бесплезная трата и сил, и времени...

Потому и попросил Аркадия Петровича снять меня со строевой и заменить другим. Он выполнил просьбу, чем облегчил задачу как мне, так и всей команде.

Так подошло время самих соревнований – первых для нас, десятиклассников. Проходили они в течение двух дней. Эстафета и стрельба в первый, а строевая с последующим награждением победителей во второй. Про тот год рассказывать особо нечего, потому что мы тогда победили с серьёзным отрывом, уступив первое место по результатам строевой. Только нужно уточнить в качестве приятного дополнения, что я выступил лучше всех по стрельбе и выиграл отдельную грамоту, чем даже друзей удивил. В остальном приличный результат и хороший задел для возможной победы в следующем году, когда перейдём уже в одиннадцатый класс.

А он, казалось, будет таким же, как и предыдущий. Ну

или так нам хотелось думать, учитывая, что подвоха или беды ничего не предвещало. Тренер у нас остался тот же – Аркадий Петрович, команда, кажется окрепла, готовая передавать опыт уже десятиклассникам. И действительно! Что может пойти не так?

Во-первых, в команде следующего состава хватало и раздолбайства. Особенно нас – ветеранов взбесило то, что молодняк на тренировки с пивом приходил. И ладно закурить! Мы почти всей командой этим грешили. Но чтобы пить пиво и даже просто поддатым приходиться на тренировки... Ну вот это уже точно перебор! Ругались мы по этому поводу с новичками не раз и не два. Образумили их в конце концов только воспитательные лещи.

Во-вторых, в этом году образовалась нехватка людей, поэтому мне пришлось тренировать строевую. Но сколько усердия ни прилагай, если не дано, то и не получится. Так именно я и оказался самым слабым звеном нашей команды в искусстве марша в строю.

Итоговый результат был удручающим. Метившие на первое место, мы из-за плохой строевой даже второе занять не сумели. Слава Богу, вышли на третье, но спасибо хорошо пройденной эстафете.

Но и тут в этом году я был не я. Хорошо начав и обойдя соперника на четыре секунды, замешкался при сборке автомата: затворная рама села в паз неровно, а при попытке поправить её, безнадёжно застряла. Только ударом об стол её

удалось вытащить и вставить обратно в правильном положении. К счастью, несмотря на мой прокол, команда пришла первой с большим отрывом от остальных соперников.

Но не эстафетой единой... В стрельбе первым я как в прошлом году тоже не был, заняв второе место с сорок одним очком против сорока шести у ближайшей соперницы. Причиной послужило то, что Аркадий Петрович выдал другую винтовку, пристрелянную совершенно не так, как мне было привычно. И всё прямо перед соревнованиями.

Это вдвойне обидно, так как во время турнира по стрельбе вне «Орлёнка» ситуация повторилась. Вновь иначе пристрелянная винтовка была не туда, куда я привык. В результате в нижнем левом углу мишени образовалась кучка метких попаданий. Располагаясь они в центре, и я бы смог побороться за первое место, а так получил шомполом по заднице от судьи и ушёл на заслуженное четвёртое, оставшись без наград. Впрочем, пенять на оружие можно бесконечно, но в этом случае уже был виноват конкретно я, ведь знал тогда, куда была винтовка.

А тогда на «Орлёнке» не знал, в результате отстрелял плохо и уходил из спорткомплекса, где всё проводилось, в самом поганом расположении духа с бронзовой медалью на шее, понимая, что можно было вполне и на золото претендовать. Но не сошлось. Увы.

И возвращался домой я в скверном расположении духа далеко не один. Рядом со мной разделял моё уныние Андрию-

ха Волчак из третьей школы, чья команда в прошлом году уходила с золотыми медалями, а в этом расположилась на скромном шестом месте.

Почему так? На самом деле сказать сложно. С одной стороны стрельба у них в этом году оказалась ни к чёрту. Сам Андрей, считавшийся самым метким стрелком, только двадцать три очка из пятидесяти набрал – скверный результат для высшей, так сказать, лиги. А ведь он ещё снайпером в армию идти хотел! С другой же стороны у всей команды, а также у их тренеров сложилось чёткое убеждение, что третью школу засудили на строевой – слишком мало баллов они набрали, хотя шагали вроде бы чётко и без ошибок.

Вот и получилось так, что и я, и Андрей выходили из «Атлета» в самом скверном расположении духа, равно как и вся его команда вместе с тренерами, шедшими впереди нас.

В свойственной себе в школьные годы манере я любой волнующий меня эпизод жизни комментировал, обильно приправляя матом. Настроение отличное – мата много, настроение плохое – мата если не больше, то уж точно не меньше. Вот и в тот день я шёл вместе с хмурым Андрюхой по улице, громко обсуждая причины поражения, а также оскорбляя судей самыми последними словами. Притом, как мне казалось, говорил тихо: голос у меня негромкий, нежный, сипленький, гнусавый немного и даже писклявый чуть-чуть, ибо пубертат, казалось, ко мне и не приходил, оставив с детским чуть поломанным голоском. Оказалось же, что ма-

том орал я ещё как громко, ибо все сокомандники Андрея, шедшие в пятидесяти метрах впереди нас, оказывается, слышали каждое моё слово.

Вообще, сегодня я матерюсь редко, да и то не при людях. Отучился сам уже в зрелом возрасте, когда понял, что матеречь совершенно не красит. Разумеется, крепкие слова использовать не перестал, но Пелевинский мат научил, что если сквернословием и пользоваться, то только в те моменты, когда это звучит к месту и красиво, а не когда и как попало, аналогично тому, как ругаются, например, мужики на стройках или на производствах. Но то уже я в зрелом. А тогда выражений не выбирал совсем, к тому же делая это максимально громко и эмоционально, будто итальянец, на глазах у которого в пиццу добавили ананасы, а спагетти разломали, чтобы те уместились в кастрюле. Вот тогда мне моя дурная привычка и вышла боком.

Одна из учительниц ОБЖ и физкультуры шла впереди и слышала каждый мой мат. И чем больше брани я употреблял, тем быстрее было готово лопнуть её терпение. Но, прежде чем продолжать, стоит сказать, кем она была.

Баба та оказалась боевитая, наработала командный голос, позволявший ей гавкать на школьников, будто командир роты на построении, к тому же обладала навыками рукопашного боя и боевого искусства дзюдо. По внешнему виду выглядела соответствующе: рожа грубая, стрижка короткая, глаза бешеные даже в спокойном состоянии. По словам мате-

ри Андрея Волчака – тоже учительницы, крыша у дамочки протекать начала давно, отчего она дала ей нелицеприятную характеристику – жертва аборта, так как репутация у неё в школе среди учителей была нулевая из-за вечных скандалов в области профессиональной этики. Вечная ругань с учениками, их избиения на уроках ОБЖ и физкультуры были неизменными попутчиками этой грубоватой дамы. И вот с такой и предстояло столкнуться мне.

Неожиданно мы с Андреем увидели, как вся его команда, шедшая спереди, встаёт на месте. Подходим ближе, и эта училка начинает орать как не в себя. А изо рта чуть ли не пена идёт...

– Вот ты считаешь, что идти по улице материться – это нормально?!

Я удивлённо спросил:

– А меня разве было слышно?

– Нет, я тут просто так ругаюсь от нечего делать! Идёт по улице и матом орёт! Совсем охренел или как?! Мне милицию вызвать что ли?!

– Ладно, извините... – отвечаю я, признавая свою ошибку. Раз меня было слышно, то спорить не собирался. Я хоть и матерюсь, но готов признать, что это плохо, когда оное кому-то мешается.

Училка не унималась. Очевидно, она была из тех людей, кого не остановить, если заведёшь.

– Извините?! Это всё, что ты хочешь сказать?! Ты пони-

маешь, что тебя весь город слышал?! Дети маленькие проходили, слышали, бабушки, женщины! И это я про нас не говорю уже! Точно пора милицию вызвать...

– Ну ладно, ладно... Простите ещё раз! Я больше не буду. Только зачем милицию вызывать?

Вопрос мой был очевидным. Ошибку же вроде бы признал, готов был даже замолчать в принципе, если эту истеричку всё так бесило. Но зачем вызывать полицию, если конфликт исчерпан? Понимаю, коли я бы продолжал браниться вопреки просьбам и предупреждениям. Тогда да! Тут бесспорно есть повод ментам на меня настучать, если за то есть статья. Но если ошибку свою признал извинился и пообещал впредь перестать, зачем полицию?!

Потом произошло то, чего я никак не ожидал. Мой очевидный и безобидный по сути вопрос вызвал настоящий шквал эмоций у этой истерички, где переплелись ярость, ненависть, злость, презрение, омерзение и вероятное желание убить меня прямо там рядом с городской детской поликлиникой.

– Зачем полицию?! – завизжала она, – зачем полицию?! Я тебе сейчас покажу, зачем!

В следующее мгновение она подходит ко мне и пытается схватить за руку. Я попятился, не желая ввязываться в конфликт, но та резким броском мангуста таки смогла вцепиться в мою кисть и начала пытаться её выворачивать. Делала она это крайне неуклюже, потому сотворить задуманное так

и не смогла, но старалась с таким усердием, что ещё одно усилие, и я бы уехал в больницу со сломанной рукой.

В такие моменты, когда сумасшедшие истерички поднимают на тебя руку, больше всего ты ожидаешь помощи со стороны, так как в такой ситуации не совсем понятно, как поступать. С одной стороны это женщина, которую бить вроде как нельзя, а с другой применяет против тебя силу и готова уложить тебя по всем правилам дзюдо, не оглядываясь на возможный перелом, который она сделает семнадцатилетнему юноше. Вот как с такими быть в подобной ситуации?

А ведь однажды я уже оказывался в похожей! Идём мы, значит, с Денисом Нигматуллиным около городского рынка. На дворе зима, сугробы – именно из-за них не пройти не проехать. Как раз в том месте, где мы проходили, вроде пешеходная зона, но водители не утруждают себя требованиями правил дорожного движения пропускать ходивших на двух ногах в этих местах. В результате в пешеходной вроде бы зоне не было места, где этот самый двуногий мог бы спокойно обойти чужой автомобиль, не задев. Так, проходя мимо одного из проезжавших мимо детищ российского автопрома, я не устоял в рыхлом снегу и случайно локтём задел зеркало бокового вида на машине.

Из Лады вылезает истеричная бабища средних лет и начинает требовать компенсации за имущество, которое якобы ей сознательно повредили. Я, разумеется, уйду, потому что уверен в своей невиновности. Эта же псина кричит:

– Остановите его! Это вандал! Он повредил мою машину!

Тут же меня буквально на ходу хватает мимо проходивший мужик, да так крепко, что вырваться я не могу, и ведёт меня к этой истеричке. Психопатка уже готовится вызывать милицию. Из всех мужчин, что стали невольными свидетелями ДТП, почему-то никому не пришло в голову спросить меня или Дениса об обстоятельствах происшествия.

Благо нашёлся один, кто осмотрел зеркало и сказал, что оно в порядке. Так меня сразу быстро и отпустили. Но знай хоть кто-то, что это она пешехода не пропустила и меня фактически задела, прижав к краю дороги, хоть один из тех стоявших тогда уродов, не разобравшихся в том, что произошло, помог бы отбиться от этой дуры, или же они продолжали бы слушать ту истеричку, предполагая, что я просто несовершеннолетний вандал?

Тогда за меня заступиться было некому. А тут на моё счастье рядом стоял Андрей Волчак. Когда эта училка попыталась меня заломать, он её остановил, буквально вырвав из её цепких лап.

– Всё! Хватит! – воскликнул он.

– Что значит хватит?! – закричала она уже на него.

– Ты что?! За него?! Не за своих?! – слышались редкие возгласы Андрюхиной команды.

Далее было много ругани, угроз. Имелся даже шанс остаться без зубов, так как среди их команды один был хоккеистом, а второй армянским борцухой. К счастью до этого

не дошло.

Второй, кстати, от меня не отстал. Через несколько дней встретились с ним на улице, когда шли по маленькой тропинке, и тот специально задел меня плечом. А потом, блистая кавказским акцентом, предъявил мне:

– Ле-е, слышь! Ты папутал что ли?! Э-э!

– Вообще-то тропа позволяла разойтись.

– Фсё! Иди, и чтоб на гляза маи большэ нэ попадался!

– И ты мне тоже.

К счастью всё вроде бы закончилось. Шли позже с Андреем в гробовом молчании. Я лишь изредка поражался тому, что с моими извинениями за громкий мат конфликт вроде как должен был быть исчерпан, а на деле разгорелся с новой силой. Да и в конце концов всё можно понять, но учитель не имеет права поднимать руку на ребёнка и пытаться его заломать или завалить, как делала та училка. Какого чёрта тогда произошло?!

До его третьей школы мы дошли в самом скверном расположении духа, пускай с другой стороны и казалось, что всё обошлось. И тут совершили главную ошибку, причиной которой послужил сильный мороз, стоявший в тот день

– Подожди меня внутри. Я сейчас выйду... – говорит мне Андрей, и мы заходим в школу. В ту самую, куда возвращались и те, с кем мы конфликтовали ещё несколько минут назад!

Надо ли быть Вангой, чтобы догадаться, что же произой-

дёт дальше? Только они вернулись, как тут же заметили меня, сидевшего прямо в вестибюле школы, где Андрей попросил его подождать.

– Ого! Он!

– Чё ты тут забыл?!

– Вали из нашей школы!

Я остался сидеть, да и тем более, что никто в конфликт встречать уже вроде бы не захотел. Но рано радовался. Вторая училка, что вела учеников решила на меня таки наехать.

– Вам нельзя находиться в здании школы! Немедленно выйдите отсюда!

– На улице холодно, а я Андрея жду...

– Меня не волнует! Покиньте школу! Посторонним внутри здания находиться нельзя!

– Сейчас Андрей выйдет, и я уйду!

– Выйдите, я сказала!

Справедливости ради можно отметить, что эта уже не пыталась заломать мне руки или прогнуть через спину. Но в тогда я был столь зол после столкновения с её коллегой, что просто не смог сказать ничего иначе:

– Да пошла ты...

И вышел вон.

***

То, что произошло со второй училкой, и стало по итогам

основанием для того, чтобы писать на меня заявление в полицию. Да и до кучи оказалось, что она не просто кто-то там, а завуч школы оказалась ни много, ни мало! Вот на том собрании меня перед фактом и поставили. Мол, идите да извиняйтесь! Не делайте себе хуже. И я пошёл.

Хотел ли я того? Честно говоря, вот вообще никакого желания не было. А имейся оно, так ноги не понесут, настолько не хотелось пред ними унижаться. Но делать было нечего. Оставалось только развести руками и топать на лобное место.

Одно было классно, мои друзья, мои пацаны со мной! До последнего пытались меня защитить, даже школьный устав смотрели, дабы убедиться, что я ничего не нарушал, и завуч в тот день на меня зря наехала. Молодцы! Только их поддержка душу и грела. А с этим и унижаться перед той училкой не так страшно...

И вот я снова в этой злосчастной третьей школе. Захожу внутрь, будто бы в царство кромешного ада. За дверьми мрак практически без света, даже воздух немного смрадный – не такой свежий как в моей родной десятке. Иду по тёмным, мерзопакостным коридорам и нахожу в учительской того завуча. В тот злополучный день она предстала передо мной какой-то пожилой дамой в дешёвом пальто и старческой меховой шляпе. Уже там в кабинете я увидел русоволосую молодую женщину с кислой миной на лице.

– Здравствуйте!

– Да. Что вам?

– Прошу прощения за своё поведение и то, что вам сказал... – проговариваю я на выдохе.

– Хорошо... – спокойно и как бы отрешённо отвечала она. В тот момент у меня возникло стойкое представление о том, что ей на самом деле было глубоко плевать, чего я ей там наговорил. Будто бы и не заметила. Зачем тогда с угрозой заявления в полицию наезжала? Чтобы только это услышать и отпустить?

Хуже вышло с той самой училкой физкультуры и ОБЖ. Только я захожу в зал, эта сразу же окинула меня презрительным и надменным взглядом, как бы говоря: «Ну давай, ничтожество... Я слушаю». Рядом с ней сидела одна из учениц, также смотревшая меня как на какое-то убожество.

– Прошу прощения... – сухо проговариваю я сквозь зубы.

– За что? – спрашивает она в ответ.

Я молча смотрю в пол. Пусть говорит, что хочет: меня уже не заденет.

Продолжает:

– Вот я же вижу, что ты даже не понял, за что извиняешься. Где искренность? Ты не осознал своей ошибки...

Я мысленно отвечаю: «О, да! Виноват в том, что не позволил тебе себя заломать? Ты же заявление в полицию на меня хотела писать ни к селу, ни к городу! Лично её в отличие от их завуча я не оскорблял, за мат тогда извинился. Мой во-

прос «зачем полицию» не мог быть причиной уголовки или даже административки. Я вообще пришёл к тебе чисто лишь бы отстали. Искренне могу только послать тебя как вашего завуча...»

– Ну ладно. Принимаю извинения. Уж иди.

«Ети спасибо нафиг!» – думаю я и тут же ухожу прочь, закрыв эту страницу окончательно, но чувствуя гадкое послевкусие.

Одну только пользу всё это возымело: стал меньше материться и делать это тише на улице.

Школьное самоуправление и пиво в сумке

Признаться, учёба в обычной средней школе – это та ещё мука. Вроде бы ждёшь приключений в духе Гарри Поттера, где каждый год случается какая-то движуха, а на деле каждый день сталкиваешься с ненавистной рутинной и кажушимися неадекватными требованиями учителей. Но был один день в году прекрасный и беззаботный, когда в школу ходить прямо таки хотелось – и то был день самоуправления.

В те дни ученики одиннадцатых классов брали бразды правления в свои руки и становились учителями для остальных школьников. Круты были такие уроки, во-первых, тем, что можно было маленько наплевать на дисциплину. Во-вторых, за эти занятия никогда не ставили двойки. Ну и в-третьих, они шли всего тридцать минут, и домой после таких

занятий приходил где-то в одиннадцать, двенадцать часов, а потому оставалось время и в игры на компьютере поиграть, и погулять с друзьями на улице.

Посему, когда такие уроки, проводимые каждую середину мая, всё же начинались, в школе ещё до начала ощущался праздник свободы и анархии, а все ученики ходили на занятия в приподнятом настроении, ожидая, насколько лёгким и беззаботным окажется грядущий погром в столовке.

Именно таким каждый день самоуправления и был, потому мы с нетерпением ждали не столько его наступления, сколько одиннадцатого класса, чтобы самим хотя бы на день побыть учителями.

Увы, но последние года два день самоуправления почему-то отменяли. С какого чёрта, не знаю. Возможно, предыдущий закончился скандалом каким-то, о котором нам смертным не было известно. А может быть в один момент кто-то понял, что день самоуправления по сути был анархией, потому неприемлем. Короче, в свой одиннадцатый класс мы рисковали остаться без своего заслуженного праздника для души.

Вот только эта самая душа его требовала безотлагательно, потому на одном из школьных собраний мы буквально потребовали от учителей дать нам наш день самоуправления. Руководство долго думало, предоставлять ли нам шанс для своей анархии, но в итоге мы своё требование пробили. На пятницу 13 мая нам был таки назначен наш праздник.

Но если кто-то думает, что к нему мы готовились основательно, то, разумеется, это не так. Нам было всё равно, как он пройдёт. Главное, это будет один день, когда можно расслабиться и не думать о невыполненном домашнем задании и скором экзамене – путёвке во взрослую жизнь.

Так как я был отличником по истории, то мне, разумеется, выпала честь стать учителем именно по этому предмету для одного шестого, одного седьмого и одного девятого класса.

Собственно, я и надеялся провести какую-нибудь коротенькую лекцию и рассказать школьникам чего интересного по истории. Возможно, провести урок так, что кто-то этот предмет да и полюбит.

Весь кайф обломала учительница истории у параллельных классов, которая и дала мне задания.

– Так, смотри! Никаких уроков проводить не надо. У всех этих классов на пятницу назначены проверочные работы, потому, думаю, справишься.

Мне – человеку, будто бы рождённому, чтобы читать лекции по истории, говорят, что надо проводить проверочные работы! И на кой тогда нужен этот день самоуправления, если нельзя вести лекцию по истории? Я в своих фантазиях уже планировал блистать у доски с указкой наперевес, будто Индиана Джонс, ведущий лекцию в «Последнем Крестовом Походе», а вместо этого должен буду вести дурацкие проверочные, которые и без меня так-то можно сделать. Тогда мне, увы, в голову не пришла идея послать всех куда подальше и

таки провести урок, как хочу я, вопреки желанию училки, давшей мне задания. Но по итогу решил, что раз от меня требуют то, что потребовали, я это и выполню.

В итоге на день самоуправления ничего не готовил. Желание было только одно – расслабиться. А раз мы – хозяева в школе, то расслабляться, да шалить нужно по полной программе, чтобы за все одиннадцать лет в течение дня! Так я и взял с собой колонки, чтобы слушать музыку, пачку сигарет, чтобы без палева раскуривать оную в туалете, и банку пивка. Да, это не опечатка и не выдумка. Я взял с собой в школу баночку пива.

Кто-то скажет, что обнаглел в край, и будет прав, потому что взять в школу пиво – это сверх меры. Особенно когда куришь сигарету в туалете сродни позорному душаре в армии в два пыха – главное быстрее, лишь бы не спалили. А тут настолько смелый стал, что взял пиво! И не задумывался вообще, что будет, если спалюсь...

Впрочем, а какое задумываться? Середина мая была, уже не сегодня, завтра поступать в Питер. А если не он, то лишь бы в большой город! Какое мне думать о том, что за две недели до ЕГЭ за подобное меня могут исключить из школы, когда в мыслях я уже в другом городе?

Я и курил уже на расслабоне, тем более, что было место в школе, где можно делать это и не париться. В подвале, не доходя до класса Аркадия Петровича, нашего учителя ОБЖ, был закуток, где можно спокойно почиллить с сигареткой

без страха, что кто-то спалит, да с учётом того, что Аркадию Петровичу вообще всегда по боку было, кто у него там и что курит.

Так что пиво было закономерным итогом одиннадцати школьных лет. Я окончательно превратился из тихого ботаника из седьмого класса в отвязного хулигана из одиннадцатого. А ведь всё началось с первых прогулов уроков в восьмом...

***

День самоуправления был нами встречен с нескрываемым удовольствием. В актовом зале на линейке мы стояли, не скрывая своей радости и улыбок. Вот он – закономерный финал, первый робкий шагок во взрослую жизнь, где мы учимся брать на себя ответственность за других и думать над тем, кого мы своим примером воспитаем. Так нам мог сказать новый директор, вдохновляя на подвиги. Но он был дядей глупым, поэтому промямлил чего-то под нос, да и отпустил нас.

И после сбора, последних рекомендаций одни разошлись по классам, а другие стали готовить для учителей творческие номера, дабы развлечь их, пока мы будем карасиков уму да разуму поучать.

Жара началась с самого первого урока. Пришлось вести занятия у шестого класса. И как раз таки там собрались, наверно, самые форменные раздолбаи со всей школы – один

хуже другого. Главным из шкодников там был Матвей Зудин. Происходил он не из самой благополучной семьи, да и жил в одном из самых злочных районов города. Если конкретнее, то мать у него была алкоголичка, к тому же знавшая, что её сын курит. Любая другая за курение давно бы любимому сыну ремня всыпала за такое. Эта же, наоборот, своему сигареты в школу давала. Жили же они в районе, где территориально располагалась одна из местных ОПГ нашего захолустья. Притом Матвей был то ли сыном одного из бандитов, то ли его мать приходилась сестрой какому-то авторитету. Короче, парнишку ждёт насыщенная и увлекательная жизнь, но не факт, что на свободе.

В таких условиях понятное дело, что ничего путёвого из мальчишки не вырастет. Вот и не выросло. Если в его дневник заглянуть, он в двойках как в шелках. А ещё вечно клянчит у меня сигареты, если пересечёмся. Я одно время его к чёрту посылал, но тот напросился: пришлось угощать. Взамен он даже обещал мне покровительство своей бандитской группировки.

Ещё там были Стасик, Егорик и Артёмка. Ребята довольно весёлые, только разве что приставать любят со всякой дичью.

Разумеется, лекцию таким не считаешь, поэтому пришлось к ним приставать с вопросами: один задал, а потом поставил оценку. Только вот если с остальными всё было нормально, то как дошло до Матвейки, сразу начались проблемы.

– Матвей, скажи-ка! В каком году стояние на реке Угре было?

А он мне заявляет:

– Ничего не знаю и знать не хочу! – ответил он мне это в весьма грубых формах ругательных слов на смех всему классу. Я, конечно, при описании могу сказать и без цензуры, чего он мне там в шутку наговорил, но постараюсь обойтись таки без матерщины.

И вот тут у нас с моим компаньоном... Ах, да! Забыл сказать. Уроки мы вели не в одиночку. Перед днём самоуправления сбились в пары. Я оказался с Сашей Усовым. Вообще ему бы не прочь какой-нибудь другой предмет вести, но он захотел со мной, ибо предпочёл расслабиться, пока урок буду проводить... Угадайте, кто? Я!

И вот тут у нас с моим компаньоном Сашей возникли разногласия. Ладно остальные – хоть что-то да и ответили. И пусть у них всё на тройку было, но пять им хотя бы не стыдно ставить. А тут парнишка ну даже не старался. Вообще всё по барабану. Так вот Саша и говорит:

– Давай ему хотя бы четыре поставим. Ведь учитель истории не поверит же, что этот олух на пять может ответить.

– Поставим пять... – отвечаю я и аккуратно вычерчиваю в журнале пятёрку.

Шёл я в тот день в школу с единственным желанием ни себе, ни другим не портить настроение и поставить всем по пятёрке, да и пусть все катятся к чёрту. На том спор и закон-

чили. Саша махнул рукой, а у круглого двоечника Матвея теперь красовалась единственная в году пятёрка по истории.

Конечно, может показаться, что проведение уроков – дело наискуднейшее. Но только до того момента, когда доходит до дисциплины. Для её поддержания мы решили использовать обычные резинки из канцелярского магазина. Натягиваешь посильнее и бьёшь безобразникам по ушам: визжат как свиношники. Мы так с Сашей развлеклись знатно, наказывая Матвея и остальных за неповиновение. А те, кажется, только и рады были ходить потом с красными ушами. Главное, что на уроке было весело.

Именно этот класс, кстати, потом и проголосовал единственный за то, что мы с Сашей в тот день были лучшими учителями и провели лучшие уроки.

Что до остальных, то урок у восьмого класса выдался скучным. Там я провёл у ребят проверочную, да отпустил домой.

А потом был у седьмого, где мальчиков и девочек собрали самых талантливых и одарённых – таких же, каким был наш класс в своё время. Вот им по сути и надо было читать новый материал. Они наверняка восприняли бы его с огромным интересом. Как минимум, все в течение урока вели себя тихо и даже не пытались нарушить дисциплину.

Да и вообще, как мне кажется, если страна хочет повышать уровень образования, пора отказываться от классов по 25-30 человек и ставить больше маленьких коллективов по

12-15 ребят, если не меньше по возможности. С таким урезанным составом учителю намного проще справиться в плане поддержания дисциплины, плюс тот сможет более активно уделять время каждому из школьников, если, допустим, тот не успеваает.

На самом деле ребята и правда были тихими и послушными. Ни разу за всё время я не повысил ни на кого голос. Наоборот, все тряслись так, будто убивать их собрался. Как задаёшь вопрос: словно в лиственном лесу оказался в ветреную погоду, и стоит только на них взглянуть, так сразу отворачиваются, лишь бы не их спросили. И даже когда они поняли, что двоек за урок не получают, смелости в них не прибавилось.

Одну из девочек я запомнил очень хорошо. И не потому что она была нерусская азербайджанского происхождения с экзотическим именем родом из Индии Нуранова Багира. Но, как минимум, тем, что тряслась она, когда очередь дошла до неё, сильнее всего, будто на расстрел её зазываю. И даже когда в журнале в строчке с её именем стала красоваться пятёрка, она не успокоилась. Тогда я решил немного усложнить ей задачу.

– Багира... Красиво имя. Если скажешь мне, какой пол был у пантеры из «Маугли», поставлю вторую пятёрку.

Та робко помотала головой.

– Не знаю.

– Ладно, всё равно пятёрку вторую поставлю! – улыбнулся

я и тут же увидел, как у девочки заметно поднялось настроение, – в оригинале у Киплинга Багира был самцом. Самкой её сделали советские и польские переводчики, посчитавшие, что грация пантер больше подходит героине-самке. Вот и стала Багира у нас девочкой. Если будете потом участвовать в «Что? Где? Когда?» или в любой другой интеллектуальной игре, а там вам выпадет такой вопрос, то будете знать пол оригинальной пантеры.

Дети в ответ улыбнулись. Им действительно понравился этот факт, чему я был очень рад. Ведь если так подумать, а не таким уж и плохим учителем истории я стану, коль захочу им быть. Работа хоть и нервная, но не такая уж и сложная. Учи себе детей, да учи. А ещё сам новому у детей учишь. Единственное, что смущает – маленькая зарплата. Но тут уже поди не моё призвание. Только руками развести и остаётся.

Единственное, что... Как я заметил конкретно этому классу не слишком то и сильно понравилось, что я им пятёрки ставил. Будто бы спрашивают меня: «А за что нам такой подгон? Чем заслужили?» На этот вопрос им формально ответил Саша:

– Вот вы сейчас, наверно, просто не понимаете, как вам везёт. Во-первых, у вас сейчас есть возможность тупо расслабиться хоть на денёк и просто хорошо и спокойно провести время, где никто не будет вас мучить угрозами поставить двойку за неправильный ответ. Во-вторых, если у вас проблемы какие-то по предметам, то эти пятёрки помогут вам

исправить положение в четверти, если оно плохое. Так что всё, что ни делается сегодня, то для вашего же блага...

И тут, как ни крути, он был прав. Редко когда был такой день в наши беспокойные будни, когда мы могли на уроках хоть чуточку расслабиться и отдохнуть. Ещё реже нам это удавалось сделать в десятом и одиннадцатом классах, когда на носу ЕГЭ, и ни о чём более думать не получается. Так плохо ли это – просто отдохнуть? И им, и нам. Отвлечься от суеты и просто хорошо провести время? Пожалуй, ничего плохого в этом пресловутом дне самоуправления не было.

Более того, раз мы хозяева в школе были в тот день, то имеем право оторваться на полную катушку! Первым делом в тот день из всех классов на переменах из колонок звучала музыка. Негромко, чтобы не смущать учителей, сидевших в актовом зале, но и этого хватало, дабы душа пела. Из моего кабинета, разумеется, на всю долбил рок начиная от Металлики, заканчивая Системой, Линками и Слипкнотом. Надеюсь, от такого музла у проходивших мимо любителей попсы и хип-хопа не хватил Кондрашка...

Во-вторых, раз мы уж были хозяевами в школе на один день, то почему бы нам не закурить? В тот день прокурена была, казалось, вообще вся школа! Кто-то умудрялся пыхтеть прямо в кабинетах на перемене, а кто-то, не стесняясь, ходил в туалет и курил уже там.

В классе я хоть и не решился, но в кабинках мы прокурили вообще всё, что можно. Порою малыши-пятиклассни-

ки просто боялись войти в туалет, если видели там курящих старшиков. Иногда, конечно, выбегали на улицу, благо позволяла теплая для Заполярья майская погода, но это только уже на больших переменах.

Ну и самое главное, что я решил сделать – выпить в школе пивка...

Кто-то скажет, что в край обнаглел, и будет прав. Я действительно не постеснялся и притащил с собой в школу банку с пивом в надежде выпить её в туалете на перемене или прямо на уроке, если будет такая возможность. Почему? Да просто захотел сотворить немыслимое. Я ж уже в одиннадцатом классе учился, а толком так и не похулиганил, дабы потом было, что вспомнить! Всё время вёл себя как ботаник, изредка показывая зубы. А тут учителям вообще плевать, что происходит прямо у них под носом! Потому разве можно отказаться от возможности в день абсолютной анархии в школе не устроить там настоящий трэш?

– Да ты с ума сошёл! – воскликнул изумлённый Саша, – ты пьяный будешь уроки вести?

– Ну да... А почему нет? – ухмыльнулся я.

– Спят же! – полушёпотом почти прошипел Саша.

– Да ну не! – отмахиваюсь, – меня сегодня сама судьба хранит!

– Ну смотри...

Так я и дождался второй длинной перемены и помчал в туалет, чтобы там и выдуть всю баночку целиком, а потом

сидеть и угарать над тем, как ученики будут охреневать, увидев перед собой поддатого учителя.

Там в присутствии двух одноклассников в параллели – моего тогдашнего приятеля и одной девчонки я и открыл банку.

– Ты сдурел? – спрашивает она.

– Не. Всё в порядке! – отвечаю я и протягиваю банку приятелю, – будешь?

Тот берёт пиво и делает робкий, маленький глоточек.

– Эх, дилетант... – улыбаюсь и делаю несколько глубоких глотков ему на зависть.

Но вдруг неожиданно трезвонит звонок.

– Какого чёрта? – возмущаюсь я, – перемена же десять минут должна идти.

– Так сегодня и уроки, и перемены сокращены! Забыл что ли? – спрашивает подруга.

Я бью себя ладошкой по лбу. И действительно сегодня большие перемены сокращены с десяти до семи и с пятнадцати до десяти минут!

Ну и вот что тогда делать?

– Да оставь здесь... – пожимает плечами девчонка.

– Выпей залпом! – улыбается приятель.

Я же понимаю, что сделать этого просто не смогу: газики обязательно попадут в нос, отрыжка доведёт до ручки. Оставлять его в туалете тоже не вариант, потому как желающих выпить будет достаточно. До последнего рассматривал радикальный вариант – тупо вылить напиток в толчок. Но

тут уже мой внутренний скупец взыграл. Уж очень не хотелось мне выкидывать деньги на ветер. Потому выбрал я самый идиотский вариант из всех, что могли прийти в голову. А в этом и был весь я!

Просто беру и засовываю пиво в сумку. «Не выльется...» – думаю про себя и двигаю в кабинет. И уже только там на уроке я обнаружил, как опростоволосился...

Банка с пивом не смогла устоять в ровном положении и повалилась на бок прямо у меня в сумке. И шёл я по коридору, а за мной тянется шлейф пивных капелек! И заметил я это в кабинете прямо перед уроком на глазах у всего класса, от того смеявшегося до упаду.

– Нам кранты... – подытожил Сашка.

– Да ладно! – отмахнулся я, – не смертельно.

Так как выпил половину банки, в сумку вылилось не так уж и много и залило только учебник истории. Вроде бы не смертельно. И как раз именно на нём и погорел.

К концу года пришло время в последний раз сдавать учебники, и, разумеется, я вернул в библиотеку все. Среди них был и тот самый, подпорченный пивом. Мне казалось, что проблемы никто не заметит. Ну пролили и пролили, ерунда ведь какая! Они же не будут нюхать, да и запах не то, чтобы сильный от этого учебника шёл...

Но вот в самый крайний день перед последним звонком ко мне подходит взволнованный Саша.

– Блин! Ты даже не представляешь, что подслушал!

– Что? – наострил уши я.

– Завуч Песцова с Тamarой Максимовной говорили про тебя!

– Что говорили? Что?

– Помнишь, ты пиво пролил на учебник?

– Ну и? Я мог случайно же пролить вне учёбы...

– Так вот они раскопали, расспросив у младших классов, и узнали, что ты пронёс в пиво в школу!

– Да ну... – тут я дар речи потерял, – и... и что?

– Завуч ставила вопрос о твоём исключении, но в итоге решили простить, потому что последние дни учимся!

Вот это всё перевернулось во мне! словно на американских горках покатался. Ведь действительно: мало ли что могло произойти с этим учебником, но чего я точно предположить не мог, так это того, что кто-то из младших меня спалит. Им это зачем надо? С другой стороны, конечно, не учёл я, что принципиальные ябеды среди них точно должны были найтись. Ну и понятно, за такое по головке не погладят, так что результат был предсказуемый – последние деньки учусь, уж отпустите с миром! Но чтобы всерьёз поднимать вопрос прямо таки о моём исключении...

А в принципе чего тревожиться, если по итогам мне ничего за это не было? Раз вышел сухим из воды, значит по жизни крылышки мокнуть не будут. Хороший знак на будущее!

Ну и главная задача выполнена – Под конец года напроказничал я за все одиннадцать классов, чем бесконечно до-

волен, да и был таков!

Руины Империи

Наконец-то, лето! Время – июнь.

Восемь месяцев зимы и полярной ночи позади. В этот раз до мая буквально дотерпел, изнемогая от недосыпа, недостатка витаминов и солнца. На февраль в этом году выдались самые суровые морозы – до минус тридцати пяти. В остальное время мягче. Под конец января, например, ноль градусов было – для Заполярья аномалия феноменальная...

И теперь, я надеюсь, можете представить, каким счастьем для меня и двух моих друзей Дениса и Андрея было ощутить кожей температуру в двадцать градусов тепла, а также наблюдать не заходящее ночью за горизонт солнце! А знали бы вы, каково ощущение снять свои толстые куртки, будто толстенные звериные шкуры, и накинуть поверх нагого тела только футболки, на ноги шорты, а на ногах легкие кеды! Кайф...

Благо ЕГЭ сдавать только в следующем году, а сейчас настала пора 3-х месяцев летних каникул, потому мы и можем отдохнуть и сходить куда-нибудь прогуляться. Правда, в нашем небезызвестном захолустье ходить толком и некуда. Чтобы в поход в горы, надо готовиться, чтобы на озеро купаться, нужно подождать, пока вода нагреется, а то у нас в июне только окончательно лед с водоёмов сходит. На клубы

и кафе денег нет, так что остаётся бесцельно бродить по городу в поисках интересных мест.

Таковыми, увы, были только недостроенные здания, в достатке разбросанные по городу. Тут тебе и заброшенная больница – рай для самоубийц, и недостроенный жилой дом – называли его Колизеем, и пожарная часть – обитель наркоманов и алкашей, ледовый дворец, здание рядом с ним под народным названием "Мавзолей" и ещё довольно много заброшенных и недостроенных руин. Чего стоит одно только здание на Путьской с подкосившейся стеной, выглядевшее так, будто прямиком из Сталинграда 1942 года привезли – даже заходить туда страшно было.

Но всё это уже порядком приелось, особенно если живешь тут не первый год, зная где какой камешек по дороге от дома в университет лежит. Душа требовала настоящих приключений, так что решили мы двинуться в сторону промзоны.

Дойти до промки мы решили через старый город. Называется он так по той причине, что раньше населенного пункта здесь и не было. Только разъезд. И на его месте сначала появилась исследовательская станция ПОСВИР, потом вокзал, исследовательская база, посёлок и уже потом город севернее бывшего разъезда – того самого нынешнего старого города.

Быстро перешли автомобильный мост, дошли до магазина "Урожай", а от него перекресток: одна дорога ведет в сторону трассы Кола, другая как раз куда нужно. Двинули по ней.

Как отошли дальше от города, Дрон нас «порадовал»:

– Знаете, что мы забыли?

– Что? – спросил я.

– Купить попить.

– Зараза...

И это действительно была серьёзная проблема, потому как мы люди северные – чуть жара, сразу подышаем. А температура в тот день стояла +30 – аномально тепло для Заполярья. Но в то же время радостно, учитывая, что лето мы ждём в течение восьми месяцев.

Решили вытерпеть. От того, что пару часов не попил, ещё никто не умирал. Наверно. Так что не смертельно.

Пошли дальше. На пути нашем по правую сторону возникло поле, а чуть дальше сооружённая из камней гора с плоской вершиной, на которой стоял старый сарай.

Андрей воскликнул:

– Давайте взглянем!

– Погнали!

Перебежали через дорогу, перед этим надышавшись пылью с угарным газом от проехавшей по трассе фуры, прошмыгнули через поле и на гору. По бокам склон пологий, так что взбираться легко.

И вот спустя времени меньше минуты мы на вершине. Видок с неё не ахти. Под горой невозделанное поле, а слева сплошной лес. А если повернуться направо, то можно заметить знаменитые своими алкашами и постоянными драками малосемейки. Но в остальном наблюдать с неё окружающую

местность было прикольно, учитывая то, что по этой дороге я никогда не ходил.

– Скорее! – подгоняет нас Андрей. Заходим в сарай.

Внешне независимо от расстояния выглядел он убого. Внутри ситуация не лучше. Построенный из листов то ли жести, то ли алюминия, уже прогнул. То и дело отовсюду зияли дырки. Вместо пола был песок. Дерево, из которых было изготовлены полки, подгнило. На них лежали проржавевшие садовые инструменты и, видимо, уже давно, так как покрылись тонной пыли, либо железо уже раскрошилось на труху. Хозяин, очевидно, уже давно в своей вотчине не появлялся. И только единственное было странно: почему инструменты ещё не украли? Неужели не нашлось даже одного халявщика, пожелавшего бы сдать ржавые лопаты и тяпки на металлолом? Это было ещё более странно, учитывая, что сарай не был заперт на замок. Трогать мы инструмент также не стали, после чего вышли и двинулись дальше.

По пути к промзоне нам попалась заброшенная автозаправка. Если подойти поближе, то можно понять, что бензоколонки были родом из СССР. Аналогичный циферблат можно заметить в сцене с взрывающейся автозаправкой из фильма "Невероятные приключения итальянцев в России".

И вот доходим до промзоны, а там...

Одна сплошная развалюха.

Тут тебе и руины завода ЖБИ, который бетонные панели для зданий города делал, когда тот строился, и разрушенные

остатки цехов других предприятий, выглядевшие так, будто Паулюс с шестой армией прошлись – хоть сегодня бери, да снимай здесь фильм про штурм тракторного завода. Вокруг валялись кучи кирпича и множество кусков битого стекла. А чуть поодаль целый склад под открытым небом из железобетонных конструкций, которые уже никому и никогда не пригодятся.

Чуть поодаль лаяли собаки. Это здесь была главная проблема, ведь эти груды кирпичей, руин формы фигурок из тетриса ещё оставались муниципальной собственностью, а значит находиться здесь нам было категорически запрещено.

Охранник этот с собаками уже оброс массой легенд. И ружьё у него было с боевыми патронами, и собаки породы ротвейлер злые как не знамо кто, и сам этот сторож выглядит будто бы серийный убийца. На деле наверняка был пьяницей и дураком с дворнягой и ружьём, заряженным солью или в лучшем случае травматом. Но в любом случае, хоть он и не был так опасен, как о нём говорили, встреча с охраной на заброшках – вещь всегда неприятная.

Удивительно в принципе было, что какие-то развалины в принципе кому-то сдались. Какой смысл всё это охранять? Может быть, кто-то в администрации всерьёз надеялся когда-нибудь всё восстановить? Вряд ли. Половину цехов мародёры и так разобрали на кирпичи для дач, а весь металлолом и подавно уже спилен. Тут восстанавливать нечего – только сносить. А может быть, есть какая-нибудь возмож-

ность попилить на этом бабки? Тоже отнюдь нет. А если наоборот, то расскажите как, и через год я уже буду отдыхать на Ибнице, а постель со мной поделит топ-модель из журнала "Maxim". Так и знайте.

Но всё куда прозаичнее: у администрации просто не было денег на снос, а пока развалюхи стояли, их по закону нужно охранять. Вот и делал сторож своё дело.

Из-за него нам пришлось включить режим ниндзя. Хотя в тот момент мы больше походили на трёх придурков, старавшихся спрятаться в трёх соснах. Уверен, со стороны это выглядело смешно и нелепо.

Пока мы шли, наблюдали, фотографировали эти развалюхи, одолевало нас удивительное чувство, словно мы юные Индианы Джонсы – бродим по руинам древних развалин и храмов. И вот смотрим мы на этот разваленный завод, словно туристы на остатки пирамид, Парфенона, Баальбека, Пальмиры, Эфеса или римского Колизея. В мыслях крутится множество вопросов: кем было построено, когда и каких усилий стоило соорудить. А самое главное: почему развалилось? А что делать нам, чтобы не стать свидетелями разрушения уже своей новой страны – России?

И если мы были Индианами Джонсами, то за каким артефактом охотились? Наверное, в поисках утраченного некогда нашими предками смысла жизни. И вроде бы нам, таким молодым, глупо ещё на что-то жаловаться в этом плане, но некая потерянность, унаследованная от родителей, наблюда-

лась.

И действительно, после распада СССР наши родители, бабушки и дедушки оказались потерянными. Их, младенцев, словно лишили молока матери с развалом Союза. И в новых условиях и веяниях времени они, воспитанные догмой о том, что государство о вас позаботится, словно бы растерялись. Отлично это продемонстрировал Денис, рассказавший нам как-то о своём дедушке по материнской линии:

– Он мне говорил, что в СССР и старших ценили, и пенсии всегда платили, и деньги были, чтобы поесть. А Союз когда распался, у меня отец, например, охотничий билет купил и ходил на охоту в тундру за олениной. Ей семья и питалась, хотя не в деревне жила! Просто мясо на прилавках присутствовало, а денег, чтобы его купить – нет.

Самое смешное было то, что подобная аналогичная история с родителями была почти у каждого родившегося в 91-98 годах. Все выживали, как могли, и удивительно, что им хватило совести не стать бандитами, проститутками и прочими отбросами общества.

И вот в 1991 году этих людей отвадили мамкину сиську сосать, и растерялись они. Не знали, что делать. А тем временем на их глазах страна, которую они строили, разваливалась на куски. Следом за ней превращалось в прах всё этими людьми так скрупулёзно и бережно отстроенное.

В головах их после возник очевидный вопрос: "А что делать, если смысл жизни наш потерял всяческое значение?"

И никто из идеологов рыночных реформ в России им бы не ответил на него, потому что если коммунизм живёт сказочным и несбыточным будущим, то капитализм суровым и жестоким, но правдивым и оттого неприятным для простого работника настоящим.

Самое ужасное во всей этой ситуации было то, что родители прививали всё, чему воспитали их, своим детям. А каковым было оно – советское воспитание, если взглянуть на него нашими молодыми глазами?

Когда я спросил отца, почему он в 90-е не стал миллиардером или нефтяным магнатом, тот отвечал, что знал своё место. Ведь в СССР о карьере мог мечтать только готовый грызть ползти по карьерной лестнице коммунистической партии и по пути не обгадиться. Другие же по несколько десятков лет у станка от звонка, до звонка пахали, как черти, и не мечтая стать чем-то большим. У людей отняли мечту и право жить так, как они хотят. Единственным способом получить желаемое было начать подъём по карьерной лестнице советской бюрократии – стать депутатом, а оттуда искать лазейки на более высокие и важные посты, например, стать главой города или крупного предприятия. Другой путь состоял в стремлении идти учиться в университеты на те специальности, которые позволяли заниматься государственной службой. Третий путь заключался в стремлении человека идти в искусство, например, кино. Первая проблема всех подобных возможностей состояла в том, что без

влиятельных "ангелов-хранителей" путь наверх в большинстве случаев был для простого человека закрыт. Вторая исходила из банальной "Емелиной" лени. Слишком сложно всё это было, труднодоступно, да и в попытках достичь нужных высот несложно пасть так же низко, как пал Раскольников, зарубивший топором старуху-процентщицу и её дочь. Правда, конкретно в случае с моим отцом ещё стоит оговориться, что "впаривать и втюхивать" он не умеет, а без этого в предпринимательской деятельности долго не проживёшь.

Меня в 90-е и удивляла фантастически поразительная лень у людей, не способных отстоять то, что принадлежало им по праву. Вот нет, чтобы людям, коли уж у них плохие дяди с большими кошельками с помощью бандитов отнимают завод, который они считали своим (государственным), объединиться, скинуться деньгами, приобрести предприятие, выделить инициативную группу из своих, общим голосованием выбрать директора, а если надо, с оружием в руках отстоять своё право на счастливую жизнь. Так нет же! Законными способами решить проблему невозможно, незаконными страшно, а то как семью кормить, если посадят? Вот и остались люди у разбитого корыта, безучастно наблюдая, как их собственность переходит в руки тех, кому плевать на жизнь людей, на их судьбы и семьи, которые просто закроют предприятие и оставят пролетариат безработными, пьяными люмпенами, чьи жёны будут выходить на трассу и торговать собственным телом, чтобы прокормить детей,

а предмет их гордости развалится на глазах или будет разобран по кирпичикам, после чего от него останется только пустой фундамент.

На самом деле так пала и та империя, на руинах которой мы с друзьями сейчас стояли. Желавшие сохранения страны более всего хотели сидеть дома в надежде, что за них там кто-то да и разберётся, а на деле получили кукиш с маслом. Достаточно вспомнить только ситуацию, когда люди на референдуме голосуют за сохранение СССР, а им в ответ плюют в лицо, разваливая их любимую страну, разбирая по кусочкам. Народ взрослый и самостоятельный, не теряя ни секунды, вышел бы на улицы с целью отстаивать своё право жить в той стране, в которой они хотят. А что мы увидели в итоге? Народ поворчал, да и схавал всё, что им подали. И тут должен возникнуть очевидный вопрос: а почему люди остались сидеть дома, не встали грудью на защиту своей родной страны?

Истинная причина, на мой взгляд, заключается в том, то тогда СССР никому не нужным оказался. Но, разумеется, все защитники страны советов с этой версии начнут плевать, поэтому оставим её и послушаем самих сторонников возрождения Союза:

– Мы надеялись, что там наверху за нас всё решат, примут верное решение. А они предали!

Сторонники СССР часто критикуют нынешнюю молодёжь за отсутствие у поколения Z самостоятельности и от-

ветственности. Мол, при Сталине бы вас расстреляли за подобную безалаберность! Но если взглянуть на тех людей, что отказались выходить на улице в 1991 году, были ли они самостоятельными и ответственными перед страной гражданами? Почему они наивно верили в то, что государство им поможет? Почему они отказались взять ситуацию в свои руки?

Ответ прост. Они просто знали своё место и не стали выходить, мол, там наверху лучше знают и сделают как надо, а мы не умеем, не можем, да и незаконно, а страх после сталинских репрессий ведь никуда не исчезал. Что если посадят в тюрьму или того хуже расстреляют? Кто потом семью кормить будет? Ну, и лень матушка, разумеется, никуда не исчезала.

Теперь эти люди грызли локти, считая, что их лишили обещанного рая. Да и любой ад им казался эдемом в сравнении с ельцинской Россией. Конечно, эти люди сегодня, восславляя Сталина, не понимают, что хорошо жили не при нём, а во времена Брежнева, притом первого даже не застав, так как родились позже. Не знали, как жилось тогда, в эпоху репрессий, зато в их памяти навсегда отразились счастливые лица людей на первомайских демонстрациях, вкусное мороженое и другие ностальгические воспоминания из своего прошлого, в котором они бы с радостью застряли бы навсегда, ибо тогда трава была зеленее.

Рассказы об их беззаботной молодости, конечно же, отразились в итоге и на нас, впитывавших всё данное нам роди-

телями начиная с первого дня, который мы запоминаем, когда начинает работать наш разум. Волей-неволей и мы хотели такого же рая, но перед нашими глазами стояли сплошные развалюхи.

Взять только одну больницу в городе, обещавшую стать самой большой в области. Её соорудили буквально за пару лет, но распад Союза вынудил власти прекратить финансирование. И сейчас прямо в центре города на самой главной улице стоит огромный каменный призрак, как безмолвное напоминание рая, который был потерян, для старших и как отличное место для совершения суицида у младших. А проезжая по промышленной зоне и наблюдая наполовину разобраный цех завода ЖБИ моему отцу, работавшему в местном строительном тресте, хотелось буквально реветь. Ведь вот же он, тот въезд в цех, куда он заезжал за бетонными блоками для домов! А вон там бывшее здание столовой, а здесь на парковке стояли все грузовики треста. Я же мог это лишь представлять, заморожено слушая рассказы отца, будучи маленьким ребёнком, словно сказку на ночь о том, что была такая страна, где жили могучие богатыри, за несколько лет выстроив в тундре большущий по нашим меркам город. Ныне же, глядя на эти руины, я пытался представить рассказы отца вновь, закрыв глаза и рисуя картинку. Но пазл не собирался внутри головы, потому как не хватало деталей.

Мы сели на эти разбитые бетонные блоки, так как уже с ног валились – шли уже без малого часа два. Смотрели на

всё вокруг и задавались вопросом. А что досталось нам? Где обещанный нам рай? Почему мы слышим о нём только из отцовских сказок? Неужели эти развалины – и есть те исполины, которыми гордилось советское племя до нас с вами?

Плох тот родитель, что не поставит своего ребёнка на ноги. А само проклятье для дитя, если папа вместо твёрдой почвы под подошвой заставит его стоять на развалинах праотцовского дома, оправдывая всё тем, что в жизни, сынок, всего нужно добиваться самому.

Самому лечиться от рака щитовидки, как от следствия трагедии Чернобыля, самому чистить загрязнённые озёра и реки, леса и поля, самому добиваться небольших высот, с завистью наблюдая, как твои одноклассники становятся суперзвёздами хип-хопа или крупными дядями в бизнесе или в политике (спасибо отцовскому мандату депутата или креслу министра), самому сводить концы с концами, чтобы оплатить ипотеку, осознавая, что родительские долги тоже придётся выплачивать, чтобы получить в наследство квартиру. И далеко не так часто, как хотелось бы, молодёжь выбирается из этого порочного круга, если его в принципе возможно разорвать хотя бы одному проценту людей.

Какое там после этого стремление к самосовершенствованию в физическом, интеллектуальном и духовном плане? В жизнь от зарплаты до зарплаты нравственный рост и самообразование уйдут на десятый план. И уже ничего не будет важным, кроме ненавистной работы. Лишь бы дожить до

следующих выходных.

И понятно, что большинство родителей всё-таки стараются детей на ноги поднять, но, увы, не все. А остальные будут разве что чадо своё кормить максимум, если самим на еду хватит. Ни о какой возможности постараться помочь ребёнку встать на ноги речи не идёт и в помине.

И вот ты уже смотришь на эти развалины и понимаешь, что от детства в итоге не осталось и следа. Настоящее от-вратно, будущее туманно. И живи с этим как хочешь. Как человек, воспитанный в семье людей, которые до того за свои судьбы переживали; до того от сумы до тюрьмы не зарекались, что сейчас остались нищими, никому не нужными, ни на что не способными, а детей превратили в пугливых пикинесов, нежели суровых борцов за свои права, которые за них на деле побороться не способны. Теперь ходи и собирай камни для нового дома по этим руинам, да понадейся, что от старого останется хотя бы фундамент.

Ощущая безмолвную и даже пугающую тишину посреди всех этих развалин, некогда буквально дышавших жизнью, на уме у меня стоял только единственный вопрос. А кем нам стать и что сделать, чтобы нашим детям от нас остался не развал, а хотя бы крепкий фундамент? Какое такое чудо нужно сотворить нам, чтобы сохранить свою новую Родину – Россию? Любить страну? Быть готовым умереть за неё на войне? Терпеть произвол чиновников, воровство министров и жадность олигархов? Или же расшатывать её изнутри, вы-

ходя на бессмысленные протесты в надежде на какие-то прозрачные перемены, что будут творить лица, не внушающие никакого доверия?

Что ждёт впереди нас и всю нашу страну? Какие испытания будут предстоять в будущем? Что уже сейчас мы оставим нашим потомкам? Так много вопросов без ответов...

Увы, нам достались от предков только куски кирпичей, да пыль бетонная, от которой мы сейчас дохали, как заправские курильщики. Вот она – их ностальгия. Мы трогали её руками, ощупывали пальцами, держали на ладонях и даже кидали друг в друга, окончательно слетев с катушек.

От того и требует душа перемен, ибо спать на камнях далеко не так удобно, как может показаться на первый взгляд, если, конечно, вы не валяетесь на гальке. Именно поэтому так важно оставить после себя хоть что-то значимое или хотя бы не разрушить то, что ещё есть...

Многие спрашивают, мол, а в чём он состоит этот пресловутый смысл жизни? Ответ прост: проживи её не зря, не впустию. Оставь после себя хоть что-то. Покажи потомкам, что ты здесь был. Покуда жива память о тебе, жизнь была прожита не зря. Поэтому иди и высеки своё имя в камне. Если не хватает сил, делай детей. Это тоже потомство, пусть и ненадолго, ведь твои правнуки уже не будут ухаживать за твоей могилой, что уже неплохо. А если можешь, построй сам свой дом, изобрети своё колесо, сочини свою песню или стих, а потом опубликуй! Даже самая небольшая мелочь позволит

тебе оставаться в памяти людей на долгие и долгие годы вне зависимости от того, кто и чего увидит!

И ладно, если всё это понимаю я и, надеюсь, мои друзья. Но поймут ли это другие – те, кто будет после? А сохранят ли то, что я построил сегодня? Думаю, что не смогут иначе – только бы сберечь! Для этого им даже не надо будет читать этих строк. Пусть придут на руины, пусть задумаются о судьбах империй и причинах их падения, да и сделают для себя все необходимые выводы. Если не оставим их глупцами и невеждами, то сохранят и преумножат наследие России. И пусть руины красной империи будут им назиданием от предков для потомков, каковы стали для нас. Только так они поймут, что за страну нужно бороться. И только так и только так Россия и впредь будет стоять.

А нам предстояло дойти до дома, и завтра в новый день. Устало дыша, изнывая от жары, мы двинулись дальше...

Что? Где? Когда?

С течением времени, когда прошлое всё больше и больше зарывается в песок, а нынешними достижениями особо не похвастаться, я всё сильнее с ностальгией вспоминаю прошлое, когда трава была зеленее, а ощущение, что вокруг тебя скоро начнётся вращаться целый мир, сильнее.

Ведь нам было, чем гордиться! Сам я с седьмого по десятый класс выигрывал все городские олимпиады по истории.

В одиннадцатом только не выиграл – решил себя испытать в олимпиаде по ОБЖ, но маленько сел в лужу. Зато по географии победителем городских олимпиад я был безусловным в течение всех лет.

Одноклассники мои с параллели всех рвали на КВН. За 10 и 11 класс они дважды становились победителями с большим отрывом. Не меньшими были достижения нашей школы и в области спорта.

Но лично для меня даже большим успехом было участие нашей школьной сборной в интеллектуальной игре «Что? Где? Когда?». Почему? Ну... Просто потому что это «Что? Где? Когда?!»! Достаточно просто разок посмотреть игру по телевизору, чтобы беспamięтно в неё влюбиться. А если посмотрел архивы выпусков игр ещё из Советского Союза, где играл молодой Друзь, то тебя уже явно можно назвать безусловным фанатом игры.

Вот и я, только узнал про то, что уже с седьмого класса можно поиграть в «Что? Где? Когда?», сразу оказался в числе первых шести добровольцев, решивших поучаствовать в интеллектуальном соревновании.

В тот день к нам пришла наш библиотекарь. Хотя ей это занятие вообще не к лицу, учитывая размер её действительно огромной груди... Такие обычно становятся фотомоделями, никак не библиотекарями. И уж никак не кураторами «Что? Где? Когда?». Но в тот день пришла именно она именно в наш класс, обладавший наибольшей успеваемостью сре-

ди остальных. Ибо где ещё, как не у нас, нужно было искать главных знатоков десятой школы?

Правда, команда у нас собралась прямо таки не ахти. Как минимум, троим делать в игре было вообще нечего, ещё двоим, видимо, оказалось просто интересно посмотреть, потому они больше молчали. И за все игры сезона только один из них сумел дать хотя бы одну рабочую версию для ответа.

Впрочем прямо-таки их винить в том, что первые игры у нас были не очень, не стоит. Даже мы втроём: я, Света Соколова и Надя Алёхина – не имели достаточно опыта, коммуникации и химии друг с другом, чтобы играть успешно и выигрывать. Нередко оказывалось так, что я, имея характер серой мышки, оставался просто неслышанным со своей верной версией, и оттого были у нас достаточно болезненные неудачи вплоть до последнего места однажды.

Увы, тогда название нашей команды «Виктория» – то бишь победа (а не женское имя, если что) не совсем соотносилось с результатами команды в общем зачёте. Но всему своё время...

***

Так бы мы играли и впредь, но всё изменилось в следующем сезоне, когда завуч школы и по совместительству классный руководитель наших одноклассников с параллели вдруг решила, что её детки тоже имеют право участвовать в «Что?

Где? Когда?». В тот же день меня просто поставили перед фактом, что я больше не в команде.

Обидно ли было? Ну, конечно! Я любил игру, мне нравилось отвечать на вопросы, мне нравилось ощущать эмоции доброго такого огорчения от неправильного ответа, а также искренней радости при правильном. И даже когда проигрываешь, никогда не услышишь упреков от других, мол, это ты что-то не так сделал, как, например, при игре в флорбол, в пионербол, воллейбол или в футбол. В «Что? Где? Когда?» действительно важна не победа, а участие, поэтому никто слабые звенья не искал. Все просто играли и получали удовольствие! За это я любил игру и воспринял исключение из команды только потому, что завуч решила, якобы её подопечные тоже имеют право играть постольку поскольку, вызвала во мне бурю негодования, ибо я не последним человеком в команде был, часто выдавая верные версии.

Обида была большая, конечно, но не настолько, чтобы я бросил посещать игры. Наоборот, даже в то время, пока был в изгнании, не пропустил ни одной, устраиваясь в зале в качестве зрителя!

Один раз даже меня выгнали из зала за подсказку. Ведущий каким-то образом заметил, что я переписывался по телефону с одним из игроков нашей команды. Вопрос был тогда про батончик «Марс» – очень простой, но никто кроме меня из наших ответа на него не знал. Вот я и рискнул. Там, конечно, виноват сокомандник, задёргавшийся после

того как я отправил ему SMS-сообщение, что было хорошо заметно. Но, тем не менее...

С тех пор, даже если я и знал ответы на вопросы, то не подсказывал. Просто слушал задания, отвечал на некоторые и постоянно доказывал, что из команды меня выгнали зазря.

Однажды был вопрос про треугольник из точек, на который я ответил верно. Именно в тот момент наш тогдашний куратор и спросила:

– А почему ты не в команде?

– Не знаю... – пожимаю плечами я.

Спрашивайте у завуча. Это она меня из команды выкинула. Я тогда, конечно, ничего этого не сказал, но очень хотелось, настолько вся эта ситуация задевала за живое.

Впрочем, даже моя сдержанная реакция таки дала результат. Уже в следующей игре я вновь вернулся в команду. И пускай она была последней в сезоне, но само по себе возвращение как таковое уже было чудом, как мне показалось. Так что и этому я оказался рад.

***

Наступивший десятый класс у нас отметился сменой состава команды. Фундаментом у неё теперь был наш физмат. То был я, Света Соколова, Витя Лопатин, Кристина Малышева и Арсений Просов. Единственным игроком со стороны был тогда ещё девятиклассник Артём Гаврилов. В тот мо-

мент состав мне казался максимально слабым, так как ни Нади Алёхиной не было (она к тому времени перевелась в другую школу), ни Юли Паулаускас, ни даже Сани Терехова!

Но всё познаётся в сравнении! Я знал составы и сильнее из тех, с которыми играл, но далеко не всегда нам удавалось занять призовые места. Тут же с самой первой игры сезона и до самого финала... **НИ РАЗУ НЕ БЫЛО ИГРЫ, ГДЕ МЫ БЫ НЕ ЗАНЯЛИ ПЕРВОГО МЕСТА!** Ни разу мы не спустились даже на второе или третье! В течение всех десяти игр в двух сезонах мы не оставляли даже шанса остальным командам! И что самое удивительное, и в следующем году даже надежды на победу не оставили. Наш единственный серьёзный соперник – команда «Максимум» из Шестой школы отставала от нас на две, если не на три головы. Прежде они рвали нас примерно в половине игр, а тут даже минимальную конкуренцию составить не смогли! Разве это не поразительно?!

Главной ударной силой у нас были девчонки. Реже Малышева. А вот Светка Соколова рвала и метала правильными ответами. Пожалуй, только за счёт неё мы первыми и держались. Из парней в лучшую сторону отличался Гаврилов. Остальные двое были на подхвате, но по правде говоря их можно было бы и заменить...

Что же до меня, то я работал 50 на 50. Были среди моих игр и достойные примеры ответов, и обидные провалы.

Среди первых можно отметить вопрос про китайских чи-

новников. В зал внесли чёрный ящик и спросили, как всех госслужащих называли в Поднебесной в древние времена? А фрукт с похожим русским словом и лежит в чёрном ящике. И это тот самый вопрос, где я врываюсь под конец с криком на весь зал:

– Господин ведущий, у нас досрочный ответ!

Все расхохотались. Распорядитель также посмеялся, и только смог ответить:

– Команда «Виктория», опять вы? Хоть один шанс соперникам оставите?

Мы всей командой переглянулись. Конечно, гордый «Варяг» врагу не сдаётся! Собственно, когда настала пора ответа, я взял микрофон и ответил:

– В чёрном ящике лежит мандарин!

– И это правильный ответ! Балл уходит команде «Виктория», команде «Максимум» и команде «Полярная сова»! Молодцы!

После вопроса сокомандник спросил меня:

– А откуда ты знал ответ на вопрос?

– Учитель истории ещё в пятом классе рассказывал!

– Хм... Да... Я припоминаю! Действительно рассказывал.

– Хороший учитель. Помог сквозь года! – улыбнулся я.

Обидными для меня были два вопроса. Первый про флаг красного и белого цветов в Восточной Европе. Я ответил, что Польша (ведущий отметил мою версию как хорошую), а была Белоруссия. Второй вопрос был связан с советским

ставленником в Польше. Я тогда ответил, что это был Жуков. Когда же ведущий назвал правильный ответ:

– Это был Константин Константинович Рокоссовский! – то я схватился за голову, сморщился от досады и чуть ли не воскликнул на весь зал:

– Господи, так Рокоссовский же поляк! Это же так просто и очевидно было! Так просто...

То были нереальные эмоции, где ты в один момент мог и удивиться новому знанию, и обрадоваться искренне правильному ответу, и вытрясти из себя душу от досады, ведь знал же верную версию!

Последняя игра последнего сезона школьного этапа прошла десятого мая. В ней мы опять победили. Второй раз подряд были безоговорочными лидерами. Когда во время награждения нас пригласили на сцену, ведущий, жюри и соперники искренне аплодировали нам и улыбались. Ведь сколько бы в этой игре соревновательного элемента, «Что? Где? Когда?» полюбили не за дух соперничества, а за его отсутствие. Даже точнее сказать, какая команда ни появится на экране, ты болеешь за любую из них, и за любого телезрителя, задавшего интересный вопрос. Эта игра – детище советского времени. Она не выделяет лучшего, но является синонимом выражения «победила дружба». Даже если ты занимаешь последнее место, то не являешься проигравшим. Эта игра каждого подзаряжает не наигранными, а реальными эмоциями! А точнее целой гаммой эмоций, которых в ре-

альной жизни не всегда испытываешь! А ещё мы получаем знания – а это ведь и есть главная ценность и главная награда в «Что? Где? Когда?»!

Хотя врать не буду! Конечно, мы себя в этот момент олимпийскими богами чувствовали. Но и ранее, когда проигрывали и держались в середине рейтинга, мы же не ощущали себя проигравшими... Наоборот, с таким удовольствием проходила каждая игра, где никогда никто не скажет, что ты обуза команды. Сама обуза это понимала и уходила с игры. Оставались те, кто хотел и мог. Именно из таких по итогам и состояла наша золотая команда. Именно мы и заслужили доставшиеся нам дипломы абсолютных победителей двух сезонов. И это было круто.

То происходило в 2010 и 2011 годы. Наша школа была самой крутой в городе по всем соревнованиям: призовые места в спортивных дисциплинах, в «Орлёнке», в КВН... И я счастлив быть причастным к тому, что и в игре «Что? Где? Когда?» наша команда являлась абсолютным лидером! Мы рвали всех, и то было бесспорно!

Школьная травля

Перед началом этой истории, наверно, стоит сказать, что рос я ребёнком добрым и неконфликтным, стараясь и мухи не обидеть. И дело было не в плохом воспитании отца, как, наверно, подумают многие. Он как раз, наоборот, учил меня

в случае чего давать сдачи. Это я отца не слушался, и чаще всего первые конфликты с одноклассниками решались толкотнёй и борьбой, где я чаще проигрывал. Кто кого сильнее толкнёт или повалит, тот и победил, а у меня в детстве – спички не получалось. Да и в конце концов каждый из нас был прекрасно осведомлён, что за любые увечья одноклассникам будут отвечать в итоге наши родители. Вот мы и бодались, но кулаками дело никогда не решали.

Потому удивляться, что произойдёт позже, в этом контексте совершенно не стоит. Я не просто никогда не умел драться, но даже и помышлять решать дело кулаками не помышлял. А стоило бы...

Первый серьёзный конфликт у меня был с азербайджанцем Ферузом – известным в нашем захолустье малолетним хулиганом, любившим вымогать деньги у тех, кто слабее его. И да, нам было ещё только по семь лет, а Феруз уже в своём молокососном возрасте не стеснялся ставить других детей на счётчик. И каждый раз все попытки объяснить его родителям, что их сын, мягко говоря, поступает мерзко, заканчивались ничем. Видимо, отец его считал себя хозяином земли русской, а всех её коренных недочеловеками, потому и сына учил с нами себя вести как со скотиной, которая ему по жизни должна. А на его действия попробуй, нажалуйся – сразу нацистом назовут. А ведь им быть на постсоветском пространстве русскому ну никак нельзя: деды же красное знамя над Берлином не зря поднимали. А вымогать деньги, конеч-

но, можно. Древняя кавказская традиция, правда же?

К своему стыду я Феруза очень сильно боялся. Правда, сколько он меня на счётчик ни пытался поставить, ни копейки ему не дал. Старался каждый раз убежать. Но, увы, когда с ним сталкивался, постоянно всхлипывал и пускал сопли, вместо того, чтобы в рожу ему дать. Оттого и стыдно.

Один раз с ним даже сцепился мой корешок Денис Нигматуллин. Я сначала в страхе убежал. А потом вдруг осознал, что поступаю некрасиво, и тут же вернулся. А там вместо того, чтобы ногой стукнуть Феруза в спину, начал кричать над ним:

– А ну отпусти Дениса, козёл!

То была вся моя помощь. Опять же к стыду.

Конфликт с ним закончился быстро, так как он уехал. Но уже тогда я должен был делать выводы и как-то учиться быть... Не сказать, конечно, что быть мужчиной – равно со всеми без разбора драться. Но для того, чтобы за себя постоять, иногда нужно было уметь дать по морде. А у меня рука не поднималась, и хоть убей. Я вообще раньше во время драки постоянно чувствовал слабость и немощь в руках и ногах, сковывавшие движения, даже если противник заочно слабее, и вот вообще с этим ничего нельзя было поделаться. А ведь так вечно продолжаться не могло...

Увы, понимать я это начал слишком поздно...

***

И вот настал четвёртый класс. Начальная школа уже почти закончилась. Скоро начнётся средняя, пойдут профильные предметы типа истории с географией, и никакого тебе тут скучного природоведения. Но то будет потом.

Уроки уроками, но без спортивных соревнований между классами параллели ни одна четверть не обходилась. Одно из них и произошло 4 октября 2004 года в стенах большого спортзала нашей школы. Игра называлась «Последний герой» и была посвящена теме выживания в дикой природе. Условно, конечно. В реальности «выживать» приходилось тем, кто там в той самой телепередаче на острове сидел и слушал наставления Серёги Бодрова младшего каждый вечер. А у нас в зале условные задачи. Типа добыть воду, собрать ночлежку и так далее...

А там и подошли к сохранению огня.

Но прежде стоит сказать, что желание участвовать в игре было добровольным. Никто не заставлял. Например, два моих одноклассника так и встали в позу, сказав, что участвовать в этой игре не будут.

На мой вопрос, почему, с улыбкой отвечали:

– Нафиг надо?

Тогда я это воспринял как предательство интересов класса. Ведь мы же одна команда, из одного котла, считай, едим. Как оказалось, ребята были куда дальновиднее наивного меня. Иногда пассивность лучше, чем какая-либо активность,

что может инициировать вред коллективу. Это я очень хорошо понял уже после игры. А тогда говорил им:

– Да как вам не стыдно – не защитить чести класса и кинуть нас в такой серьёзный момент?

Те в ответ молчали, улыбались и пожимали плечами, а я в ответ качал головой из-за негодования. Сейчас же жалею, что не сидел на той скамейке вместе с ними...

Суть конкурса по сохранению огня была простой и незамысловатой. Это была эстафета, где нужно пройти с зажжённой свечой через зал как можно быстрее, сделав небольшой круг. Вроде просто, но пламя каким-то образом ещё надо постараться не потушить, ведь со свечой необходимо двигаться...

На своё горе буквально за пару дней до соревнования я увидел по телевизору сюжет про Олега Янковского и его опыт съёмок фильма «Ностальгия» Андрея Арсеньевича Тарковского. Там в одной из сцен герой Янковского ходит по дну засохшего бассейна со свечой в руках. Ходит медленно, стараясь сохранить огонь от сильного ветра.

Как только началась игра, я сразу вспомнил про эту тактику и решил согласно ей действовать, чтобы победить на конкурсе. Ни на кого не смотрел, никого слушать не собирался, даже если бы кто чего посоветовал. Огонь свечи мне тогда казался настолько хрупкой субстанцией, что один раз неудачно дёрнешься – сразу потухнет.

Так, только прозвучал свисток, я сразу двинул неболь-

шими, медленными шажками вперёд, бережно прикрывая огонь рукой. И вроде бы ничего страшного, Но мой соперник с параллели рванул намного быстрее, кажется, совершенно не побаиваясь сдуть пламя. Я же продолжал двигаться со скоростью улитки, стараясь не обращать внимания на происходящее. Рано или поздно же у него свеча должна была потухнуть! Возникающие при быстром шаге потоки воздуха сдуют! Ну точно же сдуют! Правда, ведь?

Не только не сдули, но и пока я шёл, на выполнение эстафеты уже пошёл второй участник. А за ним уже готовился третий.

Одноклассники уже кричат мне вслед:

- Ты можешь быстрее?!
- Да почему так медленно?!
- Быстрее давай!
- Дурак! Совсем с ума сошёл!
- Ты издеваешься?!

В итоге я, конечно, дошёл и передал так и не потухший огонь, что уже достижение. Но весьма скромное, так как в эстафете мы проиграли с большим отрывом. А я продолжал слушать гневные возгласы моих одноклассников, совершенно не стеснявшихся в выражениях, чтобы рассказать мне, какое я ничтожество.

С одной стороны прекрасно понимал, что сделал всё медленно. Это понятно. Хотел как лучше, а получилось как всегда. Но отчитывали меня так, будто из-за промедления ката-

строфа вселенского масштаба случилась. Отчитывали те же самые сверстники, которые и сами могли совершить ошибку или всё испортить. Да и соревнование не настолько важное, чтобы из-за него так переживать. За что они со мной так? Сейчас, конечно, было понятно, что они были детьми как и я, потому и не осознавали порою некоторых вещей. Но даже если бы мне объяснили это тогда, легче мне от этого бы не стало...

Ведь это было только начало! Как пришёл со школы на следующий день, сразу стал в глазах одноклассников изгоем. Будто прокажённого они не подпускали меня к себе, не желали со мной говорить, постоянно оскорбляли и только искали повод ещё больше унижить.

Даже те, кого я считал своими друзьями, в один момент отвернулись от меня. Вся вселенная схлопнулась, лёд треснул под ногами, земля перевернулась, а магнитные полюса поменяли своё расположение. И всё потому, что я не понёс зажжённую свечу быстрее.

Школьный день проходил за школьным днём, а отношение одноклассников не менялось. Меня сделали изгоем и начали травить по полной программе, всё сильнее с каждым разом.

Раньше мы любили всем классом собираться у стола Нины Трошенковой и смотреть на её новые рисунки в стиле аниме. Теперь же только я пытался подойти к её столу, она тут же возмущённая раздражённо спрашивала:

– Тебе разрешали к моему столу подходить?!

Однажды я пришёл в школу с матерью. Когда она увидела, что весь класс стоит около стола Нины, а я сижу за своей партой, то удивлённо спросила:

– А почему ты не подходишь?

Нахмурившись, отвечал:

– Не хочу.

В этот момент, повернувшись, я смотрел на лицо Нины. Она то и дело поглядывала на меня – смотрела, стану или не стану ли к ним подходить? Ведь при моей матери никто меня унижать не будет, но и терпеть прокажённого изгоя рядом никто не желал.

Потом мне ещё наш классный руководитель Эльвира Петровна Соколова звонила и объясняла:

– Не стоит переживать из-за этого.

А я в ответ думаю: «Не дура ли ты? Я из-за этого пламени не переживаю. Всё делал правильно, лишь бы оно не потухло! Ты этим козлам, что являются моими одноклассниками, объясни, что считать меня за недочеловека с ярмом опущенного на зоне по жизни из-за какого-то дурацкого конкурса – это как-то неправильно...»

Ах, да... Стала ли она что-то делать? Нет. Никогда и ни с кем ни разу по этой теме не поговорила, закрывая глаза на то, что со мной происходило, и как мне поганили жизнь. Родители же обо всём знали, но не думали, что ситуация настолько плохая. Отец то успокоит, показывая, что если бежать с

пламенем, оно не потухнет, то скажет, что всем, кто меня задевает, надо бить по морде. Был ещё вариант перевестись в другую школу, но страх, как покажу себя перед новым коллективом, не оставлял. Изменится ли вообще хоть что-то от перевода, или там меня вновь будут держать за недочеловека? Поэтому я и остался. Зря. Но тогда, увы, жил предрассудками и страхами.

Когда заканчивался четвёртый класс, нам на выпуск из начальной школы заказали шикарный торт со свечами.

Эльвира Петровна сказала:

– Загадайте желание, задуйте свечи, и тогда ваше желание непременно сбудется.

Я загадал самое простое и заветное в тот момент: «Пусть мои одноклассники снова начнут относиться ко мне хорошо...» – и задул свечи.

***

Желание не сбылось ни в пятом классе, ни в шестом. Я переживал ад каждый божий день, я ненавидел жизнь, я ненавидел и презирал всё вокруг... Взаимно. Потому что жизнь не забывала каждый день выливать на меня ушаты разнообразных помоев.

Однажды было такое, что мои учебники по русскому выбросили в мусорку, а я был вынужден их оттуда доставать. Учительница по русскому Лилия Александровна стояла

в шоке. Думал, что сейчас устроит разнос, но промолчала. Впрочем, и другие учителя тоже плевали на всё, что со мной происходило. Делали вид, что им не всё равно, а когда у них спрашивали, какая атмосфера в коллективе, занимались очковтирательством.

Учебники ерунда? Однажды меня избили, а после в лежащего ещё и начали буквально плевать. Бывало и били просто так, ни за что, нападая со спины. А как кидали мусор в ранец? Это уже перебор? Били по самому надуманному поводу, просто так, потому что я был мягким человеком и не пытался дать сдачи. А ещё распускали слухи, оскорбляли за ношение очков и т. д. и т. п. Ну и как вишенка на торте, теперь этим начали заниматься и одноклассники с параллели.

Хотя, пожалуй, хуже было, когда у меня деньги за якобы испорченные мной компакт-диски вымогали ребята из старших классов. То ко мне домой придут, то в раздевалке поймают, то ещё что-то сделают, лишь бы оттяпать у меня двадцать рублей в неделю в качестве уплаты за диск. А тогда за эти деньги, между прочим, можно было банку колы и пачку чипсов купить! Однажды мне от таких пришлось в Питер уезжать на несколько дней, лишь бы отстали, да улеглось. Короче говоря, жизнь моя была не сахар...

Кто-то скажет, что это терпильство, и будет прав. Но не обессудьте ребёнка за мягкость характера. Я был слишком наивен и верил в добро.

Впрочем, недолго. Что делает человек, которого унижают

сильные, но есть и те, кто слабее? Начинают отрываться на этих самых более слабых. Так что я принялся приставать к девчонкам. Сразу быстро получил клеймо какого-то чудовища, которого все постоянно шугались, и, что самое ужасное, к этому своему амплу привык, даже получая от него удовольствие.

Ведь что может быть более смешнее, чем ситуация, когда ты, завывая как зомби, просто выставляешь перед собой руки и просто подходишь к Свете Соколовой, а она начинает визжать будто бы свинка на скотобойне только от одного вида вытянутых рук? Конечно, понятно, что видевшая каждый день во мне образ недочеловека, она на подсознательном уровне воспринимала меня как уродца и чудовище, но блин... Нелепо всё это было, оттого и смешно. И учитывая весь тот ужас, что творился со мной усилиями «любимых» одноклассничков, порою это была единственная отдушина, доставлявшая удовольствие – смеяться над визгами нелепой одноклассницы, столь сильно боявшейся моей руки.

Хотя однажды было не до смеха. Один раз такие нелепые шалости закончились тем, что Светка Соколова натурально съездила мне по лицу. Я, не ожидавший удара (это было последним, чего ждал от хрупкой девочки), словил кулак своими очками.

И только представьте себе! Повторюсь, хрупкая девочка, буквально дюймовочка, аленький цветочек бьёт кулаком и попадает по очкам с такой силой, что толстая линза разби-

вається на мелкіє куски, один из которых попадаєт мне в кожу под глазом и вызывает сильное кровотечение, а крепкіє края оправы сминаются в той форме, каковую приобрёл в момент удара влетевший в лицо кулак.

В итоге я остался без очков. Меня ведут к медсестре накладывать шов. Иду по коридору через всю школу и наблюдаю, как остальные школьники ахают, наблюдая человека, у которого из-под глаза течёт кровь. Мне же становится страшно от одних только слов медсестры, что надо накладывать швы. Я, когда слышу это, в истерике кричу:

– Не надо никаких швов! – так как очень боялся, что меня будут натурально прокалывать иглой. В итоге с десятков ватных тампонов на меня потратили.

Соколова же убегает в слезах домой. А я, вернувшись, говорю всему классу:

– Скажите этой Свете – китаёзе, чтобы шла записываться на карате, так как удар у неё получился, однако, залихватский!

На том смешном моменте и закончим это маленькое и весёлое отступление от темы, тем не менее, показывающее, что даже сама мысль о том, что я могу до них дотронуться, вызвала у некоторых истерику, а также желание самообороняться, Хотя ничего плохого вроде бы не делал...

Короче говоря, роль изгоя и страшного монстра закрепилась за мной до самого седьмого класса. А потом произошло то, что отлично характеризует по жизни подлых людей.

Мой отец осенью в начале седьмого года обучения организовал всему классу поездку на турбазу – очень крутую! Там тебе и огромные качели, и два корта для волейбола и футбола, и баня, и живописное побережье озера, и деревянная дорожка по болоту проложена. Там было ещё много всего интересного.

Разумеется, одноклассникам идея поездки туда очень понравилась, и было особенно весело смотреть, как одни из главных зачинщиков травли теперь пресмыкались предомной, общались как с человеком и старались всячески воспринимать за своего. И как потом вновь стали травить, когда поездки на турбазу прекратились. Больших подлецов попробуй – найди...

***

В восьмом классе к нам в школу перевёлся новичок – Денис Топилин. Парень он был без башни в прямом смысле, частенько наезжая на всех подряд. Бывало – давал люлей, бывало – получал. Хулиганил так, как никто в нашем классе прежде. Именно насмотревшись на него, я в своё время полюбил прогуливать уроки. Учителей Топилин не боялся, а порою даже сам на них наезжал. Правда, никогда это ему успеха не приносило.

Например, однажды Лилия Александровна буквально закидала его двойками и тройками, из-за чего тот рисковал

чуть ли не на второй год остаться. Дабы решить конфликт, учительница вызвала отца Топилина. Денис был в предвкушении и хвастался:

– Да что она сделает? Ничего ему не скажет! Как увидит – в штаны наложит. У меня батя – во! – Денис широко расставил плечи, стараясь изобразить, что его отец был огромным боровом.

И лучше бы он действительно был тощим, так как отхватил потом Денис знатно, ведь отец со всеми доводами учительницы согласился и сына заставил уделять внимание русскому языку. А ещё больше никогда плохо себя на уроках русского у Лилии Александровны не вёл.

И так вышло, что именно он полностью изменил моё отношение к школьным дракам. Увидев однажды, как я бодаюсь с одноклассником, рассмеялся и спросил:

– А чего вы обнимаетесь?

– Мы вообще-то боремся! – возразил я.

– Борьба для девочек! – отвечал Денис, – если хотите не выглядеть лошарами, то научитесь по морде бить.

– Так сесть же можно... – заметил я.

– Лучше победить и сесть, чем получить по щцам и быть лошарой.

Я тогда долго не мог принять его слов, ибо мягким ребёнком всегда был, мухи не мог обидеть. Максимум, куда бил – по ушам, и то ладошкой! И тут он заявляет, что можно по морде... Как так? Кто-то же может пострадать.

Что самое смешное, это говорил я – уже пару раз получавший по лицу от одноклассника, обожавшего меня сначала в снег толкать а потом бить за предъявленные претензии. Мне, наоборот, нужно как можно скорее пользоваться советом Дениса и научиться, наконец, бить своих соперников, а я тут ещё думаю о том, что они пострадают.

В итоге себя переборол. Однажды врезал однокласснику за то, что тот меня задевал. Он, кстати, воспитывался таким же – мухи так-то не обидит. Потому в ответ сдачи мне дать не смог, а просто отступил. Но именно в этот момент я почувствовал, что такое – смачный удар по морде, и как он горячие головы способен остудить.

Правда, не стоило после этих уроков жизни меня задевать уже Денису. У него была любовь большая всякие шалости творить с теми, кто с ним за одной партой сидел. Он всегда садился к слабым и был уверен, что ответка ему никогда и ни за что не прилетит.

И вот настал день урока физики в восьмом классе. Эта козлина садится со мной за одну парту и начинает мне в уши тыкать свёрнутыми в трубочку бумажками, тупыми концами карандашей и ручек. Я отмахивался от него как от назойливой мухи. Был готов уже отсесть, как вдруг...

Он засовывает мне в ухо банан. Тут уже я не выдерживаю, поворачиваюсь к нему и начинаю лупить этого любителя пихать в уши всякую дрянь прямо в его наглуую, пухлую морду.

Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь уда-

ров я ему нанёс, прежде чем он сумел сократить расстояние и вступить со мной в борьбу. Но сделать ничего не смог, так как я сразу же схватил его за волосы и начал мотать голову Дениса из стороны в сторону. Конечно, не уровень ММА, да и вообще выглядело неуклюже, больше походя на драку двух пьяных девиц, хватающих друг друга за волосы. Но спасибо Денису за то, что носил причёску как у эмо, благодаря чему его легко было побороть, просто помотав за волосы.

И не сказать, что он был лошарой каким-то. Денис в своё время Лёню Бакланова поколотил. Тот, конечно, слабак был. Притом настолько на Дениса обиделся за лещи, что потом Данилу по кличке Пельмень пятьсот рублей заплатил, лишь бы тот завалил Топилина. Ну он его и поколотил. Грустно, конечно, но Лёня Бакланов оттого меньше побитым Денисом ходить не стал, но уж как есть. Так что я не какую-то там никчёмную козьявку побил. Было, чем гордиться. Ведь, наконец-таки, впервые в жизни дал сдачи своему обидчику. И, признаться, это было круто! И самооценка поднялась, и вообще увереннее себя начал чувствовать, когда ходил по улицам.

Денис же... Он, конечно, визжал:

– Да я с тобой поквитаюсь! Да мы с тобой на улице поговорим! – но ничего так по факту и не сделал. Потом только лишь оправдывался перед друзьями:

– Да я его пожалел просто...

А потом спустя два года встречал меня на улице, жал руку,

улыбался, спрашивал, как дела, да обращался с уважением. Вот что тумачи волшебные вытворяют!

Но, как бы то ни было, я ему по жизни благодарен был. Именно он меня и научил, что обидчику нужно давать в рожу. Этим я и займусь, наказав главного. Но уже в девятом классе.

***

Илья Москвин был неприятным типом. Всегда был высокого мнения о себе. Чуть что, сразу прикрывался старшим братом. Так как занимался футболом, всегда мог ногой лупануть так, что мало не покажется. Всегда выглядел и казался крутым парнем, далеко не слабаком. Собственно, от него в школе исходила примерно треть всех издевательств в мою сторону. И каждый раз я не решался дать ему по морде хоть разочек...

Конечно, иногда он был и вполне компанейским пацаном. В редкие дни даже пообщаться мог по-человечески. Но в тот момент, когда нужно было повыкабениваться, он тут как тут. И остро пошутит обязательно, и что-нибудь обидное ни с того, ни с сего скажет.

В угаре он пребывал не только издёвками надо мной, но и над остальными, за что даже однажды схлопотал от Дениса Нигматуллина. Но в целом старался до грубостей не опускаться. Более, конечно, острил.

Так однажды мы с Андреем Волчаком и Денисом Нигма-туллиным сдавали контрольный тест по биологии по теме бактерий. Один из вопросов звучал так: назовите бактерии, обходящиеся без кислорода. И вот сидим мы втроем, да и чешем репу, мол, как же их звали. И вот хоть убей, но никак не вспомним!

Спереди от нас как раз сидят Илья Москвин с Антоном Березовским и что-то сосредоточенно и много пишут. Раз так, то знают ответ. Так ведь? Мы и спрашиваем, стараясь шёпотом как можно тише, чтобы биологичка не спалила, что мы списываем:

– Ребят, не подскажите, как этих бактерий называют?

И тут Илья выдаёт:

– Конечно! Аналоэробы!

Тут я задумался, кивнул головой и ответил:

– Да... Что-то подобное помню.

Собственно, такой ответ мы и записали. Я ещё потом обратил внимание, что Илья с Антоном что-то сильно хихикают. Интересно, это насчёт чего?

Каково же было наше удивление, когда на следующей неделе биологичка на весь класс зачитывает ответы. Одно-классники смеются, мы краснеем.

– Анаэробы они называются! – воскликнула учительница, – какие ещё аналоэробы?!

Чуть позже к нам с Андреем и Денисом поворачивается Илья, со злорадством ухмыляется и говорит.

– Теперь у вас погоняло будет аналоэробы. И Волчак среди вас главный аналоэроб!

Тогда еле удержались, чтобы не поймать его после школы и не избить. Хотя с другой стороны, а чего обижаться, если сами виноваты? Нашли, кого попросить, да и в конце концов сами не выучили ничего. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Короче говоря, ни дня Илья не мог прожить, чтобы над кем-то не подшутить, ни к кому не пристать и т. д. Ну и, конечно, почему бы не поиздеваться откровенно над теми, кого он считал слабее?

В девятом классе Москвин вообще с катушек слетел, доставая меня. Ни дня не обходилось, чтобы он не начал донимать, да так, что с нынешним законодательством, признавшим вне закона кое-какие меньшинства, я и не обо всём могу писать, какие слухи он про меня распускал и как любил по этой теме как-нибудь поиздеваться.

Так я терпел в течение месяца в надежде, что он успокоится. Но время шло, а тот продолжал вести себя как моральный урод. Увы, слишком поздно мне стало понятно, что вопрос иначе решить не получится – только радикально.

Так в один из дней рядом с кабинетом труда Илья снова начал приставать ко мне. В подробностях сейчас рассказать уже не могу, но вывел он меня из себя сразу же.

Резко повернувшись, я схватил Москвина за воротник и начал бить его по лицу. Раз! Два Три... Вот счёт ударов уже перескочил за десять, а там и за двадцать. Илья даже не пы-

тался сопротивляться: поначалу для него это было шоком, что я в принципе могу дать отпор, а потом он уже, видимо, был близок к потере сознания. Я же останавливаться не собирался, повалив своего обидчика на землю и зажав его в углу, продолжал отвешивать ему по самое не балуй.

И тут слышу где-то вдалеке знакомый девчачий голос:

– Да разнимите вы уже их!

Денис Нигматуллин тут же подбежал и разнял нас. Точнее как разнял... Оттащил меня скорее...

Я оглянулся. На меня с взглядом, полным отвращения, смотрела одна из одноклассниц, будто на какое-то чудовище. Ведь надо же! Я устроил насилие в классе, не прибегая к словам. Только вот а как не прибегнуть было, если я уже несколько лет подвергался травле? Почему в тот момент, когда надо мной издевался класс, она не обращала на это внимания и закрывала глаза на всё, что творилось в коллективе, а сейчас вдруг решила стать миротворцем и осудить меня за это своим тяжёлым взглядом? Ну, конечно, когда меня унижают, у них хата с краю. А как я пытаюсь постоять за себя, так сразу нужно презрительно посмотреть на меня. Что не так с твоей моралью?! Это лицемерие или просто глупость?!

Понятное дело было, что на этом конфликт с Москвиным исчерпан не будет. Он, разумеется, пожелает реванша, потому так просто это не оставит.

До этого, будучи футболистом, очень хвастался, что отменно может избить кого-нибудь ногами – якобы удар силь-

ный отработал. Особенно ему хотелось разогнаться, подпрыгнуть, выставить вперёд ногу и так ударить того, кто ему не нравится, чтобы противник отлетел метров на пять назад или стенку гипсокартонную пробил. Мечтая об этом, он часто приглядывался ко мне, испытывая непреодолимое желание испробовать свой приём на том, кто не даст сдачи. И вот этот момент настал.

Только все вроде бы успокоились и расселись по скамейкам, Илья, на лице которого до сих пор был шок от произошедшего, совершенно не унялся. Постарался, конечно, сделать вид, что уже в порядке, но его бешеные глаза говорили об обратном. Встав у стены, он чуть постоял и в один момент пошёл на разгон, подпрыгнул, выставив ногу вперёд, и так полетел на меня. Я же, ожидая удара, чуть увернулся и прикрылся рукой, благо ещё сам Илья сильно промахнулся.

Удар пришёлся в пустое место. Он потерял равновесие и рухнулся на заливной пол из речного песка и каменной крошки, а я принялся вновь бить его кулаками по лицу. И вновь ситуация повторяется, и вновь он сидит и прикрывается от ударов, а я его луплю как не в себя, совершенно не чувствуя усталости. И вновь меня оттащил Денис.

А потом Илья ушёл прочь. Даже не знаю, что в тот момент творилось у него на душе... Слишком самовлюблённый он был, чтобы переживать по поводу полученных тумачков от того, кого он считал ничтожеством. Что тогда? Досада и обида? Опять же вряд ли. Вполне вероятно, умывая кровь,

хлеставшую из носа и разбитой губы, он просто остановился на том, что это просто не его день. Вот так легко. После той драки отношение его ко мне не поменялось. Да, стал сдержанным, но глаза и ухмылка каждый раз даже спустя годы выдавали, что он даже после полученных люля-кебабов не изменил своего отношения ко мне, по-прежнему считая ничтожеством. Только теперь вслух об этом не говорил, разве что.

Я же чувствовал облегчение. Нет, не было эйфории или прилива сил. Ощущалось именно облегчение – будто гора с плеч. Ведь всё закончилось. С тех пор меня более никто в школе не унижал в открытую. Кто-то, конечно, что-то, возможно, и мог сказать за глаза, но открыто... Нет. И оттого мне было на душе теперь легко.

С другой стороны, когда избиваешь того, про кого думал, что он сильнее тебя, самооценка не может не повыситься. Я ощутил, что более не хочу ходить сгорбленным, уткнувшись в землю, но выпрямил спину, гордо приподнял подбородок и ухмыльнулся, будто победивший злодея герой боевика, шедший к финалу через весь этот путь по руководству из «Тысячеликого героя» по Джозефу Кэмпбелу. Я и отрицание прошёл, и чрево кита, и награду в конце получил, и, наконец, изменился. Уже не было того мягкого мальчика, что мухи не обидит. Мне открылась страшная правда жизни – миром правит насилие, и чтобы не оказаться пешкой, нужно уметь бить. И желательно первым, чтобы было меньше шансов про-

играть. Только сильного не будут задевать, а мягкость – это удел слабых. Мягкие долго и спокойно не живут. А сильные пусть по локоть в крови, но спят крепко, потому что их трогать не посмеют. Вот простая и банальная правда жизни. Чувовищная и неприемлемая для любого гуманиста, желающего, чтобы в мире не было насилия... Но правда.

Кто-то посмеётся и скажет, что это что-то из тех пабликов банальных фейковых цитат якобы из уст Джейсона Стэтхема, и в чём-то будет даже прав. Но сколько я, ходивший в розовых очках, терпел издевательства со стороны сверстников? Очень долго. И ведь оказалось же, что так легко всё это было исправить, избив главного, самого задиристого нахала! Но сколько я терпел, надеясь, что рано или поздно позврослеют и поймут, что были неправы! Зачем, если всего-то нужно было решить вопрос кулаками! Живу ведь с волками...

Вся вера в любовь и добро, взаимное уважение была иллюзией. Миром правит насилие, жестокость и принуждение. Изменится ли это когда-нибудь? Возможно, но в моё школьное время если жить, то выживать по законам джунглей. И я вместе с этим временем изменился, став более чёрствым и циничным, оставив всё своё добро и сочувствие там, глядя на сгорающую свечу во время той самой глупой эстафеты.

Будь всё иначе, авось, и я был бы другим, не стесняясь себя и остальных, ни о чём не переживая, ничего не боясь. Теперь же живу с грузом прошлого, который, вероятно, уже никогда не перестанет тянуть меня на дно так или иначе.

***

И раз я начал об этой теме писать, то, пожалуй, нужно и обратиться к тем, кто с травлей столкнулся, но желает это прекратить. Есть ли у меня, учитывая вышеизложенное, простая формула, способная помочь всем?

Увы, я не психолог, и не помогу вам это пережить, пропустить боль сквозь себя и т. д. И рабочей формулы успеха у меня нет. Да, я относительно безболезненно справился с травлей с её помощью, но она же не для всех подходит. Легко ли, например, будет девочке так же легко подраться с мальчиком и победить его? Всё это понятно, и я вряд ли смогу стать палочкой-выручалочкой для каждого, кто испытывает трудности в социализации...

Но я точно могу, исходя из своего опыта, предложить, что и как нужно было делать мне и моим родителям, чтобы облегчить мои муки.

1. Не надо отказываться от перевода в другую школу. Возможно, это будет иметь свои проблемы и последствия, но бояться перемен из страха, что ничего не поменяется, как боялся я, не стоит. Перевод в другую школу даст вам отличный шанс показать себя в новом коллективе с другой стороны и уже не совершать тех ошибок, что имели место в прошлом. Не отказывайтесь от этого. Переводитесь, если возможность есть.

2. Родители должны активно заставлять учителей решать проблему травли. Если они не будут этого делать, то педагоги с места не сдвинутся. На то есть свои те или иные причины (в работе учителя тоже геморроя предостаточно), но факт есть факт. И если ты подвергся травле, либо твой ребёнок – не стесняйся говорить об этом родителям, а если ты – отец или мать, найди время, чтобы донимать учителей и держать ситуацию под контролем. Кроме вас проблему вашего ребёнка никто не решит, пока сами не начнёте пытаться исправить неприятную ситуацию.

3. Мир недалеко ушёл от первобытной эпохи, когда человек человеку был волк. Хочешь жить, а не выживать – учись быть сильным, не чурайся бить и не бойся быть избитым. А чтобы минимизировать вероятность последнего, научись драться. Пока ты школьник, перцовые баллончики тебе не продадут, как ни старайся. Так что бокс, карате, ММА, самбо и т. д. – всё твоё, неважно, мальчик ты или девочка.

4. Не постесняйся сходить к психологу и попробовать решить проблему травли с ним. Если он есть в твоей школе, посещай его. Не факт, что поможет, но авось...

5. Ищи друзей. Желательно таких, кто с тобой пойдёт в огонь и воду, не бросит в беде. Это очень важно. Ещё очень много раз удивишься, как могут порою бросать на произвол судьбы даже самые близкие люди, иногда даже переходя в разряд тех, кто тебя травит. Это тоже я знаю не понаслышке, но хочу об этом писать, потому как слишком больно.

6. Учись разбираться в людях. Очень полезный навык на самом деле. Пускай человек – существо такое, что даже самый предсказуемый способен удивить, а самый надёжный – предать, но умение хоть немного отделять зёрна от плевел и разбираться в людях не раз поможет в дальнейшем.

7. И последнее. Не надейся, что всё когда-нибудь прекратится. Не думай, что рано или поздно ты им отомстишь, заставишь уважать себя ни с того, ни с сего. Не надейся на ангелочков, что протянут тебе руку помощи. Появилась проблема? Не терпи, решай сейчас. Если надо, поднимай на уши родителей, учителей. Если получится – даже СМИ попробуй, в социальных сетях пиши. Если уж стал утопающим, просто по дефолту никто не поможет. Важно, чтобы тебя услышали. Важно пытаться делать хоть что-то, а не смиренно наблюдать, как твоя жизнь катится в тартарары. То, что пережил я, стало моей болью и моим грузом навсегда. Отпустить это вашему покорному слуге уже никогда не получится. Не получится и у вас, не обманывайте себя, что завтра вырвитесь из грязи в князи, да покажете всем кузькину мать. Сегодня вариантов прекратить травлю намного больше, чем было пятнадцать лет назад. Не сидите сложа руки, и тогда всё закончится быстро.

Да, статистически жалоб на травлю сейчас становится всё меньше. Но как показывает практика, на уровень погрешности хотя бы травля среди причин тех же масс-шутингов не опускается. И если моя история боли и дальнейшего облег-

чения хоть как-то вам поможет, то уже посчитаю, что написал эти строчки не зря.

ЕГЭ, бюрократия и будущее

Кем ты станешь, когда вырастешь? Вопрос этот родители задают своим детям с момента, когда в ребёнке впервые начинают проявляться задатки разума. И правильно делают, ибо с самого начала нужно заставлять своё чадо задаваться вопросом: а для чего я существую и с чем пойду дальше? Как раньше начнёшь задумываться, тем скорее придёшь к какому-то из вариантов. Минимум, это заставит быть более любознательным, чтобы понимать, какие профессии существуют, которые из них важны и нужны. И чем обширнее знания есть, тем шире будет выбор.

Знал бы я, чем занимаются журналисты, стал бы им. Осознай я, что могу хорошо имитировать голоса, стал бы актёром озвучки. Узнай, что музыкальный слух у меня есть, пошёл бы в музыканты. Подскажи кто-то, что я с моим хорошо рисовавшим корешком мог делать комиксы, и у меня бы точно получилось затмить Марвел, DC или Ходячих Мертвецов. Увы, ничего тогда не знал и не понимал.

Но и запутаться, конечно, тоже легче, если выбор большой. Иногда лучше даже не знать, что какие-то профессии существуют, чтобы не строить фантастических иллюзий о возможности доучиться. Лучше просто пойти в ПТУ свар-

щиком, доучиться до аргонщика, варить трубы на вахте в Сибири и получать в сравнении далеко не самые маленькие деньги, пока ваш одноклассник, решивший стать врачом, годам к 35 или 40 только доучится до нужной квалификации, чтобы зарабатывать немного больше, чем на хлеб с маслом. Так, увидев, что вы к своему возрасту уже стали обладателем квартиры и хорошего авто, ваш бывший сосед по парте, а ныне терапевт в сельской поликлинике десять раз подумает, а не совершил ли он по жизни большую ошибку, не став сварщиком?

Вот и думай сейчас, кем станешь, да оценивай возможности по своим силам и знаниям. А ещё хоть и мечтать не вредно, но старайся быть реалистом. Я вот мечтал всё раннее детство стать путешественником, потому как проводил большую часть досуга за просмотром атласа мира. Стал ли? Отнюдь. Даже наоборот! Посмотри я на себя нынешнего будучи шестилетним, так и сказал б себе: «Дяденька, ты болван? Как это ты не стал путешественником, вместо этого проводя уютные и одинокие вечера в уютной квартире-студии под одеялом с кружкой какао на подставке за просмотром очередной серии «Дома Дракона»?»

А потом увлёкся историей, как-то посмотрев трилогию про «Индиану Джонса». Долгое время свято верил, что археологи так время и проводят: путешествуют по разным странам, спят каждый раз с очередной новой женщиной и борются с недобитыми фанатами старины Адольфи. Как оказа-

лось, реальная археология хоть и немного веселее прозябаний в пыльных архивах, но всё равно до статуса работы мечты не дотягивает. Это уже потом я узнал, что некоторые историки свои даже самые бредовые и антинаучные книги могут продавать как бестселлеры, но тогда думал, что историком или я сильно не разбогатею; потому учиться в той сфере, которая была для меня наиболее проста, не захотел.

Так я в десятый класс школы и пришёл с мыслью, что вообще не знаю, кем хочу стать! В мечтах – заниматься сексом, как это делают порно-звёзды. А ещё быть богатым, знаменитым и популярным. Или того хлеще – заслужить славу Цезаря, Бонапарта или Фридриха Гогенштауфена. А в реальности провинциал разве добьётся хоть чего-то великого, учитывая то, что он родился не в семье олигархов, политиков, силовиков или творческой элиты, а у инженера-автомеханика и хлебопечки? Вопрос даже риторический – нет, нет и нет! Хотя, конечно, везение возможно, но чаще всего прёт только дуракам или крайне способным старальцам, которых обошёл мимо закон Парето. Простому человеку из провинции заказана простая, несладкая жизнь. И ничего ты с этим не поделаешь...

В детстве я очень любил играть во всяких детских утренниках роли типа Буратино, а дома обожал наряжаться в импровизированный доспех античного гоплита, щеголяя с вырезанными из фанеры мечом и щитом наперевес. Позже да-

же в конкурсе «Овация» принимал участие, где стихи читал. Так вот, может, мне быть киноактёром? А что если пойти дальше и стать кинорежиссёром? Буду водить в постель молодых актрис, желающих получить главную роль... Разве не круто ли? Одну даже, помнится, в Нижнем Новгороде почти подцепил на этой мечте, ибо девочка желала стать киноактрисой. Я так и обещал ей главные роли в каждом из моих фильмов, желая в тот момент затащить в постель. Хотя, конечно, больше её интересовали московские клубы и прочие тусовки, но мечтать она мечтала! И на такую посмотришь, так сразу желание возникнет землю перевернуть и таки стать легендой кинематографии!

Но суровая реальность говорила об обратном. С памятью у меня всегда были проблемы: на какой-то строчке большого стихотворения или текста обязательно да и запнусь. Десятки раз прочитанное, но так и не зазубренное «Бородино» Лермонтова вообще с трудом без подсказок дорассказал. Что касается режиссуры, ну или, как минимум, сценарного дела, так я ни одной книги по русской литературе, начиная с восьмого класса, не прочитал. Куда мне ЕГЭ по этому предмету сдавать тогда? А литература же для поступления на режиссуру и сценарное дело – предмет профильный! Оставалась только надежда сделать хороший творческий конкурс и понадеяться, что меня заметят...

А ещё в семнадцать лет впервые взял в руки гитару. Может, тогда стать гитаристом? Хотя с другой стороны явно не

там начинать карьеру, откуда я родом. А в больших городах попробуй не заблудись по дороге среди соблазнов. Да и тренькал я на гитаре тогда как курица лапой и кроме постпанка в стиле JoyDivision вряд ли бы хоть что-то серьёзное сыграл.

Отец же хотел, чтобы я стал инженером (но в предметах физмата ваш покорный слуга вот вообще не разбирался от слова совершенно), мать хотела слепить из меня юриста (всегда тошнило от чтения юридических формулировок), сестра видела меня копирайтером. И никто не желал спросить, чего хочу я. А я...

А я не знаю, чего хотел. Хотел много денег. Вот на это у меня желание было невероятное. И славы хотел столько, сколько сам сумею проглотить. А в фантазиях и целого мира мало!

Раз так, то неплохо бы стать бизнесменом, но предпринимательская деятельность всегда мне казалась страшной мукой. Вот и вышел у меня из головы единственный простой, как представлялось, вариант заработать – идти в кинорежиссёры или сценаристы.

Отец, когда услышал, покрутил головой у виска.

– Дурак что ли? Там тебе не просто свои дурацкие боевики с этими клоунами в трико придётся смотреть. Будут и тяжёлые фильмы типа «Солярис»...

– Так я посмотрел этот фильм! – отвечаю я.

– «Солярис»?! Тарковского?!

– Ну да... – а я действительно его посмотрел, и он мне даже понравился.

– Да ни в жизнь не поверю! Я на нём в кинотеатре заснул, а ты взял и досмотрел... Короче! У тёти Вали спросишь. Она училась на киномеханика в Ленинграде. Авошь, чего тебе и посоветует.

Тётя Валя при встрече покрутила головой у виска так, что чуть тебе дырку там не просверлила.

– Режиссёром? – спрашивает она.

– Ну да!

– А ты... – пожала плечами, – ну хотя бы «Семь Самураев» Акиры Куросавы смотрел?

– Нет! – помотал я головой.

– А «Восемь с половиной» Феллини?

– Не-а...

– И хочешь режиссёром?

– Ну да!

Собственно, чем этот диалог и являлся, то только доказательством того, что о кино я был наслышан слишком поверхностно, как минимум. Разумеется, я знал про Лукаса, Спилберга или Тарантино. Но этим мои познания в кино на тот момент и ограничивались. И это не считая того, что русскую классику я, повторяюсь, тогда вообще не читал.

Но сколько всяких разных но ни появлялось, желание моё было непреклонно. Только единственное условие поставил отец:

– Никаких ВГИКов, никакой Москвы. Только Ленинград и только институт кино и телевидения!

Так как он учился в городе на Неве, да и жизнь там была сравнительно дешевле, нежели в белокаменной, потому он знал, о чём говорил. Да и родственников, друзей в Питере было море в отличие от Москвы, где хотя бы знакомых у нашей семьи – ноль.

Летом перед одиннадцатым классом с целью разузнать как можно больше о том, что нужно для поступления на факультет режиссуры кино, я приехал в Санкт-Петербург. Как раз там меня и встретила новость о том, что нужно сдавать ЕГЭ по литературе помимо творческого конкурса.

Кондратий в тот момент хватил не только меня, но и Лилию Александровну, понаставившую мне троек по литературе столько, что вовек не отмоюсь. Ладно мне краснеть на ЕГЭ, если результат окажется неудовлетворительным. Так и ей не поздоровится! А она мою объективную оценку знаний прекрасно видела. Это был тот самый момент, когда я на-получал двоек десять за непочитанные «Мёртвые Души», а потом под конец четверти героически рассказывал десять стихотворений, чтобы выйти по литературе на тройку. Сда-вать ЕГЭ с такими результатами смешно и нелепо. Потому Лилия Александровна, только узнав, что я хочу сдавать ЕГЭ по литературе, всеми силами начала меня отговаривать:

– Отказывайся от экзамена, не глупи!

Но как я могу сказать нет своей мечте? Кажется, я к ней

шёл долгие годы, с самого начала натаскивая себя на это! То начну дословно переписывать то, что происходило в мультсериале «Рэдволл», то в художественной форме изложу все свои знания в области Великой Отечественной войны, называя это «мемуарами», а потом буду удивлять одноклассников, что у меня хватило сил написать пятьдесят страниц рукописного текста и не ошалеть в процессе.

А потом был десятый класс. Мы проходили «Войну и Мир» Льва Толстого. И в качестве бонуса нам решили показать экранизацию Бондарчука. Поначалу казавшийся мне скучным (как и книга, которую я дальше 30-ти страниц не прочитал), эпос (а точнее первая его часть «1805 год») заиграл абсолютно другими красками, только пришло время войны Третьей Коалиции...

И вот на экране начинается Шенграбенское сражение. И вот маршируют русские полки, а навстречу им французы. Вот на колени падает от попадания ядра русский солдат, а на фоне звучит: «Левой... Левой...» Багратион и князь Болконский ведут своих богатырей вперёд. А потом я вижу эти массы людей, что идут в атаку, залпы ружей, кавалерийская атака, артиллерийская дуэль. Разве нужно дополнительно объяснять, что я влюбился в «Войну и Мир» Бондарчука как фанат предмета истории с первого взгляда, и любовь эта была взаимной?

Закончив просмотр, я мигом побежал домой после уроков, залез в интернет и весь вечер провёл, читая о съёмках

фильма, о Сергее Бондарчуке, о эпосе Толстого и о самих Наполеоновских войнах. Даже в видеоигры не играл, забыв обо всём и уткнувшись в чтение. Тема затянула меня настолько, что с того самого момента я твёрдо решил стать режиссёром исторического кино. А учитывая, что я ещё и фанатом фильмов Ридли Скотта был типа «Гладиатора» и «Царствия Небесного», то твёрдость моя в желании ставить исторические ленты только усиливалась.

С тех пор даже гулять стал меньше, читая биографии режиссёров и просматривая их фильмы. Так узнал про Стэнли Кубрика, Дэвида Финчера. Позже посмотрел и «Восемь с половиной» с «Семью Самураями», получив невероятное удовольствие от просмотра. При этом помню же, что ещё год назад старое и чёрно-белое кино просто ненавидел. Но стоило мне только посмотреть и проникнуться, как я тут же полюбил оба фильма, и тем фактом был крайне доволен. Чуть ли не к элитарному искусству приобщался же. Но, что самое главное, понимал его!

Казалось бы, начало положено. Я взрослою на глазах. В мечтах моих снимать кино о войне, снять что-то подобное «Они сражались за Родину», где десятки немецких танков схлестнутся в схватке на выживание с советскими артиллеристами и пехотой. И по законам Голливуда в конце хорошие обязательно победят плохих парней. Картины задумывал я эпичные и воистину великие. Именно такие и заслуживают самые престижные кинопремии – Оскар, например. И это

были действительно прекрасные мечты. Пока все остальные зубрили тригонометрию и логарифмы, ваш покорный слуга закрывал глаза и мысленно оказывался в том самом зале с красным занавесом, сценой, экраном и большими статуями, покрытыми золотой краской, копировавшими заветную награду. Выходит ведущий (какой-нибудь Крис Рок или Стивен Кольбер) и объявляет номинацию:

– А сейчас мы узнаем, чей фильм в этом году окажется лучшим!

И вот на экране показывают пятёрку режиссёров с их фильмами. Среди них такие мастодонты кино, как Квентин Тарантино, Кристофер Нолан, Мартин Скорсезе и Дэвид Финчер. Последним называют меня. После раздаются аплодисменты. На сцену выходит сам Стивен Спилберг – чёртова легенда!!!

И вот звучат заветные слова:

– And Oscar goes to...⁴ – а после звучит моё имя, зал разрывается овациями. Все именитые режиссёры одобрительно кивают головой, ибо этот парень заслужил! Заслужил!!! Я беру в руки заветную статуэтку, и на это смотрит вся страна! Вся огромная Россия возгордится своим сыном, принёсшим нашему кинематографу такую ценную награду в копилку! И все те, кто смотрел на меня свысока, издевался надо мной, все учителя, кто не верил в меня, и даже мои родители, друзья, прочие родственники – они поймут, кто всё это время находился рядом с ними... Гений!!!

А потом Тамара Максимовна стучает указкой по моей парте:

– Не спать!

– Тамара Максимовна, я мечтаю...

– Не мечтать! Уравнения фантазиями не решить!

Но как же это... Мне – и не мечтать! Да разве возможно такое?! Да разве справедливо это?! Да как же я буду жить, в принципе не мечтая?! Ведь именно в моих фантазиях рождаются сюжеты, истории. А потом я приправляю это образами близких мне людей, и так зарождается шедевр! Чаще в голове, но иногда и на бумаге. Ведь не может творец не мечтать! Не может он не фантазировать! Это его хлеб! Это его пальцы пианиста! Не вздумай даже запрещать мечтать! Не смей!

А потом я заваливал контрольные по математике, всё чаще себя спрашивая, а зачем пошёл в физмат...

***

Так уж получилось, что класса гуманитарной направленности у нас не открыли. Мы задавались вопросом, какого чёрта? Отвечала на него учительница английского Наталья Илинична:

– А у физматов уровень знаний по английскому выше, чем у гуманитариев!

– Не может быть! – отвечаем мы. Знания нарабатывают-

ся в большом количестве практики! У гуманитариев больше часов английского, поэтому они должны знать эти предметы лучше!

– Нет! – отвечает учительница, – моя практика говорит об обратном...

Короче говоря, осталась наша школа без гуманитарного класса. Я же, желавший сдать историю на сто баллов, повёлся на эти слова, мол, у физмата уровень знаний гуманитарных предметов выше, потому и пошёл туда. Вот теперь и слушал восемь академических часов по математике и пять по физике, а потом думал: «А какого чёрта я вообще здесь делаю?!»

И ладно в десятом классе Никита Константинович преподавал историю с экономикой. С ним мой уровень знаний по предмету, слава Богу, не падал. Но в одиннадцатом он решил школу покинуть и уйти на пенсию. Вместо нормальных учителей к нам пришла молодая девица немногим старше меня, которая до этого у несовершеннолетних в СИЗО историю вела. Предмет свой она знала настолько плохо, что я её постоянно этим подкалывал. В итоге уровень мой перед ЕГЭ заметно упал. А ведь история была единственным предметом, который был моей подушкой безопасности в случае чего. Вдруг в Университет кино и телевидения в Питере не возьмут? Всегда есть возможность поступить на историка. Благо у меня есть диплом третьей степени Ломоносовского турнира, он к ста баллам ЕГЭ приравнивается. Так что не

пропаду, подушка безопасности есть. Так что на подготовку к экзамену я могу чуточку подзабыть и заняться изучением кино.

Только когда его смотреть? Вот тебе домашние задания, вот тебе «Что? Где? Когда?», вот тебе «Орлёнок», вот тебе кутёж с друзьями, вписки и попойки, гулянки и музыкальные репетиции. И самое главное – видеоигры! Без них жизнь вообще стала не жизнь. Как раз в те годы и полюбил в танковые стрелялки играть. И это не говоря уже про неудачные попытки знакомиться с девушками и ходить на свидания. Время было моим главным врагом в этой гонке за будущим успехом, которую я нещадно проигрывал.

Так как по русской классике, начиная с восьмого класса, я не прочитал ни одной книги, а упущенное нужно было наверстывать. План для этого был придуман такой: или я покупаю сборник кратких пересказов и готовлюсь на нём, или все книжки слушаю в аудиоформате в надежде, что смогу понять хоть что-то. В итоге остановился на пересказах, так как это было намного дешевле, нежели покупать аудиокниги. Но, как и следовало ожидать, в пересказах всегда упускаются детали, оставленные автором и позволявшие лучше понять то или иное произведение. Посему вариант так и не сработал.

***

А вот здесь и сейчас на этом моменте хочу заранее сказать, что никого ни в чём не обвиняю: ни в плохих советах, ни в тлетворном влиянии. Просто нужно объяснить, почему всё сложилось именно так. Вот и рассказываю.

Моя двоюродная сестра Софья была всегда круглой отличницей, вероятно, с самой школы метила в будущие профессора. Манеры поведения у неё были соответствующие: всегда говорила длинные и занудные монологи, делилась своим и чужим опытом, но почти никогда мы с ней не смеялись, не веселились. Каждая прогулка обязательно там, где нужно думать и додумывать – музеи, галереи, выставки. Каждый разговор обязательно о высоком, о интеллектуальном!

И не сказать, что это плохо. Для будущего режиссёра и сценариста только плюс, наверно. Но вот можно ли то же самое сказать про советы? Каждая ситуация индивидуальна, единой формулы успеха нет! То, что пригодилось одному, другому будет совершенно бесполезно – ошибка выжившего классическая же! Мало ли, чего от неё отец с матерью хотели изваять... Сверхчеловека по Ницше поди. Я же человек простой, далеко не отличник. Как и когда успевать учить все школьные предметы, не представляю. А ведь она по каждому пятёрку имела! Немыслимо же!

Вот она, прошедшая свой опыт жизни, и решила как-то со мной поговорить на тему поступления.

– Ты уже решил, какие предметы сдавать будешь?

– Пока ещё точно нет. А ты какие посоветуешь?

– Ну... Мне как-то мама сказала одну умную вещь. Если хочешь проверить себя, свои знания и свои силы на прочность, то нужно сдавать не те предметы, которые даются проще, а те, что тяжелее. Только так поймёшь, чего стоишь. Именно поэтому я пошла сдавать экзамены по физике и химии, хотя сама по складу ума гуманитарий.

– И... У тебя всё вышло? – удивлённо спросил я.

– Да. Вышло. А там, когда смотрела, где и на каких направлениях что требуется, и присмотрела себе дисциплину, которую действительно хочу изучать. Так я оказалась на кафедре математической лингвистики.

– И как? Нравится? Не сложно?

– Нет, даже наоборот. Думаю, свяжу с этим свою жизнь...
– улыбнулась Софья.

Ещё тогда мне эта идея не понравилась настолько, что прислушиваться к ней я совершенно не хотел. Но согласитесь, как же красиво такая история будет звучать, если её рассказывать много лет спустя внукам, зелёным студентам или каким-нибудь журналистам, телевизионщикам! Как ты превозмог себя, преодолел трудности, опираясь на гений своей головы. Разве не круто? А рассказать подобное одарённой, высокоинтеллектуальной девушке, что тебе нравится, на неё это сразу произведёт неизгладимое впечатление.

У меня как раз и была одна такая на примете: круглая отличница, а ещё комсомолка, спортсменка и просто красави-

ца. Прямо как в кино. Чтобы такой завладеть, нужно постараться. Притом головой, а не чем-то другим. И как бы классно ей рассказать нечто подобное, мол, я словно бы чёртов гений, обладая суперинтеллектом, сдавал не то, что просто, а то, что сложно! Она бы точно оценила, ахнула и сама грохнулась бы ко мне в руки...

Разумеется, надежд на то, что мы будем вместе, она не давала вообще никаких. Но, казалось, так хорошо ко мне относилась, что я сам решил по глупости, что именно это на неё впечатление и произведёт.

***

Так сложились все составляющие. Осталось только добавить внутренних ощущений, что это рок судьбы, что это рука самого Бога ведёт меня к победе и удаче, что самой природой, самым естеством суждено мне быть великим творцом историй на киноэкране и сделать свой шедевр.

Я настолько уверовал в то, что меня ведут по проторённой дорожке, что сам решил чётко следовать пути и не сбиваться с него. Это можно было отчасти сравнить с тем, когда отец снимает с велосипеда сначала третье колесо, а потом и четвёртое, чтобы в конце осталось только два, и больше не на что было опереться. Так я и решил снять страховочное колесо, совершенно забыв, что на велосипеде кататься так и не научился.

Изначально план у меня был сдавать четыре дополнительных предмета ЕГЭ – это история, география, обществознание и литература. Первый и третий предметы, как правило, были смежными во всех ВУЗах. А вот второй и четвёртый шли только вместе с основными математикой и русским. Не было такого, чтобы в какой-то из университетов надо сдавать историю и географию, историю или литературу. Потому проще было не забивать себя лишней нагрузкой, а пойти сдавать историю, обществознание, да и поступать на практически любую гуманитарную специальность от историка, до юриста.

Я же решил, что от мечты стать режиссёром отказываться не буду, но пусть обществознание будет подушкой безопасности, чтобы в случае чего поступить в СПбГУ на историка.

Но вот в один момент знаки судьбы, казавшиеся вещими сны, и прочая чушь убедили меня в том, что время снимать дополнительное колесо таки пришло.

И вот захожу в кабинет к завучу.

– Здравствуйте.

– Привет, тебе чего?

– Я хочу отказаться от сдачи обществознания.

– Что? Зачем? – удивилась завуч, – ты меня сейчас удивил. Чем не угодил предмет?

– Хочу сконцентрироваться на других.

– Ты уверен?

– Да, – киваю я, – а что?

– Пока ты не подписал отказ, мне нужно тебя предупредить. Если отказываешься сдавать предмет сейчас, потом вернуть его будет практически невозможно...

– Правда? – я проглотил слюну от волнения.

– Правда. Так что советую подумать.

Ваш покорный слуга вдохнул, выдохнул.

– Я уже решил.

Завуч внимательно посмотрела на меня и медленно переспросила, произнеся второе слово по слогам:

– Ты уверен?

– Да, – голос мой был на удивление твёрд и крепок.

Она дала мне бумагу, а после протянула ручку:

– Тогда подписывай заявление об отказе.

Именно в этот момент у меня затряслись руки. Ведь отступать потом будет некуда, от одной подписи зависит будущее! И не только моё, а всего человечества, если я, так страстно желающий его поменять, сделаю правильный или неправильный выбор. Но именно в этот момент и проявилась моя нерешительность. Рука словно не слушалась мозга, нехотя вырисовывая буквы. В мыслях крутилась единственная мысль: «А что, если я делаю неправильный выбор именно сейчас? А что, если я уже завтра пожалею о том, что сделал сегодня? А что, если на пол пути к вершине Эвереста нужно было остановиться и повернуть назад?»

Прежде чем я перешёл к подписи, в глубине души желал услышать ещё одно: «Ты уверен?» – или объяснение, поче-

му не должен поступать так, как делаю. Но завуч промолчала, окидывая меня взглядом, преисполненным безразличия. Ей было всё равно. Будущее не её, не её сына – моего одноклассника. Ошибка если и будет, то уже только чужая. Чего волноваться? Пусть школяр делает, что хочет...

Так я и поставил свою подпись под заявлением.

Уходил же из кабинета с воодушевлённой идеей о том, что жребий брошен и рубикон пройден. Дальше только дорога на Рим, разгром Помпея, вечная диктатура и любовь Клеопатры!

***

Когда отец узнал, что я отказался сдавать обществознание, то был вне себя от негодования.

– Ты с ума сошёл?! Да желай ты хоть тысячу раз быть режиссёром, но зачем себя опоры под ногами лишаешь?! Хочешь от какого-то предмета отказаться – убери географию!

И действительно... Зачем? Что я делаю? Какого чёрта?

Удивительно было, что разговор этот с отцом у нас состоялся уже через неделю после отказа от обществознания, а уже через две рвал на себе волосы с одной единственной мыслью: что же я наделал...

Тогда и побежал, сломя голову, в кабинет завуча, чтобы отменить старое решение. Встретила она меня с улыбкой, с какой умник глазеет на дурака.

– Твоё решение уже никак не отменить. Документы отправлены в областной центр.

Только сейчас я понимаю, что совершил действительно роковую ошибку. Ведь так подумать, то не так и плохо учиться на историка, наверно! Можно стать историческим консультантом в кино, например. Да и вообще много чего можно придумать, куда и для чего пойти. Более-менее востребованный предмет же...

В ужасе кусаю локти и спрашиваю завуча:

– И неужели ничего не сделать?

– Можно. Если предоставишь медицинскую справку, что в период, когда можно было переподать заявление или отозвать его, ты болел. Тогда можно.

Звоню отцу.

– Срочно нужна медицинская справка, что я в конце февраля болел!

– Хорошо, сделаю.

Так как захолустье наше маленькое, а отец в местном градообразующем предприятии не последний человек, то достать липовую медицинскую справку за символическую бутылку коньяка не проблема. У отца знакомая в местной поликлинике главврачом работала. Сложность была в другом: она была в отпуске, а справка мне нужна срочно.

Но благо, что отпуск у неё уже заканчивался. Она вышла даже раньше, сделала эту треклятую справку, и я понёс её в школу. И каково же было моё изумление... Какова же была

моя злоба, ярость и ненависть... Как же я посмеялся над собой и своим невезением, когда завуч, глядя на справку, сказала:

– Боюсь, что ты опоздал. Документы уже пересматриваться не будут. Буквально дня не хватило...

«Что?!» – восклицаю я: «То есть всё это было за зря? Вся беготня, суета, липовые справки... Всё впустую настолько, что у меня нет больше никаких шансов исправить положение? Да быть того не может! Они же там должны войти в положение! От этих экзаменов зависят моя жизнь и моё будущее! Неужели никто не пойдёт навстречу несчастному заблудшему школьнику? Неужели наивная глупость, бюрократия и безразличие победят в этой партии?»

Это я ещё на уроках литературы угарал над сатирой Зоценко со всеми этими справочками, без которых ты букашка, а в результате сам оказался внутри колокола, каждый день опускается вниз в морские пучины. И, кажется, вот оно – дно. А потом в ужасе узнаёшь, что оттуда кто-то стучит, и лихорадочно рвёшься наверх, стараясь выплыть. Только уже ничего не получится, потому что наверху меня будет ждать лодочник на берегу реки Стикс, который потребует предоставить ему справку, позволяющую мне выплывать наружу. Нет такой? Будь добр отправляться в загробный мир.

Хотя с другой стороны... А чего вешать нос и уже сейчас посыпать голову пеплом? Ещё ничего не кончено! Всё только начинается, а моя бурная фантазия уже представля-

ет мрачные картины будущего! Надо собрать себя в руки и сдать оставшиеся предметы, сконцентрировавшись на литературе, и тогда всё будет хорошо. Главное – готовиться!

***

Если говорить по чесноку, к ЕГЭ я действительно готовился, понапокупав себе кучу сборников с вариантами КИМов по математике, истории, литературе, географии и русскому языку. И вот я и занимался: по математике, лишь бы дотянуть часть В, а по русскому – потому что Лилия Александровна убьёт, если узнает, что не сдал. Тут всё строго. Фраза «хотя бы попытаюсь» из моих уст для неё как красная тряпка для быка – сразу расскажет часовую лекцию как тяжело ей с нами, какие мы тупые и как стыдно ей будет выпускать в жизнь таких болванов как мы. Да и в конце концов математика и русский – два основных экзамена. К ним нельзя просто взять и не подготовиться.

А вот что до истории, географии и литературы...

В первом предмете вообще не сомневался. У меня был диплом Ломоносовского турнира по истории, приравнивавшийся к ста баллам ЕГЭ. Ну не может у меня быть меньшее число, если такой диплом есть! Правда ведь? По географии я городские олимпиады выигрывал и всегда пятёрки одни только получал. Не может же быть так, что могу сдать экзамен плохо...

А по литературе... Нет, я закупил много пробных вариантов ЕГЭ, и каждый с решениями и разъяснениями, что нужно писать по тому или иному вопросу. И всё я досконально изучал, перечитывал и, кажется, начал лучше понимать, даже не читая. А ещё купил книжку с кучей кратких содержания, и прочитал её от сих до сих, и даже написал три коротких рассказа для творческого конкурса.

Но всего этого казалось непомерно мало. Вечером, засыпая с мыслью, что всё запомнил, утром просыпался с осознанием, что нужно повторять вновь. Наступившее увлечение электрогитарой так вообще свободного времени отнимало слишком много. Я плохо усваивал и плохо запоминал, чувствуя и осознавая это. Всё больше и больше с приближением дня Д, часа Ч, минуты М и секунды С начинал сомневаться в своих силах и подготовке. Всё более на меня давила Лилия Александровна, требуя отказаться от ЕГЭ по литературе и не позорить её имя. А в творческом конкурсе только один рассказ про Древний Рим казался мне хорошим (и тот я смог довести до ума только лет через десять). Остальные задумки мне не нравились уже на уровне идей и концепций. Так что по сути даже творческий конкурс готов у меня не был. И чем больше я садился именно с ним, тем больше понимал, что поставив на него, пройти отбор в университет кино и телевидения я бы просто не смог.

Посему и принял единственно правильное решение.

Утром перед экзаменом по литературе в кабинет, где я

ожидал начала, пришла Лилия Александровна. Взглянув на меня, спросила:

– Что решил?

– Я не знаю... – отвечал я, опустив голову.

– Чего тут не знать? Отказывайся, и дело с концом.

– Но Лилия Александровна, у меня мечта...

– А у меня реальность! Ты, начиная с восьмого класса, ни одной книжки не прочитал! Ни одной! А сколько двоек я тебе понаставила по «Мёртвым душам» за то, что ты к ним даже не притронулся? Помнишь, или нет?

– Помню...

– Ну и что тогда? Ты же сам должен понимать, что не сдашь! Не мучай себя, лучше откажись!

– Мне просто Гоголь не нравится.

– Да ты ему тоже бы вряд ли понравился.

– И что теперь делать?

– Отказаться... – учительница пожала плечами и взглянула на меня. А я шибко более не спорил. Просто взял бумагу и написал заявление, что отказываюсь сдавать литературу. И... Это было больно. Два года мечтал поступить на кинорежиссуру, а теперь сам разбил до конца и так покоцанное корыто. Даже не рискнул, даже не попытался, даже за отворотку не заглянул. Просто сдался, отказавшись от мечты. И на возлюбленную теперь произвести впечатление не смогу, в глубине души подозревая, что ей было бы плевать, получишь бы у меня всё задуманное. Теперь остались только идеи

для фильмов, которые хотел снять. Смогу ли я их реализовать? Может в книгах? Это проще всего, но вот читает у нас в стране народу всё меньше. Может в видеоиграх? С программированием беда у меня. В комиксах? Рисовать не умею и никого из знакомых художников уговорить уже не смогу. Да и не так они популярны у нас как в Америке.

И что мне теперь делать? Без ЕГЭ по обществознанию на гуманитарные дисциплины я не поступлю, литературу сдавать отказался, предметы области физмата и естественных наук – это вообще не моё. Что мне делать? Куда идти? Куда податься? Где я нужен? Неужели уже сейчас разрушил свою жизнь и превратил в ад одним щелчком пальца, ещё даже не ступив шага во взрослую жизнь? Что мне делать?!

И какое будущее теперь меня будет ждать? Неужели это начало конца, которое должно было стать концом начала?

Собственная глупость или абсурдная бюрократия погубили меня в самом начале пути? Или ЕГЭ сам по сути как система? Ведь как раньше было хорошо... Хочешь – в последний момент приходи и говори, что будешь сдавать по билетам предмет, какой пожелаешь. Хочешь – хоть в мае решай. Осталось времени неделя на подготовку – твои проблемы. Главное, у тебя есть время подумать и не совершить ошибку. А в ЕГЭ понятно! КИМы подготовить нужно, положить их в конвертики и под сейф. Заодно, если получится, можно постараться попилить бабки. Кто из больших шишек в Минобре, написавших порядок проведения экзамена, задумывал-

ся о том, что голова подростка ветреная, и тот может изменить всё в последний момент, а потом пожалеть и поменять ещё раз? Почему мне не оставили шанса, иначе как сдать всё в следующем году и поступать заново?

Слишком много вопросов и слишком мало ответов. Только один вертелся в голове. Я поступил глупо и уже расплачивался за это, даже в студенческую жизнь ещё не вступив.

***

Вот и всё. Последние звонки, выпускные... Я уже знакомлюсь с новыми людьми из провинции, которые поедут со мной покорять большие города. Лица наши светлые, беззаботные и полные надежд. Мы пьём, курим, танцуем, парочки целуются – кругом атмосфера веселья и праздника. Все стали взрослыми. Светлое будущее не за горами. Кажется, достаточно просто протянуться к звезде, и она сама упадёт к тебе в руки.

У ребят разные планы на будущее. Одна мечтает стать балериной, другой музыкантом, третья учёным-филологом, а четвёртый никуда не собирается уезжать и хочет отучиться на автомеханика в хабзайке. Несмотря на разницу в планах, их глаза горят огнём, полным жизни и надежд.

И только я в раздумьях смотрю вдаль, не понимая и не представляя, что будет дальше. Меня пугает и страшит будущее. Я хочу остаться здесь и сейчас в этом времени и в

этом моменте. Хочу, чтобы мне вечно было семнадцать лет. Я не желаю даже думать про завтрашний день, и что он всем нам принесёт, ибо мечты – глупость. Мечтать – вредно.

Все они думают, что их жизнь будет беззаботной, но большинству из них уготована жизнь от зарплаты до зарплаты с редкими отпусками. Кто-то умрёт от рака мозга, не дожив до 25, кому-то уготована смерть на войне в 30 лет. Одни наложат на себя руки, другие будут страдать от алкоголизма...

Будущее выглядит мрачным и туманным, в нём нет ничего прекрасного. Да и сама жизнь, кажется, будет радовать только маленькими, светлыми моментами, в которых все и будут видеть смысл жизни, стараясь не замечать тьму и пропасть, в которую они попали, и уже никогда не выберутся наружу.

Ну, или я пессимист... Не знаю. Да и как сложится моя судьба? Быть может, птица счастья таки прилетит мне в руки? Быть может, с неба спустится ангел, что одарит меня дарами за все мои мучения, и тогда я заживу так хорошо, что все будут мне завидовать? Надежда умирает последней, а пока она жива, нужно жить с ней, двигаться вперёд и пытаться исполнить всё самое заветное, о чём мечтал.

А загадал я оставить после себя хоть что-то. Неважно, что это будет: дети, песни, книги, фильмы... Именно поэтому я буду жить надеждой и стараться надеяться, что завтра будет лучше, чем сегодня. Что завтра будет прекрасный, светлый и ясный день, а хмурая и пасмурная погода когда-нибудь да и

закончится. Буду надеяться, что над моей империей никогда не зайдёт солнце, а затмение окажется не мрачным предзнаменованием, а банальным явлением природы – объяснимым, а не обещающим несчастья.

Вот так и получается, что, закончив школу, только на одни надежды и уповаю, но никак не на знания с навыками. Учёба не заложила в меня ничего, что было бы мне полезно в будущем. Никто не разглядел во мне те таланты, которые обязаны были увидеть. Никто не уберёт меня от роковых ошибок, кои, возможно, испоганят мне будущее. Школа была мне больше тюрьмой, чем дорогой в жизнь, где вместо красной дорожки канат, а подо мной лишь пропасть.

И как мне теперь жить с этим дальше? Куда идти? Куда податься? Как удержать равновесие и не рухнуть вниз? Видимо, просто жить и надеяться. И дай Бог и удача мне не упасть на этом долгом пути во взрослую жизнь...

Киров, 2024 год.

Notes

[

←1

]

Класс, какую оценку мы поставим? Четыре или пять?

[

←2

]

Те, кто думает, что ему нужно поставить пять... Вас на смущает обилие грамматических ошибок у вашего коллеги?

[

←3

]

Что ж... Садись на место, пожалуйста. Я ставлю тебе четыре.

[

←4

]

(пер. рус.) И Оскар достаётся...